

**ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ
ОБЩЕСТВО**

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

7

**МОСКВА
ИПО
2006**

Редакционная коллегия:
к. и. н., доц. С. В. Алексеев (председатель),
к. и. н., доц. Д. М. Володихин, к. и. н. А. Ю. Смирнов.

На обложке:

Историческое обозрение. Вып. 7. М.: ИПО, 2006. — 104 с.

Седьмой выпуск ежегодного альманаха, включающего статьи и материалы, подготовленные Историко-просветительским обществом. В сборник включены работы, посвященные средневековой, новой и новейшей истории, историософским проблемам.

ISBN 5-93319-008-X (Вып. 7).

© Коллектив авторов, 2006

Подписано в печать 26.04.2006. Тираж 500 экз.

ОГЛАВЛЕНИЕ

АЛЕКСЕЕВ С.В. «ЛЕТОПИСЬ ПОПА ДУКЛЯНИНА» И ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ О СЛАВЯНСКОМ ЗАВОЕВАНИИ ДАЛМАЦИИ	4
ИНКОВ А.А. РЯЗАНСКАЯ ЗЕМЛЯ И ПОЛОВЦЫ В XII — НАЧАЛЕ XIII ВЕКА	29
ЕЛИСЕЕВА О.И. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО ПЕРЕСЕЛЕНИЮ В КРЫМ И НОВОРОССИЮ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА.	42
ГРИБАКИН А.С. 14-я ПЕХОТНАЯ ДИВИЗИЯ ФИНСКОЙ АРМИИ В ВОЙНЕ С СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ В 1941-1944 гг.	49
ДЕВИШЕВ И.Б. ПРОБЛЕМЫ ВВЕДЕНИЯ ЕДИНОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ВАЛЮТЫ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ.....	72
ГУЛАРЯН А.Б. ПРИБЛИЖЕНИЕ К РУССКОЙ ИДЕЕ.....	80

С.В. АЛЕКСЕЕВ

«ЛЕТОПИСЬ ПОПА ДУКЛЯНИНА» И ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ О СЛАВЯНСКОМ ЗАВОЕВАНИИ ДАЛМАЦИИ

Единственно сохранившийся в латинском переводе или пересказе памятник средневековой сербо-дуклянской историографии — «Летопись попа Дуклянина» («Книга Готская»), относящаяся, вероятно, ко второй половине XII в., представляет собой сложную компиляцию разных традиций. В сочинении отразились устные предания Дукли, Рашки и Хорватии, а также романской Далмации. Наконец, древнейшие сказания были переосмыслены автором «Книги Готской» в русле ученой «славяно-готской» легенды, направленной на возвеличение правящей династии. Тем не менее, «летописцу» удалось создать целостное, почти лишенное внутренних противоречий и довольно рациональное с позиций христианского сознания повествование. Несмотря на очевидные искажения первоначальной традиции в «Летописи», именно ее изучение приводит к продуктивным выводам о характере бытования древнеславянского исторического предания. Этим, впрочем, мы обязаны и богатому сопоставительному материалу из иностранных источников, — как синхронных, так и более ранних.

«Летопись» открывается развернутым повествованием о славянском («готском») завоевании Далмации:

«В то время, когда в Константинополе правил император Анастасий, который и себя, и многих других замарал евтихианской ересью, в Риме же восседал папа Геласий, когда блистали в Италии Герман епископ и Сабин, епископ Каносского престола, а также почтенный муж Бенедикт с горы Кассинской, извергся из северной страны некий народ, который именовался готы, народ дерзкий и неукротимый, князьями над коим были три брата, сыновья короля Сенубальда, имена которых были следующие: первый Брус, второй Тотила, третий Остроил. Из них Брус, который из всех был старшим, по смерти отца воссел на его место и правил вместо него в родной своей земле. Тотила же и Остроил, дабы имена свои сделать великими, по совету и воле первородного брата, совокупив весьма великое и могучее войско, вышли из своей земли, победоносно прибыли в Паннонскую провинцию и войной завладели ею. После чего с могучим множеством достигли Темпланы. Тогда король далматинский, который располагался в великом и дивном граде Салоне, отправил гонца с письмом к королю Истрии, чтобы, соединив войска, одновременно выступить навстречу тем и дать им отпор. Итак, оба, соединив войска своих народов, выступили навстречу готам. Придя, таким образом, разбили лагерь близ тех. Тогда, на протяжении восьми дней, поскольку от лагеря до лагеря было близко, с обеих сторон выходили воины, рая и убивая друг друга в поединках. В восьмой же день все с обеих сторон — христиане и язычники — вышли

вооруженные и сошлись в великой битве, длившейся от третьего часа дня до самого заката. И судом Божиим, коего никто не дерзнет предсказать, свершилось так, по неким сокрытым великим прегрешениям христиан, что победу одержали жестокие готы; и христиане пали, и убит был король Истрии, и многие тысячи христианского люда умерли от меча, и огромное множество было уведено в плен. Однако король далматинский с немногими могучими воинами ушел и бежал в свой град Салону. После этого, поскольку войско Тотилы и Остроила, его брата, было велико, а народ прибавился многократно, они, посоветовавшись со своими вельможами, разделили войско. И Тотила, пройдя со своим войском Истрию и Аквилею, ворвался в Италию и бился там в великих битвах, области же и грады во множестве опустошил и сжег. Оттуда вскоре приступил к острову Сицилия, когда пришло время конца его жизни, как предсказывал ему слуга Божий Бенедикт. Остроил же, брат его, со своим войском вступив в Иллирийскую провинцию, учинил жестокую войну, в коей никто не мог ему противостоять, овладел всей Далмацией и приморскими областями, и, наконец, прибыв, осел в Превалитанской округе. Встав тут на отдых с некоторой частью воинов, отправил сына своего, звавшегося Сенулат, покорить загорские области. Между тем император города Константинополя, собрав войска, отправил их против Остроила, о котором слышал, что тот пребывает с немногими в Превалитанском городе. Когда посланные императором прибыли туда, то застигли, как и говорилось, Остроила с немногими; однако же тот, будучи мужем твердого духа, изготовился и вступил в бой. Когда же бой завязался, Остроил пал и был убит, а бывшие с ним обратились в бегство. С тем императорские люди, забрав свою добычу, и возвратились в свою землю».¹

Хронологические указания в начале фрагмента относятся к действительным событиям остготской истории. При императоре Анастасии (491 — 518) и папе Геласии I (492 — 496) произошло завоевание Италии Теодорихом Великим. Но святой Бенедикт, как выясняется далее, попал сюда как современник исторического Тотилы и Готской войны VI в. Итак, само хронологическое указание носит компилятивный характер и стало результатом смешения далматинского предания о Тотиле с воспринятой через книги исторической информацией о готах в Италии. Источником этой информации могли послужить автору «Готской книги» как переводные византийские, так и латинские источники.

Заметим, что за вычетом этой надуманной синхронизации хронология начальных глав «Летописи попа Дуклянина» выглядит в целом довольно стройно и непротиворечиво. У нее две вполне согласованных между собой опорных точки — изобретение и внедрение славянской азбуки в 60-х — 80-х гг. IX в. и приход болгар на Балканы около 680 г. Отсчитывая

¹ Перевод по изданию: Шишић Ф. Летопис попа Дукљанина. Београд — Загреб, 1928. С. 293 — 296.

вглубь от последней даты на основе указанных самой летописью сроков правления, мы получаем дату смерти Остроила — не позднее 647 г. Это вполне соответствует времени прихода на Балканы сербов и хорватов при императоре Ираклии (610 — 641), указанному Константином Багрянородным, свидетельства которого будут приведены далее.

Как объяснить подобную точность у пользовавшегося, в конечном счете, устной традицией «летописца»? Можно заключить, что в основе «Книги Готской» лежал закрепленный традицией родовой перечень предков дуклянской династии (или сербских князей?). Можно также предположить, что он был достаточно рано записан. Аналогичный по характеру «Именник болгарских князей» был записан в VIII в., а уже в IX — X вв. переведен на славянский язык.

С другой стороны, некоторые хронологические указания на VII в. как время разорения Далмации содержала и письменная далматинская традиция, отраженная в XIII в. Фомой Сплитским. Дата же болгарского вторжения конца 70-х — начала 80-х гг. VII в. в принципе могла быть рассчитана на основе данных византийских авторов. Следует, однако, отметить, что русскому автору «Повести временных лет» такой расчет произвести не удалось, и он отнес приход болгар к временам прежде правления Ираклия. К тому же, если «летописец» действительно сознательно, на основе лично своего точного расчета, датировал правление Остроила VII столетием, могли он делать его не только братом Тотилы, но и современником Анастасия? Кажется все-таки, что автором «Книги Готской» двигало исключительно дуклянское родовое предание, для которого он и искал точки привязки во «внешней» истории.

Парадоксально, но хронологическая достоверность «Летописью» теряется позднее, с изложением событий IX в. Причина тому — идейная концепция автора о едином «Славянском королевстве», заставившая его выстраивать в один родословный ряд князей Рашки, Дукли и Хорватии.

Повествование «Летописи попа Дуклянина» (изначально же — «Книги Готской») о славянском завоевании западных Балкан интересно и уникально тем, что лишь в этом случае мы можем напрямую сопоставить славянскую родословную и переселенческую легенду с внешними источниками. Подобное сопоставление можно было, как мы видели, произвести и на материале славяно-болгарских исторических сочинений. Но там речь шла не о целостном, внутренне согласованном генеалогическом предании (каким выглядит рассказ «Летописи»), и, кроме того, очевидным было литературное воздействие извне, едва видимое в «Летописи». Более того, в случае с «Летописью» — и этим она действительно уникальна — мы можем проследить по письменным источникам практически весь путь эволюции предания, тем самым оценив и степень его достоверности в изложении исторических фактов, и механизмы складывания устной традиции и ее интерпретации в историческом труде.

Фактический материал, лежащий в первооснове предания, отразился в группе синхронных и чуть позднейших письменных источников конца VI — начала IX вв. Это письма папы Григория Великого, акты VI Вселенского собора, «Бревиарий» патриарха Никифора, «Хронография» Феофана Исповедника и «История лангобардов» Павла Диакона. Известия эти уточняются и детализируются данными археологии. Кроме того, к ранним источникам по характеру примыкает известие римской «Книги понтификов» (XI — XIII вв.), которое могло основываться не столько на устном предании, сколько на несохранившихся актах папского престола.

Известия Константина Багрянородного (трактат «Об управлении Империей», середина X в.) имели иное происхождение. Они представляли собой уже синтез как далматинской, так и сербохорватской традиции (устной и, возможно, отчасти уже письменной). В условиях начавшегося в IX в. взаимного смешения славян и далматинцев эти традиции неизбежно соприкасались и взаимно переплетались. Константин, приводящий, что особенно ценно, разные варианты преданий, фиксирует начальный пункт этого взаимопроникновения. Конечный его итог применительно к Далмации фиксируется, прежде всего, «Историей» Фомы Сплитского. В некоторых аспектах его картина событий ближе к Константину, чем картина «Дуклянина» — это свидетельствует о большей устойчивости далматинской традиции, развивавшейся в рамках письменной городской культуры. «Дуклянин», писавший, вероятно, ранее Фомы, тем не менее передает гораздо далее зашедший процесс циклизации преданий, их удаление от фактической реальности прошлого. Итак, рассмотрим эту эволюцию в деталях.

Проникновение славян в Далмацию было связано, в первую очередь, с аварскими войнами конца VI — начала VII в., которые привели к падению европейской границы Восточной Римской империи. Славяне в этих войнах, наряду с лангобардами, выступали, как правило, в качестве союзников авар. Первые сообщения о начавшемся славянском завоевании Далмации и Истрии относятся к самому рубежу веков и обнаруживаются в посланиях римского папы Григория Великого.

В мае 599 г. Григорий писал византийскому экзарху Италии Каллинику: «Наряду с тем, что вы сообщили мне о победах над славянами, знаете, что великой радости исполнен я оттого, что податели сего... направлены вашим превосходительством к святому Петру...»² Итак, в 599 г. имели место первые, еще удачные для ромеев столкновения со славянами на севере Италии, как выясняется из следующего упоминающего о них послания, в «истрийском входе». В этом послании салонскому епископу Максиму от июля 600 г. Григорий пишет: «По поводу же народа славян, который сильно вам угрожает, я весьма сокрушаюсь и тревожусь. Сокрушаюсь от того, что уже, вместе с вами, претерпеваю. Тревожусь, ибо через истрий-

² Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. М., 1995. С. 351 (перевод В.К.Рониной).

ский вход они начали уже вторгаться в Италию».³ Таким образом, речь идет не только о нападениях на Истрию, но и о вторжении в Далмацию.

О вторжении в Истрию в 601 — 602 гг. сообщает и Павел Диакон: «Между тем лангобарды, вторгшись вместо с аварами и славянами в пределы истрийцев, опустошили все огнем и грабежами».⁴ В результате этот участок имперской границы пал. Вторжение открыло дорогу для заселения Истрии словенами, которое, судя по археологическим материалам, начинается как раз в эти годы. Вторжения в Истрию сопровождались разорением ромейских городов и крепостей.⁵

В 603 г., уже после переворота Фоки в Константинополе, открывшего дорогу массовому аваро-славянскому вторжению в европейские провинции, славяне в ходе тех же войн лангобардов с ромеями получили возможность еще глубже проникнуть в Италию. В июле 603 г. лангобардский король Агилульф «осадил вместе со славянами, которых хаган, царь аваров, прислал ему на помощь, город Кремону и, захватив его 21 августа, разрушил до основания. Таким же образом овладел он и Мантуей...»⁶ Еще одно, вероятно, окончательное разорение Истрии датируется 611 г.: «в том же году славяне самым плачевным образом разграбили Истрию, перебив воинов».⁷ На этот раз они действовали не только без лангобардов, но вопреки миру, который заключил с Империей король Агилульф. Итак, сведения «Летописи попа Дуклянина» о вторжении «Тотилы» в Италию через Истрию обязаны своим происхождением отнюдь не только «готской легенде».

О ходе военных действий собственно в Далмации после 602 г. нет вполне надежных сведений. События восстанавливаются, как правило, с привлечением известий Константина Багрянородного и Фомы Сплитского. Однако центральный сюжет их повествований — захват и разрушение славянами Салоны и Эпидавра — подтверждается археологически. По данным археологии, падение далматинских городов произошло около 614 — 615 г. Местные жители нашли убежище преимущественно на островах, как и свидетельствуют поздние авторы.⁸ Как раз к этому времени относится

---

³ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. С. 351 (перевод В.К.Ронина).

⁴ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. С. 484/485 (перевод В.К.Ронина).

⁵ Седов В.В. Славяне в раннее средневековье. М., 1995. С. 323.

⁶ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. С. 484/485 (перевод В.К.Ронина).

⁷ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. С. 486/487 (перевод В.К.Ронина).

⁸ Katić L. Vjerodostojnost Tome Arcidakone i posljedni dani Solina.// Vjesnik za a arheologiju i historiju dalmatinsku. Zadar, 1952. Kn. 53; Dovan A. Povijest Dubrovnic od najstarijih vremena do početka VII st. (do propasti Epidauruma).// Anali Hist. in-ta JAZU u Dubrovniku. Dubrovnik, 1966. № 10 — 11; Wilkes J.J. Dalmatia. London, 1969. P. 437.

наибольшее опустошение европейских провинций и расселение в них славян. О захвате ими Греции в этот период сообщает испанский автор Исидор Севильский, современник событий.⁹

Ситуация на побережье, кажется, несколько стабилизировалась к 640 г. По сведениям «Книги понтификов», папа Иоанн IV, уроженец Далмации, при вступлении на престол в 640 г. отправил на свою родину аббата Мартина, который собрал на опустошенных землях христианские реликвии и перенес в Рим мощи салонских святых Домния и Анастасия, покровителей Салоны.¹⁰

Между тем, на тот момент по меньшей мере какая-то часть далматинского побережья находилась в руках славян. Согласно Павлу Диакону, в 642 г. славяне по Адриатике переправились в Южную Италию. Теперь они были, однако, не союзниками, а врагами лангобардов, беневентского герцога Айо: «славяне, явившись со множеством кораблей, разбили лагерь неподалеку от города Сипонт. Так как они устроили вокруг своего лагеря скрытые ямы, то, когда Айо пошел против славян в отсутствие Радоальда и Гримоальда и хотел их разбить, конь его упал в одну из этих ям, и сам он вместе с немалым числом других был убит набросившимися на него славянами. Как только об этом было сообщено Радоальду, тот, быстро явившись, заговорил с этими славянами на их собственном языке. Когда же он сделал их вследствие этого менее воинственными, то, тотчас напав на них и подвергнув их большому избиению, он и за смерть Айо отомстил, и тех врагов, которые еще оставались, вынудил бежать из тех пределов».¹¹ Это первое упоминание о славянских морских набегах по Адриатике.

Судя по деятельности аббата Мартина, между Империей и «западными» славянами Балкан отношения к началу 640-х гг. нормализовались. Однако к 670-м гг. они, видимо, вновь были враждебными. Во всяком случае, после побед Византии над арабами (Кизикская морская битва 673 г. и выгодный мир 678 г.¹²) и лангобарды, и «западные» славяне заключают с ней новый мир по инициативе и под главенством аварского кагана, напуганного ромейским успехом. Об этом сообщают пользовавшиеся общими источниками Никифор и Феофан. В «Бревиарии» Никифора: «Услышав об этом, живущие в западных краях, то есть игемон аваров и тамошние архонты соседних на западе иноплеменников, также запросили мира, отправив через послов дары василевсу. Так как василевс склонился к этому, во-

---

⁹ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. С. 354 — 357 (перевод О.В.Ивановой).

¹⁰ *Liber pontificalis*. Paris, 1955. Т. 1. P. 330.

¹¹ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. С. 486/487 (перевод В.К.Рониной).

¹² Большаков О.Г. История Халифата. Т. 3. М., 1998. С. 163 — 164.

царились в дальнейшем мир и покой и на востоке и на западе».¹³ Здесь упоминание славян можно лишь угадывать. Однако конкретнее позволяют сделать вывод об их участии сведения Феофана: «Узнав об этом, и обитатели западных краев, и аварский хаган, и тамошние риксы, экзархи, кастальды и предводители западных народов отправили через посланников дары василевсу, обращаясь с просьбой даровать им благодать мира. Посему василевс, снизойдя к их просьбам, пожаловал им государев мир. И великая тишина утвердилась и на Востоке, и на Западе».¹⁴

Под кастальдами с очевидностью имеются в виду представители лангобардов, «риксы» же и «экзархи», на что справедливо указывает в этой связи Г.Г.Литаврин, в данном контексте — «прежде всего предводители (вожди племен и племенных союзов) славянских народов».¹⁵ Термин германского происхождения «рикс» со второй половины VI в. более чем на век стал одним из основных обозначений славянских вождей в византийских источниках. Но и без того, видеть в риксах и экзархах, соседящих с Византией с запада и близких с аварами, кого-то иного (лангобардские кастальды обособлены от них в тексте) едва ли возможно.

К 680-м гг. относится первое достоверное свидетельство о распространении христианства в сербохорватских землях. Его трудно не поставить в связь с миром, который здешние правители заключили с Империей в 673 — 678 гг. В послании римского папы Агафона, оглашенном на VI Вселенском Соборе в 680 г. и подчеркивавшим важность единства Церкви, говорилось: «Среди народов и лангобардов, и славян, а не только франков, готов и бриттов большинство признают, что они из наших братьев. А они не перестают интересоваться этим, чтобы быть осведомленными о том, что совершается в делах веры апостольской».¹⁶ Очевидно, что должны иметься в виду «западные» славянские земли. Трудно не сопоставить слова Агафона и с сообщениями Константина Багрянородного о крещении хорватов и сербов в VII в.

Этим синхронные или напрямую восходящие к синхронным письменным источникам сведения о ситуации в далматинских землях исчерпываются. По понятным причинам византийских авторов в VII в. и позднее, до времен правления Василия I, мало интересовало происходящее в отрезанной и опустошенной Далмации. Их внимание было приковано к событиям во Фракии и Македонии, с начала IX в. — также в Греции.

---

¹³ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. С. 226/227 (перевод Г.Г.Литаврина).

¹⁴ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. С. 274/275 (перевод Г.Г.Литаврина).

¹⁵ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. С. 312.

¹⁶ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. С. 212 (перевод Г.Г.Литаврина).

Положение изменилось ко времени Константина Багрянородного. В своих трудах он уделяет немало внимания деятельности своего деда по восстановлению контроля над западными землями и упорядочению отношений далматинцев со славянами.¹⁷ Проснувшийся в связи с этим интерес к прошлому Далмации породил обширный исторический очерк, в котором сербская, хорватская и далматинская исторические традиции истолкованы в русле официальной ромейской идеологии.

Основу описания захвата Далмации славянами в 29 главе труда Константина («О Далмации и соседствующих с ней народах»; текст здесь и далее приводится в переводе Г.Г.Литаврина) составила романское далматинское предание.¹⁸ В то же время автор не очень хорошо знал географию Далмации и, например, явно смешивает Саву с Дунаем. Согласно Константину, Далмацию заселили выходцы из Рима, переведенные императором Диоклетианом, который якобы построил здесь крепости Аскалаф и Диоклею.

«Владение этих римлян простиралось до реки Дунай. Когда некоторые из них пожелали переправиться через реку и узнать, кто живет по ту сторону ее, то переправясь, они нашли славянские безоружные племена, которые называются также аварами. Ни эти люди не знали, что кто-нибудь живет по ту сторону реки, ни те, что кто-либо обитает по сую сторону. Поскольку же римляне застали аваров безоружными и к войне не подготовленными, они, пойдя войною, забрали добычу и полон и вернулись. С тех пор римляне установили две смены и, отслужив от Пасхи до Пасхи, меняли свое войско, так что в Великую святую субботу они встречались друг с другом: одни — возвращаясь от укреплений, другие же — отправляясь на эту службу. Ибо близ моря, ниже той же самой крепости, есть крепость под названием Салона, размером вполовину Константинополя, в коей все римляне сходятся, вооружаются и направляются отсюда к клисуре, отстоящей от этой самой крепости на четыре мили, которая и донныне зовется Клиса, ибо затворяет идущим с той стороны. Оттуда же уходят к реке. И так эта смена осуществлялась многие годы, и славяне по ту сторону реки, называемые также аварами, поразмыслив, сказали: «Эти римляне, которые переправились и взяли добычу, отныне не перестанут ходить против нас войной. Поэтому сразимся-ка с ними». Засим славяне, они же авары, посоветовавшись таким образом, когда однажды римляне переправились, устроили засады и, сражаясь, победили их. Взяв их оружия, знамена и прочие воинские знаки и переправившись через реку, названные славяне пришли к клисуре. Увидев их, находившиеся там римляне, приметя также знамена и вооружение своих единоплеменников, сочли и их самих таковыми. Когда

---

¹⁷ Продолжатель Феофана. Перевод Я.Н.Любарского. СПб., 1992. С. 122 — 123; Константин Багрянородный. Об управлении Империей. Перевод Г.Г.Литаврина. Под ред. Г.Г.Литаврина и А.П.Новосельцева. М., 1991. С. 112 — 115, 134/135.

¹⁸ Константин Багрянородный. Об управлении Империей. С. 361.

же названные славяне достигли клисуры, они позволили им пройти. Пройдя же, славяне тотчас изгнали римлян и овладели вышеупомянутой крепостью Салона. Поселяясь там, с той поры они начали понемногу разорять римлян, живших в долинах и на возвышенностях, уничтожали и овладевали их землями. Прочие же римляне находили спасение в крепостях побережья и доныне владеют ими...»¹⁹

В известии Константина с очевидностью есть рациональное зерно. Однако изложение уже довольно далеко от реальных фактов и насыщено фольклорными деталями. Так, явно из фольклора пришла убежденность в том, будто далматинцы случайно обнаружили живущих за рекой авар-славян. Фантастическим, нацеленным скорее на унижение противника, выглядит представление их как «безоружных племен» и описание длительных, многолетних разорений их земель римлянами.²⁰ Не соответствует действительности, как мы уже видели, и то, что Салона была захвачена немедленно после вторжения в Далмацию, в результате военной хитрости. Между вторжением в Далмацию и взятием Салоны прошло в реальности не менее 15 лет. Как увидим далее, это отражено и в далматинской традиции; не говорит о немедленном взятии Салоны и «Летопись попа Дуклянина».

Вместе с тем, известие Константина отражает как некоторые исторические факты, так и наметившиеся тенденции устной традиции, далматинской и славянской. Главная из них — отождествление разных отрядов и волн завоевателей Далмации. Константин еще помнит имя авар, но для него они тождественны славянам. В этом он парадоксально отличается от писавшего позднее Фомы, который, как уже говорилось, авар не знает, но зато отделяет славян от «готов». Еще один важный момент — возвеличение Салоны («размером вполовину Константинополя»). Оно находит отражение не только у Фомы, что было бы вполне естественно, но и в «Летописи попа Дуклянина» («великий и дивный град Салона»). Здесь, очевидно, имеет место пример взаимопроникновения славянского и романского предания, тем более что победа над столь великим городом возвеличивала победителей, вопреки тенденциям далматинской традиции.

Далее в той же 29 главе Константин, имея в виду последующее изложение и ссылаясь на него, подчеркивает подвластность далматинских славян Империи с царствования Ираклия (610 — 641). Среди этих славян исчисляются «хорваты, сербы, захлумы, тервуниоты, каналиты, диоклетинаны и аренданы, именуемые также паганами». Отложение славян, повлекшее за собой их повторное присоединение при Василии, произошло, согласно этой версии, при Михаиле Травле (820 — 829). В связи с этим Константин, уже противореча последующему изложению сербской и хорватской истории, отмечает, будто «архонтов, как говорят, эти народы не имели, кроме старцев-жупанов, как это в правилах и в прочих Славиниях. По-

¹⁹ Константин Багрянородный. Об управлении Империей. С. 110 — 113.

²⁰ Константин Багрянородный. Об управлении Империей. С. 363.

мимо этого, большинство этих славян не было крещено, и долгое время они оставались нехристиами».²¹ Вероятно, здесь представлена та же тенденция к принижению славян. Впрочем, в зыбкости предполагаемого их крещения в VII столетии, как и в демократизме славянского общественного строя, сомневаться не приходится.

В последней части 29 главы Константин вновь возвращается к далматинским преданиям, рассказывая об отдельных романских городах Далмации. В связи с этим он передает рассказ о захвате славянами Эпидавра: «В то время, когда славяне, живущие в феме, захватили прочие укрепления, они овладели также и этой крепостью. Одни были убиты, другие обращены в рабство. Сумевшие сбежать и спастись поселились на обрывистых местах...» — на месте будущего Дубровника (Раусия). К ним присоединились и некоторые беженцы из Салоны.²² Об опустошении множества прибрежных крепостей еще раз сказано в самом конце главы.²³

В следующей, 30 главе труда Константина («Рассказ о феме Далмация») история падения Салоны излагается заново, и с существенными отличиями. К тому же в этой главе она соединена в единой логике исторического повествования с преданием о приходе на Балканы хорватов. Особенности построения главы приводят к выводу о происхождении ее из разнородных источников, в том числе далматинских и славянских, но подвергшихся обработке константинопольского автора, плохо знавшего географию Далмации. В то же время исторические события он знал явно лучше.²⁴ Все это наводит на мысль об использовании столичным жителем некоего письменного источника далматинского происхождения, возможно, отразившего немногим более раннюю (и достоверную) стадию бытования традиции, чем глава 29.

Как уже говорилось, предание о взятии Салоны перелagается в главе 30 с существенными отличиями: «Близ Аспалафа имеется крепость, которая именуется Салоной... Крепость эта была главной во всей Далмации. Поэтому ежегодно из прочих крепостей Далмации конные стратиоты собирались и высылались из Салоны числом до тысячи для несения стражи на реке Дунай против аваров, ибо авары сделали своим местом пребывания противоположную сторону реки Дунай, где ныне турки, ведя кочевую жизнь. Отправляясь ежегодно, жители Далмации часто видели на той стороне реки скот и людей. Поэтому вздумалось им однажды переправиться и повыведать, кто же эти люди живущие там. Итак, переправясь, они обнаружили одних аварских жен и детей, тогда как мужчины и юноши находи-

²¹ Константин Багрянородный. Об управлении Империей. С. 112/113.

²² Константин Багрянородный. Об управлении Империей. С. 122/123.

²³ Константин Багрянородный. Об управлении Империей. М., 1991. С. 126/127

²⁴ Grafenauer V. Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogenita o doselenju Hrvata.// Historijski zbornik. 1952. 5. S. 15 — 30; Константин Багрянородный. Об управлении Империей. С. 368 — 369.

лись в военном походе. Поэтому, совершив внезапное нападение, они захватили их в полон и без ущерба вернулись, доставив эту добычу в Салону. Затем, когда авары возвратились из похода и узнали о случившемся — в чем они пострадали, они взволновались, недоумевая, однако, откуда им нанесен удар. Поэтому они решили подождать случая, чтобы из него узнать обо всем. Далее, когда, как обычно, были снова отправлены из Салоны таксеоты (однако это были не те, что ранее, а другие, хотя они то же самое в отношении тех держали в помыслах), они переправились против аваров, но так как те оказались собравшимися воедино, а не рассеянными, как прежде, не только ничего не сделали, но и претерпели самое ужасное. Ибо одни из них были убиты, а прочие были схвачены живыми, никто не избегнул рук. Порасспросив пленных, кто они и откуда, и узнав, что от них они претерпели упомянутый удар, а также повидавши о достоинствах их земли и словно полюбив ее уже по слуху, авары заключили живых пленников в оковы, надели на себя их одежды, как носили их те, и, сев на коней, взяв в руки их знамена и прочие значки, которые те носили с собой, все поднялись в воинском порядке и двинулись против Салоны. Поскольку же при допросах они узнали и время, когда таксеоты возвращаются с Дуная (а это была Великая и святая суббота), они прибыли как раз в этот день. Основная масса войска, когда они были уже где-то поблизости, затаилась, а около тысячи, которые имели для обмана коней и одежды далматинцев, вышли открыто. Жители крепости, признав свои значки и одеяния, зная также и день, в который те по обычаю возвращаются, открыли ворота и приняли прибывших с радостью. Авары, войдя, тотчас овладели воротами и, знаком осведомив о свершенном деле войско, приготовились к вторжению и нападению. Так они перебили всех жителей города, а затем овладели всей страной Далмацией и поселились в ней. Одни городки у моря не сдались им и были удержаны ромеями и то лишь потому, что средства для их жизни они добывают на море. Итак, увидев, что земля эта прекрасна, авары поселились на ней».²⁵

Нетрудно заметить, что тональность первого варианта далматинского предания в этой версии повторяется с точностью почти наоборот. Авары более не унижаются, не представляются как «безоружный народ» — и это соответствует исторической действительности. Напротив, о действиях далматинцев говорится с оттенком осуждения и даже издевки. Они показаны способными воевать лишь с женщинами и детьми — и неспособными противостоять достойному противнику. Наивность впустивших врага салонцев в этом контексте предстает едва ли достойной сочувствия. Вряд ли такая точка зрения отражает изначально далматинскую версию событий. Хотя с морализаторских позиций весьма вероятно ее восприятие в Далмации — Фома бичует грехи своих соотечественников перед славянским

---

²⁵ Константин Багрянородный. Об управлении Империей. С. 128 — 131.

вторжением²⁶ гораздо более жестко, чем «Дуклянин», невнятно говорящий о «некоем прегрешении».

В связи с происхождением осуждающей далматинцев версии любопытно, что авары, чей кочевой образ жизни специально подчеркивается, более не отождествляются со славянами (что, конечно, достоверно) — и что славяне вообще не упоминаются среди первых завоевателей Далмации и захватчиков Салоны (а это совершенно недостоверно). Этим достигается двойной эффект. С одной стороны, со славян в целом снимается ответственность за разорение далматинских городов. И это несмотря на то, что в начале главы Константин обещает рассказать, как Далмация «была захвачена народами славян».²⁷ С другой стороны, хорваты (славяне!) жестко противопоставлены первой волне завоевателей, своим врагам, по этническому признаку. Тем самым именно славяне предстают «героической» стороной в сказании о покорении ими Далмации. Из этого, с учетом того, что в нижеследующем тексте Константин определенно использует хорватские родовые предания, следует, что именно славянская традиция сохранила память о завоевании Далмации в этой версии. Указание далее на то, что авары смешались с хорватами, отчасти сохранив свое имя и самосознание, как бы указывает на путь сохранения в хорватской среде относительно благожелательной к аварам версии взятия Салоны.

С исторической действительностью, память о которой могла сохраниться в письменных источниках, повествование 30 главы связывает указание на то, что стражу к границе направляли как раз против авар. Таким образом, они больше не предстают неизвестным народом, хотя реликт этого фольклорного мотива в тексте есть. Более достоверно, чем многолетние набеги римлян на «безоружных» авар, выглядит и сообщение о двух рейдах из Салоны — удачном и неудачном. Его можно сопоставить с известиями синхронных источников и согласовать с хронологией аварских войн конца VI в.²⁸ Однако сохраняется и главный, на тот момент превалировавший, вероятно, в известной Константину далматинской традиции, элемент недостоверности — утверждение о моментальном, с помощью военной хитрости, взятии Салоны после вторжения в Далмацию. Далее, исчезает упоминание о Клисе. Между тем, как раз упоминание Клиса в первой версии, возможно, указывает на путь сложения предания — именно Клис должен был первым распахнуть ворота захватчикам. Очевидно, глава 30 в известном смысле отражает механизм искажения действительности — события в устной традиции «стягивались» в одну точку, и взятие Клиса в конечном счете было полностью заслонено взятием Салоны.

---

²⁶ Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. М., 1997. С. 34 — 35/239 — 240.

²⁷ Константин Багрянородный. Об управлении Империей. С. 126/127.

²⁸ Алексеев С.В. Славянская Европа V — VI вв. М., 2005. С. 318, 321 — 322.

Сразу после второго варианта далматинского предания Константин переходит к изложению первого своего варианта предания хорватского: «Хорваты же жили в то время за Багиварией, где с недавнего времени находятся белохорваты. Один из родов, отделяясь от них, а именно — пять братьев: Клука, Ловел, Косендцис, Мухло и Хорват и две сестры, Туга и Вуга, — вместе с их народом пришли в Далмацию и обнаружили, что авары завладели этой землей. Поэтому несколько лет они воевали друг с другом — и одолели хорваты; одних аваров они убили, прочих принудили подчиниться. С тех пор эта страна находится под властью хорватов. В Хорватии и по сей день имеются остатки аваров, которых и считают аварами. Прочие же хорваты остались у Франгии и с недавних пор называются белохорватами, т. е. «белыми хорватами», имеющими собственного архонта... От хорватов, пришедших в Далмацию, отделилась некая часть и овладела Иллириком и Паннонией. Имели и они самовластного архонта, ради дружбы обменивавшегося посольствами с архонтом Хорватии. В течение нескольких лет хорваты, находящиеся в Далмации, подчинялись франкам, как и прежде, когда они жили в собственной земле...»²⁹ Далее описывает восстание хорватов против франков и их крещение при «архонте» Порине (Борна, умер в 821).³⁰ Завершает главу рассказ о примирении теснимых на островах паганами далматинцев с хорватами при Василии I.³¹

Как уже говорилось, в контексте главы 30 очевидно жесткое противопоставление двух волн завоевателей по этническому принципу и, менее четко, по образу жизни — кочевые авары против славян-хорватов. Последующий рассказ о восстании против франков и самостоятельном крещении хорватов из Рима подчеркивает стремление хорватского предания обосновать права своих князей на отвоеванные ими земли. Об именах хорватских предводителей, отмеченных только здесь, нельзя сказать ничего сверх того, что они отражают деление хорватского племенного союза на семь «родов» — малых племен патронимического происхождения. С «Историей» Фомы Сплитского (отчасти) и особенно с «Летописью попа Дуклянина» предание Константина сближает указание на центральноевропейскую прародину славянских пришельцев.

Сходную по основной тональности, но отличающуюся в деталях версию происхождения балканских хорватов дает Константин в главе 31 — «О хорватах и о стране, в которой они живут в настоящее время». Эта версия также хорватская по происхождению, но отражает иную тенденцию в устной традиции. По мнению Е.П.Наумова³² и О.А.Акимовой,³³ в главе 31

²⁹ Константин Багрянородный. Об управлении Империей. С. 130 — 133.

³⁰ Константин Багрянородный. Об управлении Империей. С. 132/133, 372.

³¹ Константин Багрянородный. Об управлении Империей. С. 134/135.

³² Наумов Е.П. Возникновение этнического самосознания раннефеодальной хорватской народности. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 169 — 171;

находит отражение «княжеская» версия ранней хорватской истории, тогда как глава 30 есть отражение «старых племенных сказаний». «Княжеская» версия при этом являлась (или стала под пером Константина) к тому же и провизантийской.

«Хорваты, ныне живущие в краях Далмации, — повторяет Константин и в главе 31, — происходят от некрещеных хорватов, называвшихся «белыми», которые обитают по ту сторону Турки, близ Франгии, и граничат со славянами — некрещеными сербами. Хорваты на славянском языке означает «обитатели большой страны». Эти хорваты оказались перебежчиками к василевсу ромеев Ираклию ранее, чем к этому василевсу Ираклию перешли сербы, в то время, когда авары, пойдя войною, прогнали оттуда римлян, выведенных из Рима и поселенных там василевсом Диоклетианом... Когда упомянутые римляне были прогнаны аварами, в дни того же василевса ромеев Ираклия, их земли остались пустыми. Поэтому, по повелению василевса Ираклия, эти хорваты, пойдя войною против аваров и прогнав их оттуда, по воле василевса Ираклия и поселились в сей стране аваров, в какой живут ныне. Эти хорваты имели в то время в качестве архонта отца некоего Порга. Василевс Ираклий, отправив, приведя священников из Рима и избрав из них архиепископа, епископа, пресвитеров и диаконов, крестил хорватов. Тогда у этих хорватов архонтом был уже Порг... Эти крещеные хорваты не желают воевать против чужих стран, лежащих вне их собственной, ибо они при василевсе ромеев Ираклии получили некое предсказание и постановление от папы римского, пославшего священников и их крестившего. Эти хорваты после крещения заключили, собственноручно подписав, договор, договор и дали святому апостолу Петру нерушимые твердые клятвы, что никогда не отправятся в чужую землю и не будут воевать, а, напротив, будут хранить мир со всеми желающими, получив, в свою очередь, от самого римского папы молитву, согласно которой, если какие-нибудь иные народы выступят против хорватов и прибудут их воевать, то Бог ранее самих хорватов вступит в бой и защитит их, а ученик Христа Петр дарует им победу». Далее следует рассказ о миссии к хорватам Мартина, которая, однако, отнесена к IX в. (правлению короля Трпимира I, которого Константин к тому же смешал с правившим уже в X столетии Трпимиром II).³⁴

Хронологические смещения (перенесение времени правления Борны в VII в., миссии Мартина — напротив, к концу тысячелетия) делают очевидным фольклорное в конечном счете происхождение и этого предания. Тенденции его достаточно прозрачны. Во-первых, утверждается идея княжеского единовластия и династической преемственности («отец» Борны предводительствует всеми хорватами во времена Ираклия). Во-вторых, утверждается идея законности овладения далматинских земель хорватами.

³³ Константин Багрянородный. Об управлении Империей. С. 374 — 375.

³⁴ Константин Багрянородный. Об управлении Империей. С. 136 — 139.

Территория была уже полностью опустошена аварами к их появлению; хорваты пришли не сами по себе (как в первой версии), а по приглашению византийского императора Ираклия. От него же они получили свою землю.³⁵ В условиях усиления военного и дипломатического влияния Империи подобные напоминания становились отнюдь нелишни, превращаясь в важный элемент государственной идеологии. Отношения же с франками и зависимость балканских хорватов от них теперь вовсе не упоминаются. Наконец, очевидно патриотический характер носит легенда о договоре с папой. Она утверждает одновременно и миролюбие хорватов, и их готовность отстаивать собственную страну от любого, сколь угодно сильного врага. В этом плане она перекликается с преданием из предыдущей главы о восстании против франков. Новым моментом (и также откровенно патриотического характера) является и ложная этимология названия хорватов, на самом деле иранского по происхождению.³⁶

Некоторые элементы этой версии, безусловно, соответствуют исторической действительности. Так, разорение аварами Далмации действительно относится ко времени Ираклия, и логично довериться свидетельству Константина о приходе хорватов сразу следом. Вместе с тем сохраняется характерное противопоставление неславянских завоевателей авар хорватам, предстающим теперь уже как освободители Далмации. Это, как и указание на центральноевропейскую прародину (теперь еще и на исконное соседство с сербами), — общие элементы двух вариантов.

Общим является и указание на крещение хорватов при Борне. Однако теперь оно отнесено ко времени правления Ираклия, на два века назад. С учетом послания папы Агафона 680 г., логично предположить, что к хорватам дважды (или даже более раз) отправлялись христианские миссии. Первая из них вполне может быть отнесена к правлению Ираклия, если сведения о союзе его с хорватами не надуманы. В пользу этого свидетельствует и сохранение в хорватском предании памяти о визите Мартина (смешавшегося, впрочем, с кем-то из позднейших, IX в., проповедников христианства). Он действительно имел место в конце правления Ираклия, в 640 г.

В 32 главе («О сербах и о стране, где они живут») Константин переходит к изложению сербской истории. В этой главе его труда со всеми основаниями видят отражение уже сербской родословной традиции, отраженной, возможно, в «Хронике сербских правителей».³⁷ При некоторой гипотетичности «Хроники» и явной византийской обработке сведений в официальном духе, использование собственно сербской традиции в труде Константина невозможно отрицать.

---

³⁵ Наумов Е.П. Возникновение этнического самосознания раннефеодальной хорватской народности. С. 173.

³⁶ Этимологический словарь славянских языков. М., 1981. Вып. 8. С. 149 — 152.

³⁷ Острогорски Г. Сабрана дела. Београд, 1970. Кн. 4. С. 79 — 86.

«Сербы, — пишет Константин, — происходят от некрещеных сербов, называемых также «белыми» и живущих по ту сторону Турки в местности, именуемой ими Воики. С ними граничит Франгия, а также Великая Хорватия, некрещеная, называемая также «Белой». Там-то и живут с самого начала эти сербы. Но когда двое братьев получили от отца власть над Сербией, один из них, взяв половину народа, попросил убежища у Ираклия, василевса ромеев. Приняв его, сам василевс Ираклий предоставил ему в феме Фессалоники как место для поселения Сервии, которая с той поры и получила это прозвание. Сербами же на языке ромеев зовутся рабы... Это прозвище сербы получили потому, что стали рабами василевса ромеев. Через некоторое время этим сербам вздумалось вернуться в свои места, и василевс отослал их. Но когда они переправились через реку Дунай, то охваченные раскаянием, возвестили василевсу Ираклию через стратига, управлявшего тогда Белеградом, чтобы он дал им другую землю для поселения. Поскольку нынешняя Сербия, Пагания, так называемая страна захлумов, Тервуния и страна каналитов были под властью василевса ромеев, а страны эти оказались безлюдными из-за аваров (они ведь изгнали оттуда римлян, живущих в теперешней Далмации и Диррахии), то василевс и поселил означенных сербов в этих странах. Они были подвластны василевсу ромеев, который, приведя пресвитеров из Рима, крестил их и, обучив хорошо совершать дела благочестия, изложил им веру христианскую... Затем, когда умер сей архонт Серб, прибегнувший к василевсу, по наследству правил его сын, затем внук, и так далее, — архонты из его рода. Через некоторое время был в этом роду и среди них Воисеслав...»³⁸ Правнук этого Вышеслава, Властимир, — современник болгарского князя Пресиана (836 — 852). Таким образом, поименный перечень сербских правителей начинается у Константина примерно со второй половины VIII в. В «Летописи попа Дуклянина» и других источниках первым именам (Вышеслав, Родослав, Просигой) прямых соответствий нет.

За 32 главой следует несколько глав, описывающих другие (кроме Рашки) сербские племенные княжения. Большинство из них, как отмечается, находились изначально под властью того же первого «архонта» сербов, хотя ко времени Константина уже отделились от Рашки. Кроме уже названных захлумов, тервунитов, каналитов, паганов, теперь в перечень попадают и диоклетиане (дукляне). Им специально посвящена глава 35.³⁹ Однако справедливости ради надо отметить, что как раз применительно к дуклянам «архонт Серб» не упоминается. Они ставятся в ряд сербских племен между тервунитами и паганами, но как будто слегка обособлено. О Дукле говорится лишь: «Порабощенная также аварами, и эта страна запустела и была вновь заселена при василевсе Ираклии, как и Хорватия, Сербия, страна захлумов, Тервуния и страна Канали». Таким образом, утвер-

³⁸ Константин Багрянородный. Об управлении Империей. С. 140 — 143.

³⁹ Константин Багрянородный. Об управлении Империей. С. 150 — 153.

ждается как будто исконная независимость Дукли от сербских и хорватских князей. С другой стороны, это может отражать реальность времен Константина, а не Ираклия.

Сходство отдельных мотивов в сербском родословном предании по Константину с «Летописью попа Дуклянина» бросается в глаза. Основатель сербской династии предстает как один из двух братьев, разделивший с братом народ, но не власть над прародиной. Надо учитывать, что третий брат Тотила в «Книге Готской» — персонаж занесенный из литературных источников. В случае с сербами мы вновь, как и в главе 31 (и в «Летописи») имеем дело с «княжеской» по характеру родословной легендой. Она сконцентрирована на правящей династии, и упоминает лишь ее родоначальника. Прародина сербов, как и хорватов, Константином помещается в Центральной Европе, что с очевидностью имеет рациональную основу.

Тем рельефнее отличия предания X в. от «Летописи», и прежде всего основное. Сербь, как и хорваты, у Константина — не враги, а союзники (хотя бы на время) христианских государств. Они враги захватчиков-авар и подданные императора Ираклия. Сербь, как и хорваты, были по приказу Ираклия крещены из Рима (кроме отвергнувших крещение и тогда, и при Василии I паганов-арендан). В то же время следует отметить, что применительно к сербам Константин ничего не говорит о войне с аварами. Приход сербов у него следует за приходом хорватов. Следовательно, авары уже разгромлены и покорены хорватами, и освобождать от них территорию у сербов необходимости нет. Ираклий должен лишь заселить новыми подданными пустующие земли. Этот мотив, закрепляющий права славянских князей и жупанов на древние имперские провинции, повторяется в сербохорватских главах труда Константина рефреном. Он работал не только на славянские правящие династии, но и на Константинополь — обосновывая признание Василием I суверенитета Сербии и Хорватии.

След тенденциозной обработки сербского предания Константином или его сотрудниками — ложная, принижающая этимология слова «сербь». Она явно противоречит данным того предания, в которое вставлена. Согласно ему, сербы назывались так еще на европейской прародине, где остались лужицкие («белые») сербы. Имя «архонта» Серб, скорее всего, — лишь этническое определение взамен неизвестного Константину личного имени основателя династии. Характерно, что он не называет и легендарного «отца» Борны. В то же время другая ложная этимология — для македонских Сервий — скорее всего, почерпнута из сербского придворного предания. Она может отражать какие-то, не исключено, что отчасти и основательные, старинные притязания сербских князей на македонские земли.

Итак, сведения Константина Багрянородного представляют нам далматинскую, хорватскую и сербскую исторические традиции на самой ранней стадии их взаимопроникновения. Большинство основных мотивов пе-

реселенческого предания «Книги Готской» здесь уже представлены. Другие (отождествление аваро-славян с готами) вскоре появятся в далматинской книжности. Однако, как мы видели, мотивы эти у Константина представлены врозь, не в рамках цельного повествования. Они относятся к разным сюжетам, более того — к разным этническим традициям. Театр описанных у «Дуклянина» военных действий указывает как будто на события, связанные с возникновением хорватских средневековых княжеств. Однако не только место возникновения его труда, но и приводимая родословная правителей указывает уже на Сербию. Наконец, и самое главное, война с салонскими христианами в логике традиции X в. должна быть отнесена вовсе не хорватам и не сербам, а предшествующей волне завоевателей — аварам и зависимым от них славянам. Это и более соответствует исторической действительности, насколько она может быть воссоздана из сопоставления данных Константина с отрывочными сообщениями более ранних письменных источников.

Механизм сложения славянской традиции в той форме, которая отложилась в «Летописи», вскрывает немногим позднейший ее источник — «История» Фомы Сплитского. Основываясь в большей степени на письменной традиции, Фома более консервативен, чем «Летопись», и при описании славянского завоевания Далмации ближе к известным историческим фактам. При этом он мог фиксировать как далматинское (на месте, в отличие от Константина), так и более раннюю, в сравнении с «Летописью», стадию славянского исторического предания. Он сам в качестве своих источников указывает как «предания» и даже «позднейшие предположения», так и «письменные свидетельства».⁴⁰

Начав изложение истории разрушения Салоны с указания, что та «была разрушена при готах», Фома вводит в повествование Тотилу. Тот будто бы вторгся в Италию «из земель Тевтонии и Полонии», предварительно опустошив Далмацию. Но Салону он разорил лишь «частью».⁴¹ Здесь, конечно, отражаются события Готской войны середины VI в., хотя сам Тотила в Салону не вступал.

«Вместе с Тотилой, — продолжает Фома, — из земель Полонии пришли семь или восемь знатных племен, зовущихся лингонами. Видя, что земля Хорватии будет удобна им для поселения, так как там остались редкие обитатели, они истребовали и получили ее от своего вождя. И так оставшись там, они начали теснить местных жителей и силою поработать их. Хорватия — горная страна, с Далмацией она граничит с севера. Эта страна в древности звалась Курецией, и народ, который теперь именуется хорватами, назывался куретами или корибантами...» Далее Фома сообщает все известное ему о куретах античных мифов и возвращается к своему повествованию: «Итак, эти массы людей перемешались и стали одним наро-

⁴⁰ Фома Сплитский. История. С. 35/240.

⁴¹ Фома Сплитский. История. С. 35/240.

дом со схожим образом жизни и нравами и одним языком. У них появились собственные вожди. И сколь бы ни были они злобны и необузданны, все же они были христианами, хотя и очень невежественными. Притом они были заражены язвой арианства. Многими они назывались готами и тем не менее это славяне, судя по собственному имени тех, которые пришли из Полонии или Богемии. И вот они-то, как было сказано, нападали на латинян, которые населяли приморские земли, и прежде всего на Салону, бывшую главным городом всей провинции».⁴² Далее подробно описывается осада и взятие славянами во главе с «готским предводителем (dux), стоявшим во главе всей Славонии» Салоны, опустошение города, бегство жителей на острова, их набеги на захвативших побережье славян и миссия Мартина.⁴³

Итак, по Фоме, в завоевании Далмации участвовали три племени: готы, приведенные ими «лингоны» (они же славяне), хорваты («куреты»), причем последние будто бы уже жили в Далмации и лишь позже смешались с «лингонами». Писавший на три столетия ранее Константин Багрянородный говорит о двух враждебных друг другу волнах завоевателей — аваро-славянах («славянские... племена, которые называются также аварами») и хорватах. Славяне, пришедшие, судя по Константину и более ранним источникам, с аварами, несомненно, тождественны «лингонам» Фомы. Позже, с VII в., они действительно смешались с хорватами.

Лингоны — древнее кельтское племя. «Лингоны» Фомы обычно и, видимо, справедливо толкуется как ученое искажение племенного названия лендзян.⁴⁴ Непосредственным источником для образования формы «лингоны» могло послужить венгерское *lenguen* ‘лендзяне, поляки’.⁴⁵ Далмация в XIII в. входила в состав Венгерского королевства. Доказательством участия лендзян во вторжениях авар в Иллирик может служить сербохорватский топоним *Ledan*.⁴⁶ Фома сообщает о племенах, которые в своих названиях сохраняют память о приходе из «Богемии» (ср. «Воики» Константина) или «Полонии». Итак, есть основание видеть в лендзянах тех самых славян, которые вместе с аварами («готами») в начале VII в. захватили Далмацию и о которых писал также Константин Багрянородный.

Фома точнее Константина, различая вторгшихся в Далмацию славян от довлевшего над ними иноэтничного элемента. То, что этот элемент стал у него «готами», — дань уже сложившейся в Далмации традиции. В противопоставлении Фомой «готов» и славян отчетливо видна политическая тенденция. Он полемизирует с «готской легендой», которая, зародившись в Далмации, уже перешла ко дворам славянских князей и породила «Книгу

---

⁴² Фома Сплитский. История. С. 35 — 36/240.

⁴³ Фома Сплитский. История. С. 36 — 39/241 — 242.

⁴⁴ Фома Сплитский. История. С. 159 — 160.

⁴⁵ Этимологический словарь славянских языков. М., 1988. Вып. 15. С. 44.

⁴⁶ Этимологический словарь славянских языков. Вып. 15. С. 44.

Готскую». С другой стороны, выгодный для латинского духовенства мотив «готской легенды» — мнимое арианство славян — Фома поддерживает и подчеркивает. У него этот мотив переплетается с известным и Константину (и игнорируемым «Дуклянином») преданием о раннем (до IX в.) крещении сербохорватских племен. Но если у Константина это крещение «римское», то у Фомы, естественно, арианское.

Более, чем Константин, прав Фома и в другом — Салона пала не сразу после вторжения. Очевидно, эта оригинальная и достоверная версия родилась у хрониста из сопоставления далматинских и хорватских преданий. По Фоме возможно даже реконструировать стоявшие за ней события. Во вторжении «готов» (авар) участвовали «лингоны» (лендзяне). Когда внутренняя Далмация была разорена, и в ней «остались редкие обитатели», лендзяне «истребовали и получили ее от своего вождя», надо думать — аварского кагана. Славяне постоянно нападали на приморье, где еще держались местные «латиняне», «прежде всего на Салону». Об этом, собственно, и сообщал в Рим папе Григорию епископ Максим, говоря, что «народ славян» «сильно угрожает» салонитам. Около 615 г. Салона, наконец, пала, после описанной Фомой осады, а ее жители бежали на острова.

Фундаментальное новшество в схеме Фомы, итог длительного компилирования разнородных традиций — слияние двух описанных Константином волн завоевателей. Оно подготавливалось и в Далмации — по мере удаления от времени событий и усугубления конфликтов местных городских коммун с сопредельными славянскими жупанами, и в Хорватии — по мере растворения авар (еще сохранявших самосознание при Константине) и лендзян в хорватской среде. Соответственно, для далматинцев различие между аваро-славянами и хорватами постепенно размывалось, их враждебные действия в прошлом воспринимались уже как совместные. Для хорватов же в XII — XIII вв. исчезала сама память об этом различии, результат чего мы наблюдаем в «Летописи попа Дуклянина».

Фома еще различал разные компоненты завоевателей — и нуждался в объяснении этого различия. Не исключено, что ему требовалось объяснить и сохранившиеся в предании следы противопоставления лендзян, аваро-славян, хорватам. Вышел он из затруднения своеобразно — через легенду об автохтонности хорватов на Балканах и их фантастическом тождестве с античными куретами. Подобного рода искусственные построения — не редкость в средневековой литературе. Автохтонность хорватов позднее нашла отклик и в их нарождающейся исторической литературе. В то же время, как справедливо указывает О.А.Акимова, «трудно сказать, насколько широко была распространена идея о тождестве хорватов и куретов... В других синхронных хронике источниках она не представлена».⁴⁷ Не исключено, таким образом, что единственным создателем и передатчи-

---

⁴⁷ Фома Сплитский. История. С. 161.

кам легенды на том этапе являлся сам Фома. Но высказанная в рамках далматинской историографии идея автохтонности современных славянских народов на Балканах (пусть и не как славянских), разумеется, встретила благодарный отклик в среде славянской знати и духовенства. Как увидим далее, уже в XIV в. по образцу растиражированной в Далмации куретской легенды и в еще более фантастическом оформлении возникает легенда о сербской автохтонности.

Неудивительно, что «История» Фомы многое, относимое Константином хорватам — деление на семь родов, центральноевропейскую прародину, — связывает с отличающимися от них, подвластными «готам» славянами. Впрочем, это, скорее всего, как раз «общие места» славянских преданий о переселении на запад Балкан. Лендзяне («лингоны»), конечно, также пришли из Центральной Европы, а семь — типичный для славянского фольклора числовой определитель. Впрочем, упоминание о «семи или восьми племенах» — четкое указание на наличие разных вариантов предания (изначально разных преданий?). На вероятную разницу между «хорватской» и «лендзянской» версиями переселенческого эпоса указывает и различие происхождения отдельных родов из «Богемии» (хорваты?) и «Полонии» (определенно лендзяне).

Фома Сплитский фиксирует итоговое состояние исторической традиции о славянском завоевании в Сплите и Хорватии. Для земель к юго-востоку, для Сербии и Дукли, аналогом является, конечно, приведенное свидетельство «Летописи попа Дуклянина». Судя по данным Фомы, к XII — XIII вв. в славянском предании уже произошло слияние различных волн переселенцев. Автор же «Книги Готской» был еще и истовым приверженцем «готской легенды» в ее славянизированной форме. Он пользовался, что явствует и из этой, и из последующих глав летописи, как сербодуклянскими, так и хорватскими историческими преданиями. Перед автором в итоге встала непростая задача — создать из как минимум двух отличающихся друг от друга, пусть и родственных, традиций единое повествование, и привести его в соответствие с книжной легендой о готах. Возможно, что предшествующие безвестные поколения придворных носителей предания произвели уже эту операцию в какой-то части. Но и в этом случае автору «Книги» необходимо было придать результату литературную форму.

Даже по латинской «Летописи» можно судить, что с задачей дуклянский историк справился. О стилистических тонкостях (которыми изобилующий повторами, тавтологиями и затянутостями текст явно не блещет) мы вряд ли можем сделать объективный вывод. Но славянский автор создал внутренне непротиворечивое, целостное повествование, которое работало на главный его концепт — преемство дуклянской династии по отношению к древним готам и права ее на все «Королевство славян», в том числе на хорватские земли.

О происхождении отдельных компонентов сюжета уже говорилось. Базовый остов, к которому была присовокуплена «готская легенда» с фигурой Тотилы — сербское переселенческое предание о двух братьях-князьях, из которых младший с половиной народа отправился на Балканы, а старший остался править на прародине. Но на этот остов оказалось искусно, если не сказать органично, нанизано изначально чуждое, даже противоположащее ему предание об аваро-славянском завоевании Далмации и победоносной войне славян с римлянами. Это предание, судя по 30 главе трактата Константина, долгое время сохранялось среди потомков авар в Хорватии, а после падения Хорватского королевства слилось у хорватской аристократии с собственной переселенческой легендой. Теперь сербский автор, объединяя традицию сербскую с хорватской, включил новую версию прихода хорватов (по сути же — предание об аваро-славянском нашествии) в свой труд. Следует учесть, что сербы с аварами на Балканах не воювали или, по меньшей мере, ко временам Константина о такой войне не помнили.

Исторические события, описанные в «Летописи», имеют точки соприкосновения — но лишь отчасти непосредственного совпадения с реальностью, предстающей нам из неславянских источников. Совпадают мотивы центральноевропейской прародины и братьев-князей, которые и у Константина восходят к славянскому преданию. Совпадает (след достоверной «аваро-славянской» традиции) мотив одновременного вторжения в Далмацию и Истрию. Однако в других источниках нет ни следа решающей битвы у Темпланы, как не упоминается нигде и сам этот топоним. В связи с этим Ф. Шишич предлагал принять конъюнктуру «Гевтония», что встретило справедливую критику С. Миюшковича.⁴⁸ Нет в других источниках и параллелей героической гибели Остроила. У Константина «архонт Серб» — не враг Империи, и умирает, насколько можно судить, своей смертью.

Между тем очевидно, что именно эти два эпизода являлись сердцевиной изложения в «Книге Готской» и остались таковой в «Летописи». Все остальное — скорое перечисление завоеваний и искусственные привязки к Тотиле — лишь связующие звенья. Характерно, что ключевое для всех остальных источников событие — взятие Салоны — в «Летописи» лишь подразумевается, но не называется прямо.

Разгадка этого парадокса довольно проста. Автор «Книги Готской» использовал славянские эпические сказания о завоевании Балкан, увязывая их с родословным преданием воспеваемой династии. В этих сказаниях на первое место могли выйти какие-то локальные или не отмеченные более ранними авторами события, не значимые с точки зрения «внешних» историков. Например, какая-то довольно крупная, но имевшая местное значение битва между завоевателями-славянами и романцами, либо гибель од-

---

⁴⁸ Летопис попа Дуклянина. Титоград, 1967.. С. 177.

ного из многих славянских «риксов» от рук ромейского карательного отряда. Скажем, под 658 г. Феофан сообщает об успешном походе императора Константа II против «Славиний» (видимо, во Фракии), но без всяких подробностей.⁴⁹ Между тем, гибель любого из славянских предводителей в этом или ином подобном мероприятии могла создать почву для сказания, подобного отраженному в «Летописи». Для этого достаточно было существования на протяжении какого-то времени знатного рода, возводившего себя к погибшему.

Конечно, не случаен тот факт, что гибель Остроила локализуется в «городе Превалитанском», то есть в Скодре, древней столице Дукли. Это указывает на происхождение сказания и — лишний раз — на характер всей «Книги Готской» как прежде всего дуклянского произведения, созданного для прославления местной династии.

К числу неистребимых черт дружинного (как, впрочем, и ранних произведений народного) эпоса относится ярко проявившийся в «Летописи» завоевательный пафос. На славянском материале тенденция эта особенно заметна на примере весьма архаичной русской былины «Волх Всеславьевич», отражающей, насколько можно судить, настроения эпохи славянских набегов на богатые южные страны в VI — IX вв. Наш анализ содержания былины опубликован.⁵⁰

Симпатии автора «Книги Готской» и тем более барского переводчика как будто должны были быть всецело на стороне христиан. Очевидно, что — для самих автора и переводчика — так оно и есть. Но не для их источников, а на решительное насилие над материалом создатели текста не пошли. Сходным образом и автор русской Начальной летописи пошел в большинстве случаев за древним дружинным преданием, воспевая доблести язычников Олега Вещего и Святослава, причем в первую очередь проявленные в войнах с Византией.

Как результат — в «Летописи» противники славян отнюдь не демонизируются, и автор сохранившегося текста, конечно, сочувствует их бедам. Текст о нашествии «варваров» начинается традиционно для латинской и христианской в целом историографии — с описания дерзости и свирепости внезапно «извергшихся» из чужих земель врагов. Но, с другой стороны, рефреном повторяется идея неодолимости и победоносности славян-«готов» при одновременном подчеркивании мощи и величия их противников. Любопытно, что византийские наместники Истрии и Далмации в славянском эпосе превратились уже в самостоятельных «королей». Они, однако, и вдвоем оказываются не в силах победить Остроила — только войско, посланное из самого Константинополя, смогло его одолеть, и то благодаря коварству. Выспренное же описание гибели Остроила в бою с превосходящими силами врага воскрешает в памяти сцены из южносла-

⁴⁹ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. С. 272/273.

⁵⁰ Алексеев С. В. Славянская Европа. С. 128 — 133.

вянского и русского героического эпоса.

Хронология правления Остроила, согласно «Летописи», определяется сроками правления его ближайших преемников — до прихода на Балканы болгар в 679 — 680 гг. Эти указания, как уже говорилось, прямо противоречат заявленным в начале текста синхронизмам. По ним выходит, что Остроил должен был править в первой половине VII в. и пасть не позднее 647 г. Все это (кроме самих обстоятельств правления и смерти), как будто, согласуется с данными Константина об «архонте Сербе». К проблеме достоверности данной хронологии мы еще вернемся ниже. Здесь же отметим, что она может, в принципе, указывать как на приход хорватов и сербов между 626 и 641 г., так и на более раннее вторжение в Далмацию аваро-славян.

Именослов «Летописи» представляет собой неисчерпаемый, наверное, источник для различных реконструкций. Так, например, очевидно, что имена «Сенубальд» и особенно «Сенулат (Сенудилай)», которые Ф. Шишич равным образом прочитывал как «Всеvlад», более чем затруднительно интерпретировать. Второе из них со всей очевидностью испорчено при переписке или даже при самом латинском переводе. Вместе с тем, ясно и то, что за этими именами стоят какие-то искаженные славянские формы, быть может, действительно на «Все-».

Имя «Брус» может быть интерпретировано как славянское, хотя выглядит необычно. При прямом славянском толковании оно вступает в курьезную семантическую переключку с именем «Дерван», которое носил упоминаемый под 631 г. франкским историком Фредегаром князь лужицких сорбов.⁵¹ В принципе, Дерван вполне мог бы быть братом перешедшего на службу Ираклию «архонта Серба». Но все же разумнее, как представляется, отнести к этой заманчивой ономастической игре как к случайному совпадению.

Что касается самого Остроила, прямого предка (если верить «Летописи») дуклянских князей, то его имя вне сомнений славянское. Однако это не типичный для славянских князей двусоставный антропоним. Между тем, почти все преемники Остроила и, кажется, его отец «Сенубальд» носят именно двусоставные времена. Вспомним, что Константину, записывавшему сербские и хорватские предания, не были известны имена князей-родоначальников династий («отец Порга», «архонт Серб»). Встает вопрос — не были ли имена эти на каком-то этапе, еще при оформлении «княжеской» версии преданий при языческих дворах, табуированы? Запрет на оглашение подлинных имен родоначальников мог иметь как религиозные, так и вполне приземленные политические основания. Предок династии как бы отрывался от почвы родовых преданий, ему становилось возможно приписывать деяния различных местных героев-предков. В конечном счете

---

⁵¹ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2. С. 370/371.

он с неизбежностью поглощал их всех, что и случилось во второй из Константиновых хорватских версий (в главе 31).

Имя Остроила в таком случае можно интерпретировать как эпитет князя-родоначальника, произведенный от глагола «устроить». В любом случае, такая этимология имени, данного в династическом предании герою-родоначальнику, выглядит убедительно.

Правда, в писаной «Летописи» Остроил едва ли может быть определен как подлинный «устроитель» государства. Но это совсем не значит, что он не являлся таковым в исходном, еще языческом предании, для которого «устроение» вполне могло быть тождественно первичному завоеванию. Лишь при литературной обработке функции мирного «устроения» неизбежно перетекли от первых двух князей к их преемнику, миролюбивому Силимиру. Для дружинного же эпоса миролюбие едва ли было достойной правителя чертой. Скорее уж в качестве «устроителя» мог представлять сын Остроила, с которым «Летопись» связывает силовое определение границ государства.

Алексеев Сергей Викторович — кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой истории Московского гуманитарного университета.

А.А. ИНКОВ

РЯЗАНСКАЯ ЗЕМЛЯ И ПОЛОВЦЫ В XII — НАЧАЛЕ XIII ВЕКА

Отношения Рязанской земли с половцами скудно освещены в летописании. Большинство сведений о них сохранилось в сильно разбросанном виде, главным образом, в источниках позднего происхождения¹: Лаврентьевской (XIV в.), Ипатьевской (XIV в.) и Никоновской летописях (XVI в.), а также «Истории» В.Н.Татищева (XVIII в.), который использовал многие не дошедшие до нас летописи. Что касается археологических данных, то их находки в Подонье также крайне немногочисленны. Поэтому плохое состояние источников предопределило традиционно достаточно слабый интерес исследователей к проблеме половецко-рязанских отношений. В до-революционной историографии эта тема нашла отражение лишь в работах Д.И.Иловайского, в советской — А.Л.Монгайта². При этом оба автора основное внимание уделяли прежде всего внутренней истории Рязанской земли, отношения с половцами исследовались ими лишь в той мере, в какой они позволяли создать исторический фон, на котором протекала политическая история Рязани. Единственная (известная автору данной статьи) небольшая работа, специально посвященная половецко-рязанским отношениям, принадлежит М.В.Цыбину³. Однако в ней рассматриваются преимущественно только военные столкновения Рязани и половцев. Кроме того, М.В.Цыбин исследовал половецко-рязанские отношения сами по себе, без учета факторов внешнего и внутреннего развития как самого Рязанского княжества, так и половецких племен, хотя в конечном итоге именно эти факторы оказывали решающее влияние на отношения между ними. К сожалению, вышедшее недавно исследование М.В.Кривошеева⁴ по истории Рязанского княжества также не вносит ничего нового в изучение проблемы. Поэтому в данной статье мы попытаемся в определенной степени заполнить имеющийся пробел и выделить основные факторы развития половецко-рязанских отношений в XII — начале XIII вв.

По сравнению с другими крупными политическими центрами Руси (Киевом, Черниговом, Переяславлем), Рязанское княжество вступило в отношения с половцами достаточно поздно. Первое упоминание о половцах в

---

¹ Собственное рязанское летописание до нас не дошло. Его остатки сохранились преимущественно в Никоновском летописном своде XVI века, вобравшем в себя многие более ранние летописи.

² Иловайский Д.И. Рязанское княжество. М., 1997; Монгайт А.Л. Рязанская земля. М., 1961.

³ Цыбин М.В. Половцы и Рязанская Земля // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 13. Евразийская степь в эпоху металла. Воронеж, 1999.

⁴ См.: Кривошеев М.В. Муромская и Рязанская земли в XI — начале XIII в. Дисс... канд. ист. наук. СПб., 2000. В оценке рязано-половецких отношений М.В.Кривошеев целиком полагается на выводы А.Л.Монгайта.

рязанском летописании относится к 1131 г. По сообщению источника в этом году «князи Рязанские, Пронские и Муромские много половець побиша»⁵. Судя по тому, что это известие источника не совсем связано по смыслу (не сообщается, при каких обстоятельствах рязанские князья разбили половец), очевидно, перед нами отрывок о какой-то половецко-рязанской войне, начало которого не сохранилось. Известен лишь результат этой войны — половеццы потерпели поражение. Однако можно полагать, что половецко-рязанской войне предшествовали какие-то иные события, возможно, связанные с появлением половеццев у границ Рязани.

Сохранившаяся летописная традиция связывает начало половецко-рязанских отношений с походами южнорусских князей Владимира Мономаха и Мстислава Великого против половецких орд в начале XII века, результатом которых стало бегство половецких орд «за Дон»⁶. Судя по тому, что в междуречье Днепра и Дона большое количество половецких орд продолжали кочевать и после походов Владимира Мономаха, очевидно, что за Дон ушли всего несколько юрт кочевников. По-видимому, первоначально эти орды были объединены в некий крупный военно-политический союз⁷, который преследовал целью освоение новых земель в левобережье Дона. Возможно, что во владения этой половецкой группировки изначально вошли также некоторые земли в правобережье Дона, поскольку часть орд, прежде кочевавших в этом районе, была вытеснена отсюда русскими дружинами в предшествующее время. Хотя первоначально союз задонских половецких орд не был направлен против русских земель, располагавшихся в верховьях Дона, его появление в левобережье Дона, по-видимому, несло в себе определенную угрозу и для Рязанской земли⁸, границы которой со стороны степи в это время были практически ничем не защищены.

Тем не менее, можно предполагать, что расселявшиеся в левобережье Дона пришлые половецкие орды первоначально не были напрямую заинтересованы в столкновении с сильным Рязанским княжеством. В этот период половецкой орды больше занимало решение внутренних проблем, связанных, главным образом, с закреплением в новых землях. Почему же в 1131 г. началась половецко-рязанская война? Хотя источники не дают на этот вопрос прямого ответа, можно полагать, что ее причины были связаны, прежде всего, с новыми передвижениями половецких орд в Подонье. Известно, что в конце 20-х гг. XII в. в район Северского Донца из предкавказских степей и Грузии вернулась половецкая орда хана Атрака, которая вынуждена была уйти в 1116 г. из мест своего прежнего кочевания под уда-

---

⁵ ПСРЛ. Т. IX. М., 1965. С. 157.

⁶ Монгайт А.Л. Указ. соч. С. 337.

⁷ Об этом говорит, например то обстоятельство, что в 1131 г. во время рязано-половецкой войны для борьбы с половецкой группировкой были мобилизованы практически все силы Рязанской земли («князи Рязанские, Пронские и Муромские»).

⁸ Монгайт А.Л. Указ. соч. С. 337.

рами русских дружин. Если верно наше предположение, что в ее отсутствие часть бывших владений донецких половцев была захвачена другими ордами, то теперь с возвращением Атрака они вынуждены были их вернуть обратно. В первую очередь, это относилось к задонским половцам, владения которых располагались наиболее близко к Северскому Донцу. Утрата богатых пастбищ в правобережье Дона, а возможно и поражение в военном столкновении с ордой Атрака привели к тому, что к 1131 г. задонские половцы оказались оттесненными на север к границам Рязанского княжества⁹. Война с Рязанью была для половцев неудачной. Половецкое войско было разбито, а, судя по тому, что в последующие два десятилетия источники не фиксируют каких-либо набегов кочевников на Рязань, можно полагать, что поражение в войне привело к распаду военно-политического союза половецких орд. По-видимому, другим результатом этого поражения стало признание частью половцев своей зависимости от рязанских князей, которая была закреплена в следующем году в Рязани переходом некоторых половецких ханов в христианство¹⁰. Очевидно, что в 30-е годы между Рязанью и половцами были заключены также определенные военные соглашения, о существовании которых позволяет говорить участие половцев в 1147 — 1149 гг. в борьбе рязанского князя Ростислава против суздальского князя Юрия Владимировича Долгорукого¹¹.

Несмотря на поражение в войне с Рязанью в первой половине XII в. половецкие орды продолжали активно расселяться в левобережье Дона. Как показывают археологические данные, основная масса половцев оседала в междуречье Дона и Хопра, а также на правых притоках Хопра¹². Однако половецкие орды были и на Нижнем Дону, на Волге и даже в Заволжье¹³. Вместе с тем, после 1131 г. на протяжении всего XII и начала XIII

---

⁹ По мнению А.Л.Монгайта, столкновения Рязани с половцами могли начаться ранее второй четверти XII в., что, возможно, следует связывать с обычным недостатком летописных известий о Рязани в предшествующее время (Монгайт А.Л. Указ. соч. С. 337). В то же время достоверность известий 1131 г. подвергается рядом историков сомнению (Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. М., 1965. С. 74, 75), которые отодвигают начало военных действий половцев против Рязани к середине XII в. (Цыбин М.В. Указ. соч. С. 130). Вместе с тем, нет никаких оснований не верить известию 1131 г. о рязано-половецкой войне, т. к. контакты рязанских князей и половцев ранее середины XII в. подтверждаются рядом письменных источников. Так, Ипатьевская летопись, сведения которой признаются историками наиболее достоверными, сообщает о бегстве в 1147 г. к половцам рязанского князя Ростислава Ярославича, (см. в тексте), что свидетельствует о том, что к этому времени обе стороны уже имели давние контакты, в том числе заключили между собой военный союз.

¹⁰ ПСРЛ. Т. IX. С. 236.

¹¹ ПСРЛ. Т. II. М., 2001. Стб. 331, 375; ПСРЛ. Т. XXV. М., 1951. С. 39.

¹² Цыбин М.В. Половцы и Рязанская земля. С. 133.

¹³ Плетнева С.А. Кочевнический могильник у Саркела — Белой Вежи // МИА. № 109. М. — Л., 1963. С. 258; Федоров-Давыдов Г.А. Город и область Саксин в XII — XIV вв. // Древности Восточной Европы. М., 1969. С. 253 — 262.

вв. в междуречье Дона и Волги больше так и не сложилось крупных политических объединений половцев. Источники фиксируют множество крупных и мелких половецких орд. Локализация этих орд затрудняется тем, что древнерусские летописи, являющиеся нередко единственными источниками о половцах, как правило, не сообщают их местонахождение, а археологические данные являются очень скудными. Сохранилось название всего нескольких крупных половецких орд. Одной из таких орд была орда Елтукове. Судя по тому, что в 1147 г. в нее бежал, спасаясь от войск Юрия Долгорукого, рязанский князь Ростислав Ярославич, можно полагать, что орда Елтукове кочевала поблизости от рязанских границ. Возможно, что ее кочевья располагались в междуречье Дона и Хопра¹⁴, где археологами найдено несколько каменных изваяний и могильников половецкого времени. По мнению ряда историков, между ордой Елтукове и Рязанским княжеством в непосредственной близости от его границ, возможно, кочевала также орда диких половцев, с которой связывают найденные на Среднем Дону остатки поселений с древнерусской керамикой и почти без культурного слоя, что является свидетельством кратковременности или сезонности пребывания на этих поселениях населения. Однако, не исключено, что эти поселения вполне могли принадлежать и бродникам¹⁵, которые также известны по источникам. Что касается письменных источников, то они ничего не говорят о присутствии между ордой Елтукове и рязанскими землями орды диких половцев. Возможно, что указанные поселения также принадлежали орде Елтукове, летние и зимние стойбища которой располагались недалеко от рязанской границы.

Под 1152 г. летописец говорит о двух больших половецких ордах, кочевавших между Волгой и Днепром — Токсобичах и Отперлюеве¹⁶. Кочевья этих орд помещаются историками в междуречье среднего течения Северского Донца и Оскола. Они располагались далеко от границ Рязанской земли и, потому, по-видимому, редко сталкивались с рязанскими князьями. В политическом отношении ханы этих половецких группировок тянули к черниговским и особенно к новгород-северским князьям, с которыми они находились в родственных отношениях¹⁷.

Еще одна крупная половецкая орда под названием Емакове кочевала между Доном и Волгой. Она упоминается в источниках второй половины XII в. и неизвестна в более ранних известиях. Предположительно, орда Емакове кочевала поблизости от границ Волжской Булгарии. Не исключено, что она принадлежала к поволжским половцам и в политическом от-

---

¹⁴ Плетнева С.А. Половецкая земля. С. 277; Цыбин М.В. Указ. соч. С. 135.

¹⁵ Плетнева С.А. О юго-восточной окраине русских земель в домонгольское время. // КСИА. Вып. 99. М., 1964. С. 25. рис. 11.

¹⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 455.

¹⁷ Плетнева С.А. Половецкая земля // Древнерусские княжества X — XIII вв. М., 1975. С. 277.

ношении была связана с враждебными Рязани волжскими булгарами и владими́ро-суздальскими князьями.

В середине — второй половине XII в. формируется граница Рязанской земли с половцами. По данным В.В.Каргалова, она шла через верховья Дона и Воронежа к месту слияния Цны с Мокшей до города Кадома включительно¹⁸. При этом устойчивая граница со степью проходила по р. Проне¹⁹, хотя отдельные рязанские города были и на р. Воронеже, и в бассейне верхней Вороны²⁰.

Особенностью рязанского пограничья было то, что оно было сравнительно слабо заселено земледельческим населением. Это затрудняло организацию обороны против кочевников, которые нередко раскидывали свои кочевья прямо внутри русских земель. Кроме того, часть рязанских земель, особенно в междуречье Воронежа и Цны, настолько глубоко вдавалась внутрь половецких степей, что владения кочевников окружали их с трех сторон. Условия хозяйствования в этом районе благоприятствовали как занятию населения пашенным земледелием, так и благодаря обилию остепненных участков, кочевническим скотоводством; вследствие чего, по мере расселения в Левобережье Дона, отдельные половецкие орды стремились освоить и эти земли. Поскольку земледельческая культура была чужда половцам, то, сталкиваясь с ней, они сжигали поселки, уничтожали или сгоняли земледельческое население, вытаптывали посевы и выгоняли на поля скот. В свою очередь, древнерусское население также пыталось приспособить окружающий ландшафт под свои условия хозяйствования: распахивало степи и пускало по ним пал, наносивший огромный ущерб зимним пастбищам кочевников. Существование двух противоположных хозяйственных укладов, при известных различиях в общественном устройстве и неравномерности социального развития внутренних структур, неизбежно накладывали отпечаток и на политические отношения между Рязанью и половцами.

После относительного затишья в 30 — 40-х гг. в середине XII века половцы усиливают свой натиск на рязанские земли. В 1148 г., они вторглись набегом в рязанское пограничье, но были разбиты рязанцами, которые «многихъ Половецъ поби въ загоне»²¹. В 1150 г. половцы снова прихо-

---

¹⁸ Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси: Феодальная Русь и кочевники. М., 1967. С. 36 — 37.

¹⁹ Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 204.

²⁰ Вместе с тем, ряд письменных источников фиксирует существование русских поселений много южнее установленной границы Рязанской земли, по Червленому Яру, по Хопру и по Великой Вороне (ПСРЛ. Т. IX. С. 205; Татищев В.Н. История Российская. Т. III. М. — Л., 1963. С. 26). Однако эти поселения, расположенные далеко в тылу Половецких степей, как справедливо доказал А.Н.Насонов, едва ли существовали в действительности (Насонов А.Н. Указ. соч. С. 215).

²¹ ПСРЛ. Т. IX. М., 1965. С. 178.

дили на Рязань. «Князи же резанские, собрав войска, пошли на них и, догнав на реке Большой Вороне, многих половцов побили и в полон взяли»²². Однако эти поражения не обескуражили половцев. В 1155 г. они снова «приходиша в Рязань на Хапортъ и много зла сотвориша, овехъ избиша, а другихъ въ пленъ отведоша»²³. В следующем году набег повторился: половцы захватили большой полон в окрестностях Ельца на реке Быстрая Сосна, но на обратном пути в степь, отягощенная добычей орда, в очередной раз была уничтожена рязанским князем Ростиславом Ярославичем²⁴.

Как показывают источники, половецкий натиск на рязанские земли был связан, прежде всего, с усилением удельной раздробленности в северо-восточных русских княжествах, причем рязанские князья, несмотря на возросшую половецкую опасность на своих южных границах, принимали самое активное участие в многочисленных усобицах, раздиравших русские земли. В середине XII в. на северные рубежи Рязанского княжества усиливают свое давление владими́ро-суздальские князья, которые стремятся навязать Рязани вассальные отношения. Одновременно рязанские князья ввязываются в затяжную усобицу на юге Руси, связанную с борьбой вокруг киевского стола. В 1147 г. рязанский князь Ростислав Ярославич решил поддержать претензии на великокняжеский стол волынского князя Изяслава Мстиславича, который обещал оказать ему помощь против суздальского князя Юрия Владимировича Долгорукого. Этот плохо продуманный политический шаг обернулся для Рязани затяжной войной с Суздалем. В том же 1147 г. войска суздальского князя Юрия Долгорукого сильно разорили территорию Рязанского княжества, «Ростиславъ же выбеже изъ Рязаня в Половце къ Ельтоукови»²⁵. Помощь половецких отрядов позволила Ростиславу отразить вторжение суздальцев²⁶. Тем не менее, рязанский князь вынужден был признать свою зависимость от Суздаля. Последующее десятилетие ознаменовалось постоянными попытками рязанских князей освободиться от суздальского влияния. В 1154 г. Юрий Долгорукий, обвинив рязанских князей в заключении антисуздальского союза со смоленскими князьями, направил войска на Рязань во главе со своим сыном Андреем (будущий Боголюбский). Ростислав вынужден был вновь бежать к половцам. Суздальцы заняли Рязань, местная рязанская династия была ликвидирована, а на княжеский стол в Рязани сел Андрей Юрьевич. Вскоре, Ростислав, наняв среди половцев войско, выбил суздальский гарнизон из Рязани, заставив Андрея бежать к отцу «об одном сапоге»²⁷. В конце концов, рязанский князь вынужден был снова признать вассалитет

²² Татищев В.Н. Указ. соч. Т. III. С. 26.

²³ ПСРЛ. Т. IX. С. 205.

²⁴ Татищев В.Н. Указ. соч. Т. III. С. 58; ПСРЛ. Т. IX. С. 207.

²⁵ ПСРЛ. Т. II. М., 2001. Стб. 339; ПСРЛ. Т. XXV. М., 1951. С. 39.

²⁶ Татищев В.Н. Указ. соч. Т. II. С. 170.

²⁷ ПСРЛ. Т. XX. Ч. 1. С. 117; Насонов А.Н. Указ. соч. С. 199, 204.

Юрия, однако, в целом, попытка Долгорукого добиться ликвидации самостоятельности Рязанского княжества, посадив на рязанский стол представителей ростово-суздальских князей, не удалась. Во многом этот успех был достигнут лишь благодаря половецкой поддержке рязанских князей, что привело к росту роли кочевников в политической жизни Рязанского княжества. В то же время усобица ослабила обороноспособность рязанских земель, сведя на нет военные победы Рязани над половцами предшествующего времени.

Как показывает половецко-рязанская война 1148 — 1156 гг. в борьбе с кочевническими набегами рязанские князья использовали примерно такую же тактику, что и южнорусские князья. Уступая легкой половецкой коннице в маневренности, позволявшей ей легко избегать лобовых столкновений с тяжеловооруженной княжеской дружиной и не имея достаточно сил и средств, чтобы прикрыть от возможных вторжений кочевников границу на всем ее протяжении, они предпочитали встречать напавшую орду в глубине своей территории. Пока половцы грабили захваченные земли, княжеское войско выступало из Рязани и пыталось обойти их с фланга, чтобы отрезать для кочевнической конницы пути отхода в степь и тем самым либо загнать ее вглубь русских земель, где ее легко затем было разгромить, либо принудить ее на обратном пути к принятию регулярного сражения, исход которого всегда был заранее известен. В случае же если орде удавалось все же отступить, ее пытались разгромить во время отхода, когда отягощенная захваченной добычей и пленными она становилась особенно неповоротливой. Эффективность этой тактики была настолько очевидна, что в трех из четырех набегах половцев на рязанские земли в середине XII в. рязанцам удалось разгромить неуловимую половецкую конницу. В то же время оборонительная тактика имела и свои недостатки. Главный из них заключался в том, что вне зависимости от исхода решительной схватки с рязанским войском, кочевникам прежде удавалось разграбить русские земли. Кроме того, стремление рязанских князей встретить противника только на своей территории приводило к тому, что расположенные в глубине степей основные половецкие кочевья оставались вне ударов русских дружин, и, следовательно, сохраняли свои силы для новых набегов.

Поэтому рязанские князья постепенно осознают необходимость организации походов вглубь степей. Организаторами таких глубинных походов в Половецкую степь во второй половине XII в. выступали, обычно, великие князья владими́ро-суздальские, вассалами которых были рязанские и муромские князья. Об одном из таких походов сообщается под 1160 г. Его организатором летописец называет владими́ро-суздальского князя Андрея Юрьевича Боголюбского, который направил «въ поле за Донь далече»²⁸

---

²⁸ ПСРЛ. Т. IX. С. 222.

«сына Изяслава, с ним других князей многих, и все его войско, присовокупя рязанское и муромское»²⁹. Поход начался со сражения русских войск с половцами, которые были разбиты и бежали вглубь степи. Бросившиеся вдогонку за ними русские рати рассеялись с целью грабежа, но вскоре подверглись поодиночке нападению превосходящих сил половцев и сами потерпели поражение: «князи... возвратишася во своя отнюдь въ мале дружине, вси бо избиени быша въ поле отъ половцевъ»³⁰.

В 1199 г. владими́ро-суздальский князь Всеволод Большое Гнездо снова ходил походом на половцев к Дону, причем летописец сообщает, что этот поход был организован по просьбе «князей рязанских». При приближении русских половцы вместе со своими вежами ушли в степи вниз по Дону. И Всеволод «идучи далеко подле Дона и не могли их сыскать, возвратился и пришел во Владимир»³¹. Итогом похода 1199 г. стало разграбление половецких зимовищ³². Тем не менее, большого результата этот поход не имел. Поэтому, в 1205 г. рязанские князья организовали новый поход против половцев, при чем на этот раз действовали самостоятельно. По сообщению летописца «Роман Рязанский князь с братиею... губиша мно-

²⁹ Татищев В.Н. Указ. соч. Т. III. С. 78.

³⁰ ПСРЛ. Т. IX. С. 222.

³¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 414 — 415, ПСРЛ. Т. X. С. 31, ПСРЛ. Т. I. Стб. 414 — 415, Татищев В.Н. Указ. соч. С. 166.

³² Существует несколько версий того, куда был направлен поход Всеволода 1199 г. По мнению Ю.В.Сухарева (Сухарев Ю.В. Всеволод Большое Гнездо // Московский журнал. История государства Российского. М., 2002. № 2. С. 33) он был направлен в низовья Дона, в район Белой Вежи или даже в дельту Дона, куда автор помещает таинственные половецкие «города», упоминаемые в источниках в начале XII века. М.В. Цыбин (Цыбин М.В. Указ. соч. С. 135), считает, что поход Всеволода мог быть направлен только против ближайших от Рязанского княжества половцев, которых он локализует в междуречье Дона и Хопра. В пользу второй точки зрения говорит короткая продолжительность похода (конец апреля — начало июня). Учитывая, что половину месяца, в течение которого длился этот поход занял обратный путь, русские рати вышли к половецким кочевьям через две недели после его начала. Даже если, предположить, что войско Всеволода было конным, за это время оно могло пройти с учетом остановок на отдых не более 400 — 500 км. Для сравнения расстояние от Владимира-на-Клязьме до Белой Вежи по прямой составляло ок. 950 км; от Рязани — ок. 800 км. Таким образом, достичь дельты Дона войско Всеволода не могло просто физически. Кроме того, следует иметь в виду, что половецкие зимники, упоминание летописца о которых, видимо, ввело Ю.В.Сухарева в заблуждение относительно местонахождения половецкой орды, не обязательно должны были находиться в дельте Дона, поскольку в конце XII в. половцы, повсеместно перешедшие ко второй стадии кочевания, стали устраивать зимники и летовища в местах своего постоянного кочевания. По данным археологии, много половецких зимников было в Доно-Хоперском междуречье, в районе непосредственно граничившем с территорией Рязанского княжества. От южной границы Рязанской земли владения кочевавших здесь половцев отделяло примерно 400 км, что, в целом, укладывается в две недели пути, затраченного на преодоление этого расстояния войском Всеволода. Однако, несмотря на усилия суздальского князя нанести орде поражение в ее кочевьях, половцы легко избежали разгрома, откочевав в низовья Дона.

жество Половецъ, а иных множество к себе приведоша и коней, и волов, и овецъ, а христиан не мало отполониша и пустиша их в свояси»³³.

Несмотря на, в целом, успешный характер русских походов против половцев, полное умиротворение Половецкой степи, по-видимому, никогда не входило в планы рязанских князей. Не стремились они и к военному разгрому пограничных половецких орд, так как военные силы кочевников, играли важную роль в борьбе рязанских князей за свою независимость от Суздаля.

В 70-е гг. XII в. рязанский князь Глеб Ростиславич неоднократно привлекал наемные половецкие отряды для борьбы с Суздалем. Воспользовавшись смертью в 1174 г. Андрея Боголюбского и начавшейся усобицей во Владимиро-Суздальской Руси между Всеволодом Большое Гнездо и его племянниками, он попытался сбросить власть суздальских князей над Рязанью и, набрав среди половцев большое войско, в 1178 г. вторгся на территорию Владимиро-Суздальского княжества. Глеб с половцами начал воевать у Владимира и «много зла створи цркви Болюбьской... и села пожже боярьская, а жены и дети и товарь да поганым на щить и многы цркви запали огнемъ»³⁴. Зимой того же года войска владими́ро-суздальского князя Всеволода Большое Гнездо в битве на реке Колокше нанесли союзникам сокрушительное поражение: Глеб и его старший сын Роман Рязанские попали в плен, а половецкий отряд был полностью уничтожен³⁵.

Осенью 1179 года³⁶ половцы «уведав, что все их князи с войском, бывшее у Глеба, побиты и пленены и что Глеб с сыном старейшим пленен, собрався, пришли с войском в область Резанскую, где не имея никакого сопротивления, многие села пожгли и, поплняя, возвратились»³⁷. На обратном пути отягощенные добычей степняки были разгромлены рязанским войском во главе с князем Романом Глебовичем. Таким образом, в событиях 1179 г. высветилась характерная черта половецко-рязанских отношений: половцы охотно откликались на призыв рязанских князей принять участие в их походах, которые были им выгодны возможностью пограбить богатые русские земли, но как только ситуация менялась, они не раздумывая разрывали союзные отношения и совершали набег на земли своего бывшего союзника. Поэтому союзы рязанских князей и половцев были относительно непрочными и недолговечными. Их длительность определялась способ-

³³ Летописец Переяславля-Суздальского. М., 1951. С. 108.

³⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 383, ПСРЛ. Т. XXV. С. 116.

³⁵ ПСРЛ. Т. I. С. 384.

³⁶ Датировка половецкого набега В.Н.Татищевым 1178 г. является неточной, поскольку в этом году Роман Рязанский не мог возглавить его отражение, так как находился в суздальском плену, будучи захвачен вместе с отцом в битве на реке Колокше. После смерти отца Глеба Ростиславича в следующем 1179 г. он был отпущен Всеволодом Большое Гнездо в Рязань на княжение. Тогда то, вероятно, он и разбил половцев / Монгайт А.Л. Указ. соч. С. 350.

³⁷ Татищев В.Н. Указ. соч. Т. III. С. 119.

ностью князей обеспечить половцев добычей, конкретной политической ситуацией, а также личной выгодой обеих сторон.

Половецко-рязанские противоречия неоднократно использовали в своих интересах владими́ро-суздальские князья и Волжская Булгария, борющаяся с Рязанью за контроль над мордовскими племенами Окско-Цинского междуречья. В 1155 г. волжские булгары, воспользовавшись тем, что рязанские войска в этом году были заняты отражением набега половцев на южной границе, напали на Рязанское княжество с востока³⁸. В 1187 г. отражение рязанцами очередного половецкого набега³⁹ привело к вторжению в Рязанское княжество с севера объединенных войск суздальского князя Всеволода Большого Гнезда и Всеволода Юрьевича Коломенского, результатом которого стало разорение рязанских земель за Окой⁴⁰.

В начале XIII в. половецко-рязанские отношения принимают еще более беспорядочный характер, чем прежде. В значительной степени этому способствовали усиление центробежных тенденций внутри самого Рязанского княжества и новое обострение отношений с Суздалем, в связи с чем рязанским князьям так и не удалось выработать какой-либо четкой единой политики в отношении Половецкой степи. В 1208 г. в результате очередной усобицы со своим северным соседом Рязань была взята штурмом и разрушена войсками суздальского князя Всеволода Большое Гнездо. Стремясь пресечь контакты мятежных рязанских князей с половцами, Всеволод отдал стратегически важный город Пронск своему союзнику муромскому князю Давиду. В следующем 1209 г. рязанским князьям с помощью половцев удалось изгнать Давида Муромского⁴¹. Вслед за тем, Рязанская земля фактически распадается на ряд уделов, между которыми начинается упорная борьба за лидерство. В 1217 г. рязанские князья Глеб и Константин Владимировичи при помощи своей половецкой дружины истребили во время съезда в деревне Исады 6 других рязанских князей, рассчитывая с помощью этого убийства покончить с царившей в Рязанской земле раздробленностью и завладеть уделами убитых родственников⁴². Испугавшись народного гнева, они вынуждены были бежать к половцам, которые не преминули воспользоваться усобицей для грабежа рязанских земель. В 1218 г. Глеб и Константин во главе половецкого войска вторглись в рязанское пограничье, но были разбиты в сражении на р. Прони утвердившемся в Рязани князем Ингварем Игоревичем⁴³. В следующем 1219 г. Глеб с половцами попытался вытеснить Ингваря из Рязани, причем на этот раз половецкая угроза была настолько велика, что Ингварю пришлось просить

---

³⁸ Там же. С. 98.

³⁹ ПСРЛ. Т. I. С. 406.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. X. С. 18.

⁴¹ ПСРЛ. Т. XXVIII. С. 163.

⁴² Монгайт А.Л. Указ. соч. С. 355.

⁴³ ПСРЛ. Т. X. С. 81.

помощи у суздальских князей Юрия и Ярослава Всеволодовичей, которые направили на защиту Рязани войско во главе с воеводой Якуном Тимофеевичем. «Князь же Ингварь Рязанский идее съ ними на Половцы; они же слышавшее ихъ бежаша, а кои не уйдоша, и техъ избиша, и возвратишася во свояси»⁴⁴. Противник Ингваря Глеб Константинович бежал в степь, где вскоре «обезуме тамо и скончался»⁴⁵.

Столкновение 1219 г. было последним известием о половцах в рязанском летописании. В 1223 г. многие половецкие орды серьезно пострадали в результате вторжения в южнорусские степи монголо-татарских войск во главе с Джебэ и Субудаем. Накануне битвы на Калке летописец сообщает о большом сражении половцев с монголами, состоявшемся где-то в степях, в котором погибли глава Донецкого половецкого союза хан Юрий Кончакович и многие другие предводители половцев⁴⁶. Немногие уцелевшие после татарского погрома половецкие орды вплоть до середины 30-х гг. XIII в., по-видимому, еще продолжали кочевать в междуречье Волги и Дона, но в политическом и военном отношении они были уже настолько слабы, что мало интересовали русских летописцев.

Взаимоотношения Рязани и половцев получили в исторической литературе негативную оценку. Сложилось мнение, что нашествие половцев привело к утрате Рязанским княжеством части плодородных земель на юге страны, изъятию их из земледельческого оборота, истреблению или бегству жившего в Подонье оседлого земледельческого населения, уцелевшая часть которого обратилась в полукочевое состояние, образовав хорошо известные по источникам отряды бродников⁴⁷, разрыву торговых путей, связывавших Рязанскую землю с Византией и Кавказом⁴⁸.

Однако все эти выводы не находят подтверждения в источниках. Так, данные археологии не подтверждают существования древнерусского оседлого населения на среднем Дону накануне прихода в этот район половцев. Несмотря на периоды активного половецкого натиска на Рязань в XII — начале XIII в., ее юго-восточная граница, проходившая по р. Проне, вплоть до монголо-татарского нашествия не претерпела существенных изменений, что позволяет отказаться от вывода об отторжении от Рязанской земли половцами каких-либо территорий на юге.

Не вполне обоснован вывод ряда историков о прерывании половцами торговых путей из Рязани через Половецкую степь в страны кавказского региона и Византию. Единственным источником, который, на первый взгляд, подтверждает этот вывод, является «Повесть о Николе-Зарайском». В нем говорится о некоем Евстафии, который должен был доставить икону

---

⁴⁴ ПСРЛ. Т. X. С. 82; ПСРЛ. Т. XXV. С. 116.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. VII. С. 243.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 740.

⁴⁷ Насонов А.Н. Указ. соч. С. 204.

⁴⁸ Монгайт А.Л. Указ. соч. С. 312, 339.

Николы из Корсуня в Рязань. «И мыслиша ити вверх по Непру, и паки ити за Днепр в Половецкую землю на восток к Рязанския земли». Но даже сам святой Никола не берется защитить Евстафия от «поганых половец» и советует ему добираться до Рязани окружным путем через Ригу и Новгород⁴⁹. Согласно «Повести», описываемые события происходили в 1225 г. Вместе с тем, возможно, что небезопасность движения через Половецкую степь в это время была вызвана вовсе не бесчинствами половцев. Арабские источники, относящиеся примерно к тому же времени, что и «Повесть о Николе-Зарайском», также рисуют картину хаоса и беспорядка в Половецкой степи в начале 20-х годов XII в., но связывают их причину прежде всего с вторжением во владения половцев в 1222 — 1223 гг. монголо-татарских войск во главе с Субедеем и Джебе-нойоном. «Пресекася... путь (сообщения) с нею (землей половцев) с тех пор, как вторглись татары в нее и не получалось от них (половцев) ничего по части бургасских мехов, белок, бобров и (всего) другого, что привозилось из этой страны. Когда же они (татары) покинули ее и вернулись в землю свою, то путь восстановился, и товары опять стали привозиться, как было прежде»⁵⁰. Как можно заключить из этого источника, именно татарский погром, сопровождавшийся уничтожением половецкой знати и развалом крупных половецких протогосударственных объединений, привел к хаосу и беспорядкам в степи, вследствие чего всякое движение торговых караванов через степи временно прекратилось. Затем после ухода татар положение постепенно нормализовалось и вернулось к обычному состоянию, которое было раньше. Однако можно полагать, что нормализация положения, по-видимому, происходила не сразу и, по крайней мере, в 1225 г. беспорядки на торговых путях еще продолжались, поскольку в этом году рязанское посольство из Корсуня не могло вернуться домой.

Таким образом, можно полагать, что невозможность для Евстафия и его товарищей пройти из Корсуня в Рязань через владения половцев была вызвана экстраординарными причинами, связанными с недавним монголо-татарским вторжением. В то же время это вовсе не означает, что указанный путь перестал действовать задолго до рассматриваемых событий. Наоборот, намерение Евстафия первоначально идти на Русь по Днепру, а оттуда через половецкую степь на восток в Рязань говорит о том, что этот путь был ему хорошо знаком и, по-видимому, регулярно использовался рязанцами для сообщений с Крымским полуостровом как в XIII в., так и в более раннее время.

Как показывают письменные и археологические источники, в XII — начале XIII в. продолжали функционировать и другие южные торговые пути Руси. Более того, торговля Руси через половецкую степь в это время

---

⁴⁹ Повесть о Николе Зарайском // ТОДРЛ. М., 1949. Т. VII. С. 28.

⁵⁰ Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С. 28.

значительно расширяется по сравнению с предшествующим периодом. В значительной степени этому способствовала заинтересованность половецкой знати в развитии транзитной торговли через свои степи, которая позволяла им богатеть за счет сбора пошлин с проходивших караванов. Выгодность этой торговли была настолько очевидной, что половцы разрешали купцам свободно передвигаться по степи даже в период активных военных действий против Руси⁵¹.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы: 1) следует отказаться от распространенного в исторической литературе мнения о том, что на протяжении XII — XIII вв. Рязанское княжество вело длительную и упорную борьбу с половцами. Военные столкновения с кочевниками носили, в целом, эпизодический характер. Они перемежались периодами относительно длительного мирного сосуществования и даже заключением военных союзов против угрожавших в равной степени обеим сторонам суздальских князей; 2) вторжение половцев в левобережье Дона не привело к большим территориальным потерям Рязанской земли; 3) хотя половецкие набеги наносили значительный урон экономике рязанского пограничья, их последствия, в целом, были сопоставимы с последствиями феодальных усобиц, имевших место внутри рязанского княжества; 4) половецкий фактор оказывал весьма значительное влияние как на внутри-, так и на внешнеполитическое положение Рязанской земли. В то же время половцы не имели достаточно сил, да и никогда не стремились к уничтожению Рязанского княжества, которое играло важную роль в развитии экономических связей доно-хоперских орд с русскими землями; 5) налаживанию прочных долговременных связей Рязани и половцев мешало, прежде всего, отсутствие как с той, так и с другой стороны политического единства.

Инков Александр Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Московского гуманитарного университета.

---

⁵¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 635.

О.И. ЕЛИСЕЕВА

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО ПЕРЕСЕЛЕНИЮ В КРЫМ И НОВОРОССИЮ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА.

В 1775 г. Екатерина II провела реформу местного управления. «По великой обширности некоторых губерний, — писала государыня, — оные недостаточно снабжены... надобными для управления людьми». Из-за объединения в ведении губернаторов административных, финансовых, судебных и полицейских функций «возрастают своевольтва и ябеды»¹.

Реформа разукрупнила губернии, их число увеличилось вдвое и составило 50. Были расширены функции чиновников на местах, что позволило разгрузить центральные учреждения, коллегии, и, напротив, дать губернским и уездным органам больше власти решать текущие дела у себя дома.

Во главе местного управления встали генерал-губернаторы или наместники. Они были наделены чрезвычайными полномочиями и ответственны только перед императрицей. В их руках фактически сосредотачивалась вся власть на местах. Поэтому генерал-губернаторы назначались из наиболее доверенных лиц Екатерины. Когда наместник находился в Петербурге, он мог принимать участие в деятельности Сената наравне с сенаторами². Что касается Потемкина, то он являлся еще и членом Совета. Зачастую генерал-губернатор играл в наместничестве роль неограниченного правителя, особенно если он обладал таким властным независимым характером, как светлейший князь.

Английская исследовательница И. де Мадариага сравнивала наместников с вице-королями в колониальных державах, где из-за отдаленности территорий трудно было управлять ими из центра³. В этом замечании много справедливого, ведь наиболее крупные наместничества располагались именно на окраинах империи. Однако в России новая структура местного управления охватила всю страну, и генерал-губернаторы были не только в Новороссии или на Украине, но и в столичных городах — Петербурге и Москве.

Еще 11 января 1774 г. попечению Григория Александровича были вверены Новороссийская и Азовская губернии и укрепленная Днепровская линия. Одновременно он стал именоваться командующим всей легкой конницы и иррегулярных войск, а также главным командиром всех войск, поселенных в губерниях Астраханской, Новороссийской и Азовской⁴. С

¹ ПСЗ. Т. XX. № 14392.

² Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 130 — 131.

³ Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 572.

⁴ Брикнер А.Г. Потемкин. СПб., 1891. С. 65.

1775 г. Потемкин стал наместником. Кроме войск, ему подчинялась полиция. В пограничных губерниях находилась основная часть русской армии, а затем и Черноморский флот, которыми Потемкин распоряжался еще и как вице-президент (с 1783 г. президент) Военной коллегии.

Не обладая официально судебной властью, князь часто влиял на судопроизводство, как военное, так и гражданское, изменяя приговоры: обычно он смягчал их. Воров имущества поселян наказывали батогами и отправляли в солдаты. Грабителям, покусившимся на казенное, Потемкин заменял смертную казнь каторжными работами. Приговоры воинского суда о расстреле, например, за отлучку с поста — разжалованием в рядовые⁵. По свидетельству Л.И. Сичкарева князь был строгим и взыскательным судьей. Чиновники, избалованные во взятках, попадали в ссылку. «В подобных случаях от Потемкина можно было ожидать строжайшего удовлетворения». Однако он не терпел доносов. «Никто не смел предстать к нему с жалобой на кого-либо, ежели не имел при себе, по крайней мере, половины ясных доказательств; никогда не решал он никакого дела, не исследовав оно обстоятельно и не собрав с точностью всех относящихся до него подробностей».

Светлейший управлял беспокойными территориями: на них въезжало разноязыкое население, стояли войска, поблизости была граница, блуждали разрозненные банды казаков, не желавших войти в Черноморское войско и промышлявших грабежом. Поэтому наместнику приходилось нередко посредством наказаний виновных «обуздывать других от преступлений». Сичкарев приводит слова князя: «Строгое наказание первого преступления есть действительнейшее средство уничтожить охоту ко второму». Жестко пресекались мародерства и грабежи на завоеванных территориях. «Некто из служителей, надлежащих к конюшне Потемкина, по взятии Очакова, когда уже все приведено было в устройство, ворвался в некоторый дом вооруженною рукою и вымогал денег. Когда дошла о сем жалоба к князю, служитель в тот же день наказан был по законам»⁶.

Потемкин распоряжался громадными суммами, которые правительство ассигновывало на развитие края. Недоброжелатели часто обвиняли его в утаивании и растрате денег. Ордера и контракты на поставки для армии показывают, как расходовались эти средства. Провиант закупался в Польше, откуда его проще было вести в Новороссию. Там основными поставщиками были граф Винцентий Потоцкий, графиня Александра Браницкая и некий коллежский ассессор Бржозовский⁷. Далекое не все, что ассигновывалось, действительно получалось. В 1787 г. в Екатеринославскую

⁵ Богумила А. К истории управления Новороссии кн. Г.А. Потемкиным. Ордера 1790 — 1791 гг. Екатеринослав, 1905. С. 19 — 43.

⁶ Неизвестный автор. О приватной жизни князя Потемкина, о некоторых чертах его характера и анекдотах // Потемкин. Последние годы. СПб., 2003. С. 153 — 154.

⁷ Богумила А. Указ. соч. С. 85 — 93.

и Таврическую губернии было ассигновано 2.718.745 рублей, но до начала войны сумму не выдали, а с началом боевых действий выплату отложили «до удобнейшего времени». Из Ассигнационного банка по указу от 1 сентября 1785 г. в Новороссию и Тавриду должны были отпустить 3 млн. рублей. Деньги выдавались по миллиону в год, третий не был получен вообще⁸.

В связи с медленностью прихода сумм Потемкин часто оплачивал государственные расходы из своего кармана. Обвинения в казнокрадстве повторялись противниками светлейшего князя и при его жизни, и после смерти. Вступив на престол, император Павел I назначил две сенатские ревизии финансовой деятельности Григория Александровича. Их результатом стало оправдание светлейшего князя⁹. Казана осталась должна Потемкину, а вернее его наследникам. Объяснить подобный вывод отсутствием необходимой документации сложно, т. к. финансовые бумаги Потемкина до революции хранились в архиве Екатеринославского губернского правления. Ныне они известны, благодаря публикации.

Как глава местной власти, генерал-губернатор имел при себе исполнительный орган в виде наместнического правления из нескольких наиболее доверенных чиновников. Ближайшим сотрудником Потемкина был Василий Степанович Попов, начальник канцелярии светлейшего князя. Блестящий администратор, педантичный и неутомимый труженик Попов перешел к Потемкину из походной канцелярии генерала В.Д. Долгорукова-Крымского и вскоре стал правой рукой нового покровителя. Он следил за неукоснительным выполнением приказов Потемкина, руководил рассылкой обширной корреспонденции. Однако, по его собственному признанию, не ведал и трети информации, поступавшей к светлейшему князю.

«Потемкин... нередко мучился бессонницею, — рассказывал неизвестный автор записок «О приватной жизни князя Потемкина», — часто призывал к себе Попова для приведения в порядок его распоряжений, или того, что ночью вновь придумывал, а иногда и для произведения в действие. Сей по первому приказанию в мгновение являлся к нему во всей форме, как бы и днем, для написания всего, что князь прикажет, а иногда и для исполнения. Таким образом, Попов часто провождал всю ночь без сна и со всем тем, когда князь вставал с постели, был из первых входящих к нему с донесением о случившемся ночью и рассылал все полученные от князя повеления в то время, когда князь садился на час в холодную ванну, что он делал ежедневно. Толикая неутомимость Попова... очень часто приводила и самого князя в удивление, как мог Попов, еще менее спящий, нежели он сам, при исполнении толиких трудных дел, всегда быть здоровым, бодрым и веселым»¹⁰.

⁸ Ловягин А.М. Григорий Александрович Потемкин. СПб., 1905. С. 40.

⁹ Лопатин В.С. Потемкин и Суворов. М., 1992. С. 115.

¹⁰ Неизвестный автор. Указ. соч. С. 159.

Попов пользовался абсолютным доверием Потемкина, а затем и Екатерины. Он состоял в должности статс-секретаря императрицы с оставлением при особе светлейшего князя, а после его смерти управлял Кабинетом Ее Величества. К несчастью для себя, Василий Степанович пережил и императрицу. Верный слуга и преданный друг, он не смог вынести издевательств Павла над памятью Григория Александровича. Ф.А. Бюлер рассказывал о дальнейшей судьбе Попова: «Император Павел I... во время докладов Попова очень нелестно и иногда язвительно отзывался о его благодетеле. Василию Степановичу стало тяжело выносить это. Раз Павел I особенно разговорился о Потемкине, обвинял его в расстройстве финансов и затем, постепенно возвышая голос, трижды поставил Попову вопрос: “Как исправить все зло, которое Потемкин причинил России?” С угрозой вынужденный отвечать, Попов сказал: ”Отдайте туркам южный берег”. ...Он (Павел — *О.Е.*) бросился в угол за шпагой, а Попов, не собрав бумаг своих, побежал, как шальной, через несколько зал Михайловского дворца и замкнул за собою какую-то дверь. Приехав еле живой к себе в дом, находившийся на большой Миллионной, он застал уже у себя часовых»¹¹. Был наряжен суд, но за Попова заступился фаворит Павла граф И.П. Кутайсов, уговоривший государя сослать Василия Степановича в его полтавское имение Решетилровку.

Другим важным лицом в окружении светлейшего князя был Михаил Леонтьевич Фалеев, бывший молдавский коммерсант, с которым князь познакомился еще в годы первой русско-турецкой войны. Он руководил строительством новых городов на юге, сочетая функции архитектора, администратора и подрядчика-поставщика для армии и флота. Помимо деловых отношений, Потемкина с Фалеевым связывала личная дружба, не даром именно в его доме воспитывалась дочь светлейшего. При покровительстве князя Михаил Леонтьевич достиг чина бригадира, стал статским советником и обер-комиссаром. Он не надолго пережил Потемкина и умер в 1792 г.

Обладая громадным влиянием на дела империи, светлейший князь позволял себе действовать через голову высших государственных учреждений, изредка посылая в Сенат рапорты о делах в наместничестве, и чаще всего обращался прямо к императрице¹².

Еще в 1774 г. Новороссия представляла собой пустынную степь, обрывающуюся в Черное море, а присоединенный в 1783 г. Крым сделался русским только по названию, так как основное его население составляли татары. Важнейший вопрос, который пришлось решать Потемкину — заселение края. Сюда направился мощный переселенческий поток из русских, украинцев, казаков, поляков, греков, румын, болгар, валахов, сербов

¹¹ Бюлер Ф.А. Черты из жизни князя Потемкина // Потемкин. Последние годы. СПб., 2003. С. 200 — 201.

¹² Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. СПб., 1893. С 65.

и др.

Еще по первоначальному проекту присоединения ханства предполагалось «живущим в Крыму татарам объявить, что которые из них пожелают быть в вечном Российском подданстве, те могут остаться на прежних своих жилищах, а прочим дать на волю выехать вон из Крыма и переселиться, куда кто пожелает»¹³. После выселившихся в Турцию татар остались дома и земли. Потемкин поручил описать их и имущество ханской казны. Оказалось, что много пустых земель расположено за Перекопом и в ногайских степях. Именно этими территориями князь воспользовался для колонизации. По его приказу, поселенцы за казенный счет получали на одну душу мужского пола восемь десятин пахотной земли, по паре волов, по одной лошади и по одной корове¹⁴. В первую очередь были заселены города Алешки, Балаклава, Феодосия, Керчь, Петровская слобода, Курцы, Санкт-Петербургские мазанки, Саблы, Изюмск и Мангуш.

Большинство переселенцев были холосты, и это весьма заботило Потемкина, так как известно, что семейное хозяйство крепче прирастает к земле. Поэтому всячески поощрялось обзаведение семьей прямо на месте. Многие приезжие брали в жены крещеных татарок. Оборотистый польский прапорщик Крыжанский с евреем Шмулем Ильевичем взялись доставлять из Польши женщин, желавших вступить в Крым в брак. Они привезли 99 молодых крестьянок, отправленных в Алешки и Акмечеть, и за каждую из них получили по пять рублей.

Особое внимание уделялось домам для приезжающих. При строительстве на них ассигновывались основные суммы. Жилища возводились раньше, чем предприятия. Например, на заведение чулочной фабрики в Карасубазаре было назначено 340 тыс. рублей. Из них 240 тыс. пошло на постройку 200 домов для мастеровых, а 100 тыс. — на фабрику¹⁵.

Первоначально предполагалось сделать русский элемент колонизации главным. В «Рассуждении...» говорилось о необходимости поселить в Крыму 20 тыс. пехоты и 10 тыс. конницы, а также взять из государственных волостей и монастырских деревень 10 тыс. хлебопашцев. Однако Сенат крайне неохотно выделял государственных и монастырских крестьян для Новороссии и Тварида, поскольку это приводило к потере налогоплательщиков. Переселенцы освобождались от налога на срок от 15 до 30 лет¹⁶. Вместо 10 тыс. на юг посылались партии из 40 — 60 семей, что, естественно, не могло удовлетворить потребности края.

Попытки князя забирать в наместничество русских каторжников, используемых на уральских заводах, не увенчались успехом — и на севере нужны были рабочие руки. Тогда Потемкин решил выписать из Англии

¹³ Вернадский Г. Записка о необходимости присоединения Крыма. СПб., б.г. С. 9.

¹⁴ Лашков Ф. Князь Г.А. Потемкин как деятель Крыма. Симферополь, 1890. С. 8.

¹⁵ ЗООИД. Т. 2. С. 773.

¹⁶ Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. СПб., 1893. С. 26.

партию осужденных, отправлявшихся в Америку. Посол в Лондоне Семен Воронцов очень гордился тем, что помешал этому «унизительному для России плану»¹⁷. Чем Крым в те времена был лучше Америки, а английские бандиты хуже греческих пиратов, в большом числе вселявшихся в Тавриду, неясно.

Однако сам собой открылся неожиданный источник поселенцев: в Новороссию и Тавриду устремились беглые. Потемкин не стал особенно разбираться, чьи они и откуда, а приказал укрывать их в своем наместничестве, возобновив старинный казачий принцип: с Сечи выдачи нет. Начиная с 1775 г. выдачи не было со всех вновь приобретенных на юге земель. 31 августа 1775 г. Григорий Александрович писал в секретном ордере генералу-квартирмейстеру, губернатору Новороссии М.В. Муромцеву: «Являющимся к вам помещикам с прошением о возврате в бывшую Сечь Запорожскую крестьян объявить, что как живущие в пределах того войска вступили по высочайшей воле в военное правление и общество, то и не может ни один из оных возвращен быть»¹⁸.

Но и после таких мер населения все равно не хватало. «Сия пространная и изобильная земля в России не имеет еще ни десятой доли жителей»¹⁹, — замечал Потемкин в одном из ордеров. 10 августа 1785 г. князь докладывал императрице о судьбе полученных им от Синода четырех тысячах заштатных дьячков, отправленных в Тавриду: «Получатся и хлебопашцы, и милиция, которая вся обратится в регулярные казацкие сотни»²⁰.

Еще до присоединения Крыма князь несколько раз хлопотал о разрешении переселить в его наместничество старообрядцев. Стараниями Потемкина многие из них стали переходить в так называемое единоверчество. Старообрядцы признавали свое административное подчинение местной православной епархии и принимали к себе назначенных попов, которые, однако, вели службу по старопечатным книгам. После присоединения Крыма князь добился разрешения трем тысячам новгородских староверов переехать под его покровительство на реку Конскую около нового села Знаменки. В том же докладе Екатерине он писал: «Дозвольте всем старообрядцам, которые переселяются на места, лежащие между Днепром и Перекопом, получая попов от архиерея Таврического, отправлять служение по старопечатным книгам, приписав к нему в епархию старообрядческие слободы».

Ордера Потемкина рисуют его отношение к жителям наместничества. «Поселенные в Тавриде солдаты требуют особого попечения, — писал он генералу М.В. Каховскому 14 августа 1786 г. — Войдите в состояние их, и если они терпят нужду, то преподайте им всевозможное способ-

¹⁷ Брикнер А.Г. Потемкин. СПб., 1891. С. 76.

¹⁸ Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. СПб., 1893. С. 54.

¹⁹ Там же. С. 119.

²⁰ Там же. С. 120.

ствование, снабдя их из суммы таврической всем тем, что необходимо земледельцу»²¹. Из-за недостатка в рабочем скоте Григорий Александрович приказал бесплатно раздать поселенцам стада выехавших за границу татар. Распродавались со скидкой ханские табуны кобыл и жеребят.

Еще в 1774 г. Екатерина по представлению Потемкина направила А.Г. Орлову рескрипт с приказанием разрешить служащим во флоте грекам основывать свои поселения в Керчи и Еникале. На казенные средства для них были построены дома, налоги отменены сроком на 30 лет. Через два года Потемкин выписал ордер Азовскому губернатору Е.А. Черткову о «постройке школы для малолетних, где бы не токмо первоначальные, но и высшие науки на греческом, российском, татарском и итальянском языках были, а сироты и бедных отцов дети обучались на казенный счет». Далее речь шла о «больнице с аптекою, где также сирых и дряхлых заслуженных людей пользоваться безденежно»²². Возникали и национальные школы, например, в Нежине была греческая гимназия, куда по приказу Потемкина с 1787 г. стали присылать и детей албанцев. Русские направляли сыновей в Кременчугское училище²³.

В Кременчуге Миранда посетил две школы: «В одной обучалось 72 юноши и иные желающие, платя по 12 рублей в год. Есть учителя грамматики, французского и немецкого языков, арифметики и географии. Пребывание в другом заведении, для девиц, стоит 36 рублей, и там учат вышивать, читать, танцевать, петь, играть на фортепьяно, и хотя эти учреждения далеко несовершенны, они, тем не менее, приносят значительную пользу»²⁴.

Исследования численности населения России в XVIII в., проведенные В.М. Кабузаном, показывают, что в Херсонской губернии с 1776 г., т. е. со времени управления ею Потемкиным, прирост составил 146 % и являлся самым высоким по стране. Причем основная часть — 67% — населения была представлена государственными крестьянами. Число жителей Екатеринославской и Херсонской губерний увеличилось в эти годы со 154 до 357 тыс. человек, а Крыма (Таврической губернии) — с 36 931 душ мужского пола в момент присоединения к России до 150 тыс. человек в 1790 г. Ученый отмечает, что «население быстро увеличивалось, благодаря не только переселенческому движению, но и повышенному естественному приросту»²⁵.

Елисеева Ольга Игоревна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

²¹ Там же. С. 54.

²² Там же. С. 85.

²³ Лашков Ф. Указ. соч. С. 15.

²⁴ Миранда де Ф. Путешествие по Российской империи. М., 2001. С. 78.

²⁵ Кабузан В.М. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М., 1990. С. 193 — 197.

А.С. ГРИБАКИН
14-я ПЕХОТНАЯ ДИВИЗИЯ ФИНСКОЙ АРМИИ В ВОЙНЕ С
СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ В 1941-1944 гг.

Настоящая статья подготовлена на материалах собрания по отдельным соединениям финской армии в годы Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. (в Финляндии она называется «Jatkosota», Продолженная война). Пользуясь ими, исследователь может получить необходимые сведения о месте формирования, составе, командовании и боевом пути по различным войсковым объединениям и частям вооруженных сил Финляндии в войне 1941 — 1944 гг. В предложенной статье кратко рассматривается история 14-й пехотной дивизии, сражавшейся на ругозерском направлении. То, что это соединение всю войну действовало на одном участке советско-финского фронта, значительно облегчает такую работу. Кроме того, здесь же упоминаются и те отдельные части, которые изначально не входили в состав этой дивизии, однако подчинялись ее штабу в оперативном отношении.

14-я пехотная дивизия, как и большинство других дивизий финской армии, была сформирована в ходе начавшейся 17 июня 1941 г. мобилизации. Формировалась она в Масельском военном округе, охватывавшему район Кухмо — Нурмес — Ийсальми и непосредственно примыкавшем к ребольскому участку советско-финской границы. По штату 1941 г. в ней должно было насчитываться 16 348 штыков, однако, с учетом приданных частей, уже в июле численность войск дивизии достигла 19 231 человек. В ее состав входили штаб, штабная рота, три пехотных полка — 10, 31 и 52-й, 18-й полк полевой артиллерии, 29-й тяжелый артиллерийский дивизион, 2-й легкий отряд, 16 и 22-я противотанковые артиллерийские роты, 24-й саперный батальон, 30-й батальон связи, 24-я саперная колонна, 262-я зенитно-пулеметная рота, 28-я рота химической защиты, 16-я рота и 6-ой взвод военной полиции, части снабжения и медицинского обеспечения¹.

Командовал дивизией полковник (с 31 декабря 1941 г. — генерал-майор) Эрки Юханнес Раапана, считавшийся специалистом по войне в глухой лесной местности. Как и многие другие финские военачальники, во время Первой Мировой войны он служил в 27-ом Прусском егерском батальоне, сформированном из пожелавших сражаться на стороне Германии финляндских уроженцев. После прибытия батальона в Финляндию в начале 1918 г. Раапана, произведенный в лейтенанты, участвовал в Освободительной войне в составе Карельского конно-егерского полка, а вскоре после ее окончания возглавил Йоенсууский пограничный отряд. На этой должности он оставался вплоть до начала Зимней войны, во время которой

---

¹ Suomen sota 1941-1945 Kuopio, 1951-1965 Osa 1. S.420.

ему удалось вполне раскрыть свои командирские качества. Командуя действовавшей на направлении Лиекса трехбатальонной Северо-Карельской группой, Раапана удалось за три недели разбить и отбросить обратно за линию государственной границы 529-й стрелковый полк 54-й стрелковой дивизии Красной Армии, за что он был произведен в полковники и вскоре был назначен командиром 9-ой пехотной дивизии. В межвоенный период он возглавлял Масельский военный округ, а с началом мобилизации получил под свое командование образованную здесь 14-ю дивизию. Видимо, он действительно был способным военачальником — в дальнейшем, уже в августе 1944 г., силами двух бригад он сумел остановить и окружить под Иломантси две советские стрелковые дивизии.

Штаб дивизии возглавлял майор (с 10 ноября 1941 г. — подполковник, затем — полковник) Юкка Илмари Кивикари, в подчинении которого находились командный и оперативный отделы и отдел снабжения и, кроме того, командиру дивизии напрямую подчинялись начальники артиллерии, инженерных войск, связи, противовоздушной обороны и химической защиты.

Пехотные полки дивизии по штату должны были насчитывать 3616 человек — 119 офицеров, 543 унтер-офицера и 2954 рядовых. В состав каждого полка входили штаб, три пехотных батальона, противотанковая артиллерийская рота, рота тяжелых (120-мм) минометов, саперная колонна, егерский и саперный взводы, взвод связи, а также командный и служебный взводы штаба полка². Каждый батальон имел 1022 человека (31 офицер, 149 унтер-офицеров и 842 рядовых) и состоял из трех стрелковых и одной пулеметной рот и взвода легких (81-мм) минометов. При этом роты полка имели сквозную нумерацию, так что, например, II-й* батальон включал в себя 5, 6 и 7-ю стрелковые и 8-ю пулеметную роты³.

Как уже упоминалось выше, в состав 14-й пехотной дивизии входило три пехотных полка, как и в большинстве дивизий, с разницей в 21 номер — 10, 31 и 52-й. 10-й пехотный полк был сформирован в Пиелисярви, при этом его I-й батальон был образован на базе подразделений 10-й пехотной бригады мирного времени, а два других батальона — из резервистов^{4**}. Его командир полковник Урхо Тяхтинен в 1940 году уже командо-

---

² Ibid. S.417.

* В настоящей статье используется та система нумерации частей и соединений, которая принята соответственно в финской и советской армиях. Таким образом, номера финских батальонов и дивизионов (входящих в состав полков и бригад) указаны римскими цифрами, а советских — арабскими.

³ Ibid.

⁴ Suomen sota. Osa 1. S.420.

** Такой способ комплектования был не совсем типичен для финской армии — обычно в дивизии два батальона первого по нумерации пехотного полка были кадровыми, а личный состав всех остальных призывался из запаса. В 14-й же и некоторых других дивизиях было по-другому.

вал полком на питкрярантском направлении, где принимал участие в ожесточенных боях с окруженными советскими войсками. Судя по тому, что в середине войны он поднялся до должности начальника организационного отдела Генерального штаба, а летом 1944 г. командовал бригадой в знаменитом сражении под Иломантси, это был достаточно опытный военачальник.

Так же, как и в 10-м, в 31-м пехотном полку I-й батальон был образован из кадровой 10-й пехотной бригады, а два других — из резервистов Соткамо, Палтамо и Кухмо. Командир полка подполковник (с 31 декабря 1941 г. — полковник) Франц Герман Иломяки во время Зимней войны командовал сначала 14-м отдельным батальоном, а затем — сформированной на его базе группой, которая сражалась под Кухмо с окруженной 54-й советской стрелковой дивизией. Теперь ему предстояло вновь встретиться с тем же противником на том же направлении, только по другую сторону границы.

52-й пехотный полк под командованием участника знаменитых боев на рубеже у Коллаа подполковника Каарло Раунио формировался только из резервистов района Йисальми. Как показали последующие бои, он возглавлялся действительно умелым командиром — уже 24 июля 1941 г. за операцию по окружению советских войск Раунио было присвоено звание полковника. Впрочем, полком ему довелось командовать недолго — 8 сентября того же года он был ранен и в строй так и не вернулся, занимая должность сначала командующего Масельским военным округом, а затем — Сортавальским округом шюцкора. Вместо него командиром полка с 13 сентября стал полковник Йоосе Олави Ханнула, бывший начальник Иностранного отдела Генерального штаба. Этот полковник был известен в Советском Союзе — его статью в газете «Хельсингин саномат» «Некоторые выводы из решающих боев на Карельском перешейке» перепечатала «Правда» 17 августа 1940 г. с целью подтвердить свидетельством противоположной стороны силы Красной Армии. Впоследствии Ханнула был переведен на должность командира 3-й пехотной бригады и погиб летом 1944 г. во время воздушного налета.

Егерские силы дивизии, кроме взводов в пехотных полках, были представлены 2-м легким отрядом, состоящим из двух егерских и одной егерской пулеметной рот. Командовал отрядом, сформированным в Киурувеси, капитан Тойво Ханнила. Сверх того, отдельная самокатная рота упоминавшейся выше 10-й бригады не была расформирована при переходе на новую организацию военного времени и также была подчинена штабу 14-й дивизии. Командовал ротой капитан Г.Ренваль. Всего в пехотных и егерских подразделениях дивизии по штатам на вооружении полагалось иметь 12 657 винтовок, 1511 пистолетов-пулеметов, 432 ручных и 126 станковых пулеметов, двадцать семь 81-мм и восемнадцать 120-мм мино-

метов⁵, но с учетом приданных ей подразделений это число было значительно выше.

Артиллерия 14-й пехотной дивизии состояла из 18-го полка полевой артиллерии (командир — майор (с 25 сентября 1941 г. — подполковник)) Вильо Юханнес Идянпяя-Хейккиля, он же начальник артиллерии дивизии), 29-го тяжелого артиллерийского дивизиона и 16 и 22-й противотанковых артиллерийских рот. 18-й артиллерийский полк состоял из штаба, трех артиллерийских дивизионов и светоизмерительного отряда и имел на вооружении двадцать четыре 76-мм русские пушки обр.1902г. и двенадцать 120-мм гаубиц на конной тяге⁶. По штату его личный состав насчитывал 1813 человек и 636 лошадей. Каждый дивизион (12 орудий и 580 человек) состоял из штаба, двух пушечных и одной гаубичной батарей и саперной колонны. I-й дивизион полка был образован на базе артиллерийского дивизиона 10-й бригады, а два остальных — в ходе мобилизации в Нурмесе и Ийсальми. 29-й тяжелый артдивизион, также сформированный в Ийсальми, имел на вооружении восемь 155-мм гаубиц и четыре 107-мм пушки на конной тяге, командовал им капитан (с 31 октября 1941 г. — майор) Леннарт Кайе⁷.

Противотанковая артиллерия дивизии была представлена 16-й и 22-й противотанковыми артиллерийскими ротами и противотанковыми артиллерийскими ротами в пехотных полках по шесть орудий в каждой. (При этом 16-я рота была только временно придана дивизии и не являлась ее подразделением). Всего на вооружении этих рот должно было быть тридцать противотанковых пушек и, кроме того, в пехотных подразделениях насчитывалось 102 противотанковых ружья.

Противовоздушную оборону дивизии (командир — капитан Э.Туомийнен) первоначально обеспечивали только шесть зенитных пулеметов 262-й зенитно-пулеметной роты. В июле 1941 г. она была усилена легкой зенитной батареей (четыре 40-мм зенитные установки) и еще одной ротой зенитных пулеметов, однако уже в августе одну пулеметную роту снова изъяли из дивизии. В августе 1943 г. противовоздушная оборона на этом участке была сведена в 17-й легкий зенитный артдивизион⁸ в составе трех зенитных батарей, которым командовал сначала капитан Я.Турпейнен, а с марта 1944 г. — майор Я.Ю.Симойоки. Служба ВНОС дивизии поначалу была представлена центром воздушного наблюдения, созданного в Реболах после их захвата, и подчиненными ему постами ВНОС. 19 сентября 1941 г. был образован Ругозерский район воздушного наблюдения, подчиненный 14-й дивизии. В конце 1942 г. в рамках общей реорганизации ее штабу подчинили две роты из состава 8-го батальона

⁵ Ibid. Osa 1.

⁶ Ibid. Osa 10. S.132.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid. Osa 9.

воздушного наблюдения — 67-ю в Ругозере и 68-ю в Тикшозере (в январе 1944 г. их передали в распоряжение штаба 14-й авиаэскадрильи)⁹.

Инженерные войска дивизии, возглавляемые капитаном (затем майором) А.Э.Такала, включали в себя 24-й саперный батальон¹⁰ и саперные колонны — дивизионную, полковые и артиллерийские. 24-й саперный батальон (579 человек) был сформирован в Каяни и состоял из трех саперных рот и прожекторного взвода (впоследствии этот взвод был расформирован и вместо него образован егерский саперный взвод). Командовал батальоном капитан О.Лухас, после гибели которого 6 августа 1941 г. его возглавил капитан В.В.Комси. Саперные колонны предназначались для прокладки колонных путей для движения и переправы войск, а также для создания запасных саперных пунктов. Кроме того, дивизии была придана 7-я дорожно-эксплуатационная рота, а позже дополнительно были переданы 1-я дорожно-строительная и 18-я дорожно-эксплуатационные роты, 1-й саперный складской взвод и 421-й и 429-й крепостные строительные батальоны¹¹. В 1942 г. в этих войсках произошли перемены кадрового и организационного характера — полковые колонны были расформированы, а 20 июня 1-я дорожно-строительная рота была передана в Масельскую группу. 18 декабря того же года пост начальника этого рода войск занял подполковник О.А.Харалахти.

Войска связи дивизии были представлены 30-м батальоном связи¹², насчитывавшим 436 человек и состоявшего из двух телефонных и одной центральной рот (позже дивизии был придан дополнительно отдельный телефонный взвод). Батальон формировался в Нурмесе, всю войну им командовал капитан (затем — майор) К.Х.Хелокоски. Начальником связи являлся капитан Р.И.Каре, позже произведенный в майоры, а затем — в подполковники. Его подразделения обеспечивали связь как между частями дивизии, так и между соседними соединениями и разведывательными партиями. Кроме того, на ругозерском направлении действовал III-й отряд войск связи, осуществлявший прокладку телефонных линий к финской границе.

К частям снабжения дивизии относились авторота, рота боезапаса, склад горюче-смазочных материалов, экономическая рота, автомастерские и обозно-ремонтная рота, а также полевая почта. Начальником снабжения являлся капитан В.А.Тууленсуу. Обеспечение дивизии первоначально осуществляли 3-й центр снабжения в Нурмесе и 4-й в Соткамо, а также 1-я инстанция снабжения в Лиекса. С переходом же к позиционной войне 3-й центр перевели в Реболы, 4-й — в Лиекса, а 1-ю инстанцию снабжения

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid. Osa 10. S.230.

¹¹ Ibid. Osa 5. S.18. Ibid. Osa 10. S.254.

¹² Ibid. Osa 10. S.347.

расформировали¹³. Медицинское и ветеринарное обслуживание войск возлагалось на медицинскую роту, полевой госпиталь и ветеринарную роту.

Необходимо остановиться также на политической и духовной работе в дивизии. Кроме офицеров просвещения (по одному на полк), ее обеспечивала приданная ей 10-я рота пропаганды (26 человек)¹⁴, а также военное духовенство. Так как среди личного состава дивизии были не только лютеране, окормляемые военным пастором, но и православные верующие, при соединении находился и один православный священник. Издавалась в дивизии и собственная газета — «Корвен кайку» («Эхо глухумани»).

Кроме того, поскольку 14-я пехотная дивизия наступала на обособленном участке фронта, в подчинении ее штаба был передан ряд отдельных частей, предназначенных для совместных с нею действий — 15-я и 34-я пограничные егерские роты, 60-я, 61-я и 63-я батареи 5-го крепостного артиллерийского дивизиона и 9-я и 10-я отдельные крепостные роты (обе эти роты уже 27 июня 1941 г. были объединены в отдельный тяжелый батальон под командованием капитана А.В.Мёттёнена)¹⁵. Пограничные егерские роты под командованием капитанов Я.Кекконена и А.А.Сейтамо были образованы на базе кадровых частей пограничной охраны мирного времени и отличались лучшей подготовкой и боеспособностью, чем резервисты из пехоты. Каждая рота насчитывала около 400 человек и состояла из стрелковой роты, пулеметного взвода, противотанкового отряда, радиогруппы и одного — двух взводов заграждения. Передвигались егеря преимущественно на велосипедах. Что же касается крепостных батарей, сведенных в ходе боев в крепостной дивизион под командованием капитана П.Аутио, то вооружены они были преимущественно устаревшими орудиями (по не уточненным данным, 107-мм обр.1877 г.), и уже в конце июля были выведены из подчинения штаба дивизии.

Таковы были силы 14-й пехотной дивизии перед началом боевых действий. Так как ей предстояло действовать на обособленном операционном направлении, она не входила в состав армейских корпусов, а подчинялась непосредственно К.Г.Маннергейму. 18 июня 1941 г. он отдал приказ, согласно которому дивизия должна была оборонять район Хаттуваара — Нурмиярви — Расти — Кухмо, однако уже 25 июня, после объявления Финляндией войны Советскому Союзу, перед дивизией были поставлены наступательные задачи. К 1 июля 1941 г., во исполнение приказа, ее части были выдвинуты к государственной границе и развернуты в полосе от Каменного озера до Инари. Ближайшей целью дивизии были овладение Реболами, а затем наступление на Ругозеро и далее на станцию Кочкома Мурманской железной дороги.

---

¹³ Ibid. S.459-461.

¹⁴ Ibid. S.63.

¹⁵ Ibid. Osa.5. S.13.

На ребольском направлении наступали главные силы дивизии, сведенные в три группировки — отряд «Т», отряд «И» и отряд «Л». Отряд «Т» под командованием полковника У.Тяхтинена (10-й пехотный полк (без II-го батальона), 29-й тяжелый артдивизион, I-й и II-й дивизионы 18-го артиллерийского полка, 61-я крепостная батарея, отдельная самокатная рота и пулеметная рота 52-го полка)¹⁶ должен был наступать на Реболы с юга, через Тулевары. Отряд же «И» подполковника Ф.Г.Иломьяки (I-й и II-й батальоны 31-го пехотного полка, 15-я пограничная егерская рота, III-й дивизион и 2-я батарея 18-го артиллерийского полка, 63-я крепостная батарея и 22-я противотанковая артиллерийская рота)¹⁷ продвигался с северо-запада на Колвасозеро. Левый фланг этого отряда прикрывал отряд «Л» под командованием майора Ф.В.Леппялякса (III-й батальон 31-го пехотного полка).

Отдельные отряды действовали на крайних флангах дивизии. На севере, на кимасозерском направлении, был сосредоточен отряд «Мийноа» (два взвода III-го батальона 31-го пехотного полка), а на юге на Лендеры был нацелен отряд «П» майора Вяйнё Партинена (II-й батальон 10-го пехотного полка, 3-я батарея 18-го артиллерийского полка, 60-я крепостная батарея, противотанковая и пулеметная роты 52-го пехотного полка,¹⁸ 7 июля ему была передана и отдельная самокатная рота). 52-й пехотный полк, 2-й легкий отряд и 16-я противотанковая артиллерийская рота находились в резерве.

Противостоящие им силы советских войск были значительно слабее. К началу июля здесь действовал 337-й стрелковый полк 54-й стрелковой дивизии под командованием полковника С.Я.Чурилова, два дивизиона 491-го гаубичного артиллерийского полка и 73-й пограничный отряд. Общая их численность составляла 6440 человек при 42 орудиях (двенадцать 152-мм и двенадцать 122-мм гаубиц, шесть 76-мм полевых и двенадцать 45-мм противотанковых пушек)¹⁹. Они опирались на оборудованный в 12-ти км. западнее Ребол полковой участок обороны, состоящий из трех батальонных районов обороны и предполья и проходящий по линии озер Большое Мазъярви — Колвасоезеро — Кожуль²⁰. К началу боев его занимали 2-й и 3-й батальоны полка, а 1-й батальон находился в резерве в районе Реболы. Имея значительно меньшие, чем у противника, силы, советские войска не могли, конечно, прочно прикрыть ребольское направление, что сразу сказалось на ходе последующих боевых действий.

На рассвете 4 июля 1941 г. главные силы 14-й пехотной дивизии перешла в наступление на Реболы. Наступавший на правом фланге отряд «Т»

---

¹⁶ Ibid. S.16.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid. S.15.

¹⁹ На ребольском направлении. Петрозаводск, 1995. С.13-14.

²⁰ Козлов Г.К. В лесах Карелии. М., 1963 С.23.

уже на следующий день захватил Тулевары, однако главные бои развернулись левее, на колвасозерском направлении. Еще 4 июля передовые подразделения отряда «И» вышли к полковому оборонительному рубежу у Колвасозера, а на следующий день попытались прорвать его, но натолкнулись на упорное сопротивление. Разгорелись ожесточенные бои, укрепленные высоты рубежа переходили из рук в руки. Обе стороны несли большие потери, однако советские войска удерживали свои позиции. Тогда командование 14-й дивизии усилило этот участок III-м батальоном 52-го пехотного полка, а I-й батальон 52-го пехотного полка и II-й батальон 31-го пехотного полка направило в обход озера Большое Мазьярви с севера и востока. После их выхода в район Смолмук создавалась угроза окружения советских войск, и те были вынуждены отходить с тяжелыми боями. 8 июля финны вступили в Колвасозеро, а днем ранее с юга возобновил наступление и отряд «Т». Овладев рубежом озер Короппи — Мяндуярви и продвинувшись вперед, утром 8 июля его части соединились с передовыми подразделениями 31-го пехотного полка и начала совместное наступление на Реболы. В 14.00 8 июля егерский взвод 31-го полка на велосипедах ворвался в село, оставленное советскими войсками. Жители Ребол и ценное имущество были эвакуированы заранее, а часть домов сожжена. В тот же день финское командование ввело в бой 2-й легкий отряд с целью организовать преследование отступающего противника, однако ему не удалось продвинуться по дороге дальше Вирды. Тем временем на левом фланге дивизии части отряда «Л» уже 4 июля достигли озера Эльмут, а на другой день вышли на рубеж озер Вежунгиярви — Торосозеро.

Таким образом, после оставления советскими войсками Ребол фронт стабилизировался по рубежу Лексозеро — Вирда — Торосозеро. И финские, и советские войска перешли к обороне. 10-й пехотный полк занимал позиции у Вирды, а 31-й и 52-й полки сосредоточились в тылу у Колвасозера. Так как советские части при отступлении взорвали мосты и привели в негодность дороги, то подразделениям 24-го саперного батальона 14-й дивизии пришлось выполнить большую работу по их восстановлению и ремонту с целью обеспечить движение артиллерии и обозов.

Одновременно финские войска продвинулись вперед и на левом фланге дивизии. Действовавший здесь отряд «Мийноа» под командованием лейтенанта Таскинена в ночь на 3 июля захватил Минозеро, и в тот же день он был объединен с переведенной сюда 15-й пограничной егерской ротой в отряд «К» под командованием капитана Я.Кекконена. 5 июля отряд занял Лувозеро, и на следующий день получил приказ о наступлении на Кимасозеро. Однако предпринятая назавтра атака была отбита советскими пограничниками, а Кекконен получил тяжелое ранение. 12 июля его

сменил капитан Антти Армас Сейтамо, командир переброшенной через Ровкуны на это направление 34-й пограничной егерской роты²¹.

9 июля К.Г.Маннергейм подписал приказ, согласно которому 14-я пехотная дивизия должна была продолжить наступление на Андронову Гору и, кроме того, очистить дорогу Лендеры — Поросозеро до Ключиной Горы, установив связь с частями Группы «О» Карельской армии²². 12 июля 10-й пехотный полк при поддержке артиллерии перешел в наступление вдоль дороги Вирда — Емельяновка, где занимал позиции 1-й батальон 337-го стрелкового полка, а часть сил форсировала Лексозеро у Гафострова. Однако, несмотря на ожесточенные бои, переходящие в рукопашную, финнам не удалось сломить сопротивление советских войск. Видя бесполезность дальнейших лобовых атак, командование 14-й дивизии прекратило их и 14 июля сменило на передовой 10-й полк 31-м пехотным полком. Теперь было принято решение окружить 337-й стрелковый полк путем глубокого обхода его левого фланга и, перехватив дорогу на Ругозеро, отрезать ему пути для отступления. Для этой цели был выделен 52-й пехотный полк, усиленный отдельным тяжелым батальоном и группой тяжелых минометов 31-го пехотного полка²³. Форсировав Лексозеро, 20 июля полк сосредоточился у высоты 187,7 и на другой день, совершив переход по проложенному через лесную глухомань колонному пути, перерезал дорогу Емельяновка — Ругозеро в тылу советских войск. Первым дорогу перехватил I-й батальон в 14.30 21 июля у высоты 198,2, а затем, восточнее этого участка — II-й батальон. Предпринятые попытки советских войск прорваться на восток и оказать им помощь извне окончились неудачно, тем более что 52-й полк был усилен двумя батальонами 10-го пехотного полка. 20 июля перешел в наступление на Емельяновку со стороны Вирды и 31-й пехотный полк, а на другой день с северо-запада — отряд «Л». Атакованные сразу с трех сторон, советские части не могли сдержать их натиска, и 24 июля 31-й полк вступил в Емельяновку. Советским войскам пришлось, частично уничтожив боевую технику, выходить из окружения через глухую лесную местность на северо-восток к Челмозеро. 27 июля Раапана доносил Маннергейму: «Сражение за Емельяновку закончено, 337-й стрелковый полк уничтожен. Очистка района продолжается»²⁴. Трофеи финских войск составили 50 орудий, 40 минометов, 50 автомашин, 12 тракторов и около 300 лошадей, было захвачено свыше 300 человек пленных²⁵. За эту операцию 3 августа 1941 г. Э.Ю.Раапана был награжден Крестом Маннергейма 2-го класса №3.

²¹ Suomen sota. Osa .5. S.30.

²² Ibid. S.31.

²³ Ibid. S.37.

²⁴ Seppälä H. Suomi hyökkääjänä 1941 Porvoo, 1984. S.163.

²⁵ Suomen sota. Osa 5. S.44.

Тем временем части 14-й пехотной дивизии устремились на восток по дороге на Ругозеро, которую прикрывали только разрозненные подразделения советских войск. К исходу 26 июля ее передовые части вышли в район озер Хедо и Муй. В тот же день егерские взводы пехотных полков и 22-я противотанковая рота были сведены в легкий отряд, личный состав которого передвигался на велосипедах. Преследуя противника, этот отряд устремился вперед, за ним следовали пехота и артиллерия. Противостоящие им советские войска поначалу не могли оказать существенного сопротивления, так как здесь оставались только небольшие подразделения 73-го пограничного отряда и тыловые части. Вскоре они были усилены ударным батальоном, спешно сформированном из сотрудников охраны Беломорского канала, милиционеров и местных жителей, а 28 июля он, вместе с выходящими из окружения бойцами 337-го стрелкового полка, был объединен в сводный стрелковый полк майора С.Д.Милицы. 30 июля 1941 г. действующие на этом направлении части были сведены в Ребольскую оперативную группу войск под командованием полковника Г.К.Козлова²⁶.

Тем временем подразделения 52-го пехотного полка 14-й дивизии, преодолев рубеж озер Тикшозеро — Лебедино, достигли 31 июля р.Поннока, где встретили упорное сопротивление. В завязавшихся боях им удалось окружить и разбить советские части у озера Боярское и продвигнуться далее к р.Чирко-Кемь. 1 августа передовые части достигли реки на участке вдоль дороги на Андронову Гору. Здесь проходил срочно оборудованный силами местного населения советский оборонительный рубеж. Попытки прорвать его с ходу не удались, так как советские войска отбивали все атаки. Тогда командование 14-й пехотной дивизии решило попытаться вновь окружить противника с помощью фланговых ударов. 8 августа Раапана отдал приказ о наступлении на Андронову Гору, согласно которому 52-й пехотный полк, усиленный отдельным тяжелым батальоном, должен был продвигаться по проложенным колонным путям и гатям через глухую лесную местность на правом фланге дивизии и выйти на дорогу Андронova Гора — Ругозеро в тылу советских войск. Одновременно 31-й полк (без I-го батальона) и I-й батальон 10-го полка наступали на главном направлении с фронта, а занявший наконец 1 августа Кимасозеро отряд Сейтамо двигался с северо-запада, со стороны Ковдозера.

Однако этому плану не удалось осуществиться в том виде, как задумывало командование дивизии. Накануне отряд советских партизан под командованием старшего лейтенанта П.А.Волкова сумел захватить в плен финского офицера, у которого была обнаружена карта с нанесенным на ней замыслом операции. При захвате офицер попытался уничтожить карту, но это ему не удалось, и таким образом советское командование получило представление о планах противника. Это позволило, несмотря на нехватку

---

²⁶ На ребольском направлении. С.17.

времени, принять меры к их срыву, особенно в отношении наступавшего на левом фланге отряда Сейтамо. Остановленный с фронта упорной обороной, он был одновременно атакован партизанами с тыла и понес большие потери. На правом фланге перешедшие в наступление 9 августа части 52-го пехотного полка также натолкнулись на яростное сопротивление оборонявшихся здесь пограничников и переброшенных им на помощь двух партизанских отрядов. Несмотря на сильный огонь артиллерии, все атаки полка были отбиты, советские бойцы сами неоднократно контратаковали. Однако силы были неравны, и вскоре частям действующего левее 31-го пехотного полка удалось прорвать советскую оборону. Тогда, чтобы избежать окружения, командование Ребольской оперативной группы решило скрытно отвести свои части на новый оборонительный рубеж, проходящий по р.Пизма. Под прикрытием отвлекающего артиллерийского огня и действий мелких подразделений главные силы группы в ночь на 13 августа незаметно произвели отход. Утром финская артиллерия два часа вела огонь по оставленным советскими войсками позициям, затем в атаку пошла пехота, но противника уже не было. Накануне вечером, 12 августа III-й батальон 10-го пехотного полка с юго-запада и отряд Сейтамо с северо-запада вступили в Андронову Гору, а на следующий день части 52-го пехотного полка наконец вышли на ругозерскую дорогу восточнее Новой Тикши, но теперь в этом уже не было смысла.

Одновременно с завершением боев под Андроновой Горой в 14-й дивизии произошли некоторые изменения организационного порядка. 13 августа отдельный тяжелый батальон был расформирован, а отряд Сейтамо преобразован в пограничный егерский батальон, временно отведенный на отдых²⁷. На следующий день на главное направление был возвращен с правого фланга 2-й легкий отряд.

Преследуя отходящие советские части, финские войска вышли к оборонительному рубежу, проходящему по р.Пизма. Его обороняла созданная на базе Ребольской оперативной группы Ребольская стрелковая дивизия (с 25 сентября 1941 г. — 27-я стрелковая дивизия) под командованием полковника Г.К.Козлова, в состав которой вошли 337-й и сводный стрелковый полки, 491-й гаубичный артиллерийский полк (два дивизиона) и 73-й пограничный отряд²⁸. Уже 15 августа подразделения 52-го финского пехотного полка после артподготовки попытались форсировать реку, однако, натолкнувшись на ожесточенное сопротивление, понесли большие потери и на следующий день были вынуждены отступить обратно на левый берег. После этого на фронте наступило затишье, подразделения финских войск вели разведку, пытаясь установить группировку противника. В результате добытых сведений командование 14-й дивизии решило, одновременно с ударом на центральном участке, обойти советские позиции с

²⁷ Suomen sota. Osa.5. S.58.

²⁸ На ребольском направлении. С.24-26

северо-запада силами отряда «Т» (I-й и III-й батальоны 10-го пехотного полка и пограничный егерский батальон). Выполняя этот план, первыми в наступление перешли части 52-го пехотного полка. 5 сентября, после двухчасовой артиллерийской подготовки, они вновь попытались форсировать р.Пизма, однако наступавшему на главном направлении II-му батальону из-за сильно огня противника не удалось организовать переправу, и в 10.00 Раапана отдал приказ прекратить эти попытки. Зато южнее, у озера Вехкалампи, III-й батальон сумел прорвать советскую оборону, и, усиленный I-м батальоном, повернул на север, к Маткаламби. 7 сентября советское командование, подтянув к месту прорыва Сибирский стрелковый и горнострелковый батальоны, сумело контратаками задержать их продвижение, но ненадолго. Тем временем 6 сентября перешел в наступление и отряд «Т». Три его батальона двигались через глухие леса и болота к северо-востоку от оз.Пизма. Однако 7 сентября они натолкнулись на организованную здесь оборону советских войск, применивших, по свидетельству Г.К.Козлова, огнеметы, и были вынуждены втянуться в упорные бои. Все же действовавшие на этом направлении советские подразделения были немногочисленны, и им вскоре пришлось отступить. 8 сентября отряд «Т» достиг дороги на Ругозеро почти одновременно с наступавшими с юга частями 52-го пехотного полка. Советским войскам пришлось отойти на рубеж по восточному берегу Ругозера.

Теперь перед финским командованием встала задача овладеть Ругозером. Для этого планировалось силами отряда «Т» (два батальона 10-го пехотного полка, пограничный егерский батальон Сейтамо и 2-й легкий отряд при поддержке II-го (без 4-й батареи) и III-го дивизионов 18-го артиллерийского полка и двух батарей 29-го тяжелого артдивизиона) прорвать советскую оборону на участке вдоль дороги на Кочкому, после чего 10-й полк должен был повернуть на юг от развилки у Ругозера по дороге на Паданы и продвигаться в направлении Евдозера (южное)* — Рокжозеро. После этого егерский батальон и легкий отряд передавались вводимому следом за ними в прорыв 52-му пехотному полку, задачей которого было продолжение наступления вдоль главной дороги на восток. Действовавший южнее 31-й пехотный полк, который поддерживали I-й дивизион 18-го артполка (без 3-й батареи) и 2-я батарея 29-го артдивизиона, должен был наступать с южной оконечности оз.Ругозеро.

В 3.00 11 сентября на главном направлении началась мощная артиллерийская подготовка. В четыре часа отряд «Т» перешел в наступление и уже в 6.00 III-й батальон 10-го пехотного полка вступил в Ругозеро. После этого, как и планировалось, полк начал продвижение вдоль восточного берега озера на юг, а егеря попытались наступать дальше на восток вдоль до-

---

* В районе Ругозера есть два озера с одинаковым названием «Евдозеро» — одно к северу от р.Онда, а другое — к югу от хребта Хартувара. Для их различия они именуется «Евдозеро (северное)» и «Евдозеро (южное)».

роги на Кочкому. Однако вскоре они натолкнулись на упорную оборону советских войск у Ванчозера и были вынуждены остановиться. Тогда финское командование направило II-й батальон 52-го пехотного полка в обход Ванчозера с юга, и с наступлением темноты этот отряд достиг дороги в тылу противника. В тот же день перешел в наступление и 31-й пехотный полк, и уже в 9.00 его подразделения соединились с 10-м полком, наступавшим с северо-запада. Фронт обороны Ребольской стрелковой дивизии оказался разорванным надвое, и ее войска были вынуждены отходить за р.Онда и частью сил к Ондозеру.

После захвата Ругозера Раапана приказал 52-му пехотному полку, в командование которым с 13 сентября вступил полковник Й.О.Ханнула, захватить плацдарм на восточном берегу р.Онда. Полк поддерживали пограничный егерский батальон Сейтамо, II-й и III-й дивизионы 18-го полка полевой артиллерии и две батареи 29-го тяжелого артдивизиона. В 7.00 15 сентября началась артиллерийская подготовка, и через два часа финские войска начали форсировать реку. В центре, вдоль главной дороги, переправу осуществили частично по остаткам сожженного моста, и уже через час плацдарм был захвачен. Правее III-й батальон также переправился на восточный берег и вскоре установил связь с соседом слева. Плацдарм был расширен в глубину до 2 км., однако дальше финские войска натолкнулись на укрепленный рубеж советских войск и не сумели преодолеть его. Пограничный егерский батальон, наступавший на левом фланге, в тот же день достиг Евжозера (северное), но и там встретил упорное сопротивление противника и не смог продвинуться дальше. 17 сентября Раапана был вынужден отдать приказ о переходе к обороне. В то же время наступавший по дороге на Паданы 10-й пехотный полк, усиленный I-м дивизионом 18-го артполка и 2-й батареей 29-го тяжелого артдивизиона, достиг 13 сентября Пяльгозера и также перешел здесь к позиционным боям.

Что же происходило в это время на крайнем правом фланге дивизии, где, на значительном удалении от ее главных сил, действовал отряд «П»? 4 июля, как и на ребольском направлении, его подразделения перешли границу у Верколампи и, встречая незначительное сопротивление советских войск, 9 июля заняли Лендеры. Между тем 7 июля перешли в наступление части группы «О» Карельской армии и, перед отрядом встала задача обеспечить ее левый фланг. 13 июля полковник Раапана отдал приказ о наступлении на Поросозеро, и одновременно на это направление передавался 2-й легкий отряд из-под Ребол (8 августа он был возвращен под Ругозеро). Однако продвижение частей отряда «П» сильно затруднялось лесными пожарами, вызванными советскими войсками. Только 29 июля им удалось достичь Ключиной Горы, где отряд подвергся контратакам с применением танков и был вынужден прекратить наступление. Через несколько дней советские части отошли к Кудом-Губе и заняли здесь прочную оборону. 7 августа отряд «П» был передан в состав образованной здесь

бригады «К» под командованием подполковника Ээро Кууссаари. В бригаду вошли два батальона «воинов-единоплеменников» — «Аунус» и «Виена», укомплектованные олонекскими и беломорскими карелами, в годы Гражданской войны и позднее ушедшими в Финляндию, II-й батальон 10-го пехотного полка, отдельная самокатная рота, 18-я противотанковая артиллерийская рота, противотанковая рота 52-го пехотного полка, 3-я батарея 18-го артполка, взвод тяжелых минометов и взвод 24-го саперного батальона²⁹. Поначалу бригада действовала в оперативном подчинении 14-й пехотной дивизии, а после овладения ею Кудом-Губой 27 августа 1941 г. была передана в распоряжение штаба Карельской армии.

Хотя во второй половине сентября на ругозерском направлении наступило затишье, в октябре частям 14-й пехотной дивизии вновь пришлось возобновить боевые действия. К этому времени наступавшие на Медвежьегорск части Карельской армии продвигались все дальше на восток — 12 октября бригада «К» захватила Поросозеро, а 19 октября 8-я пехотная дивизия заняла Паданы на берегу Сегозера. 22 октября Маннергейм отдал приказ, согласно которому части 14-й дивизии должны были установить связь с левофланговыми соединениями Карельской армии. Эта задача была поручена находившемуся в районе Ондозера отряду «Т», в состав которого передавались пограничный егерский батальон Сейтамо и 2-й легкий отряд. 23 октября два батальона 10-го пехотного полка двинулись на юг, а егеря остались прикрывать их левый фланг и тыл у Рокжозера. Уже вечером того же дня отряд без боя занял Кузнаволоок, а затем начал переправу через Елмозеро на плотках. 26 октября его передовые подразделения, потеснив действовавшие здесь отряды советских пограничников, соединились на р.Волома со II-м батальоном 10-го пехотного полка, который после расформирования бригады «К» 20 октября находился в оперативном подчинении штаба 8-й дивизии. В тот же день в район Сяргозера вышла и 7-я рота батальона «Аунус», наступавшая с запада со стороны Пенинга. После перехода войск Карельской армии к обороне на медвежьегорском направлении, защита разделявшего их и 14-ю дивизию участка лесной глухомани была возложена на пограничные егерские батальоны. 5-й батальон, входивший в состав созданной 1 марта 1942 г. Масельской группы, прикрывал ее левый фланг к северу от Сегозера, а пограничный егерский батальон Сейтамо 17 октября 1941 г. был переименован в 6-й батальон, и его рубеж обороны был определен на правом фланге 14-й пехотной дивизии по западному берегу Ондозера. 1 сентября 1942 г. его позиции были атакованы частями 85-й морской стрелковой бригады, стремившимися разгромить ондозерский гарнизон, но эта атака была отбита егерями³⁰.

Таким образом, с середины сентября 1941 г. на ругозерском направлении началась позиционная война. Хотя финским войскам не удалось пе-

²⁹ Jatkosodan historia. Porvoo — Helsinki, 1991. Osa 3. S.90.

³⁰ На ребольском направлении. С.37-38

перезаковать на этом участке Мурманскую железную дорогу, все же их позиции оказались значительно выдвинутыми вперед. Это стоило им значительных потерь — за лето и осень 1941 г. 14-я пехотная дивизия потеряла 730 человек убитыми, 2223 ранеными и 157 пленными и пропавшими без вести³¹. Тем не менее и после перехода к обороне финское командование не переставало думать о ругозерском направлении. Еще 13 сентября, всего через два дня после захвата Ругозера, туда прибыл сам Маннергейм и принял парад подразделений 52-го пехотного полка. Немецкое высшее военное руководство настаивало на продолжении наступления с целью выхода к Мурманской дороге. Так как ругозерское направление было наиболее удобным для осуществления этой операции, то оно и привлекало к себе внимание в первую очередь. Этому мнению придерживался и генерал-квартирмейстер финской Ставки генерал-майор А.Ф.Айро. В начале 1942 г. он, вместе с генерал-майором Э.Р.Лагусом, встретился с Раапана и, после совместного обсуждения предложил план наступления на Беломорск, который, по его мнению, был способен значительно изменить ход войны в пользу Германии и Финляндии³². Однако сам Маннергейм отнесся к этому предложению весьма скептически. «Хотя я полагал, — писал он впоследствии, — что возможности перерезать мурманскую дорогу существуют — например, в каком-нибудь пункте южнее Сороки, — все же такая операция стала бы для нас прологом заведомо проигрышного сражения. Русские, несомненно, приложили бы все силы для восстановления перевозок через Мурманск, а немцы не смогли бы оказать нам эффективной помощи, ибо их базы находились далеко отсюда»³³. В результате из-за отрицательного отношения Маннергейма этот план так и не был осуществлен.

Все же нельзя сказать, что финны полностью отказались от действий, направленных на срыв движения по этой дороге. 8 января 1942 г. большей частью из войск 14-ой пехотной дивизии был образован отряд «М» под командованием поляка майора А.Маевского в составе I-го батальона 10-го пехотного полка, 6-го пограничного егерского батальона и 24-й пограничной егерской роты, общей численностью 1286 человек. Их задачей являлось нападение на станции Май-Губа и Надвоица и нарушение движения на этом участке. 19 января, совершив рейд по глухой лесной местности, отряд захватил обе станции. Были уничтожены станционные постройки, оборудование и казармы, взорвано железнодорожное полотно и деревянный мост, перерезаны линии связи. На другой день, в связи с приближением советских войск и действиями авиации, отряд отступил обратно.

В течение осени 1941 г. — весны 1942 г. в 14-й пехотной дивизии проводились организационные мероприятия в рамках общей реорганиза-

³¹ Seppälä H. Op.cit. S.164

³² Мере В. Маннергейм — Маршал Финляндии. М.,1997. С.165-166

³³ Маннергейм К.-Г.Э. Мемуары. М.,1999. С.413-414

ции вооруженных сил и демобилизации старших возрастов. 13 апреля 1942 г. был расформирован 31-й пехотный полк, а 29 июля 1942 г. — 2-й легкий отряд. 10-й пехотный полк планировалось развернуть в 10-ю пехотную бригаду³⁴, однако ее формирование шло медленно, а в мае 1942 г. первоначальный план реорганизации пехотных дивизий был отменен. В том же месяце в 52-ой пехотный полк вместо обращенного на формирование нового 5-го егерского батальона I-го батальона с тем же номером был включен I-ый батальон расформированного 31-го полка. 31 октября того же года дивизии вновь подчинили батальон воинов-единоплеменников «Аунус», размещенный в Кимасозере, 23 января 1944 г. он был переименован в 7-й отдельный батальон. Кроме того, осенью 1942 г. для организации пополнения дивизии были образованы 9-й центр пополнения личным составом и 12-й запасной батальон, дислоцированный в Нурмесе. 24 марта 1944 г., опять же в рамках общего плана, в 14-й пехотной дивизии на базе III-го батальона бывшего 31-го пехотного полка был создан 24-й отдельный батальон.

Во время позиционной войны продолжалась боевая деятельность противостоящих сторон. Как советские, так и финские войска неоднократно предпринимали попытки улучшить свое положение, однако без существенных результатов. Самым крупным сражением за эти годы на ругозерском направлении был бой за высоту «Груша» («Мяч») 26 — 28 июля 1943 г. Высота была взята советскими войсками после мощной артподготовки с применением реактивных минометов, и подразделениям 52-го пехотного полка удалось отбить ее обратно только в ходе ожесточенного боя с большими потерями. Кроме того, серьезную проблему для 14-й пехотной дивизии представляло партизанское движение. Советские партизаны совершали глубокие рейды в тыл противника, производили нападения на отдельные гарнизоны, совершали диверсионные акты. 29 сентября 1941 г. они атаковали аэродром Тикшозеро и уничтожили несколько самолетов, 5 июня 1942 г. разгромили гарнизон Кимасозера, а еще через две недели — Лувозера. В марте 1943 г. партизанский отряд напал на гарнизон Мергуба и серьезно повредил мост через р. Чирко-Кемь. Эти обстоятельства постоянно держали в страхе финских солдат. Вот что писал офицер просвещения Олави Пааволайнен об обстановке на этом направлении осенью 1943 г.: «...Ввиду постоянных засад и опасности от мин движение одиночных машин на ругозерской дороге запрещено. Даже машинам высших офицеров приходится примыкать к «ругозерскому поезду» — автоколонне, во главе которой идут бронемшины»³⁵. Таким образом действия партизан наносили существенный урон финнам и серьезно сковывали их войска.

К лету 1944 г. 14-я пехотная дивизия продолжала обороняться на ругозерском направлении. По-прежнему ей командовал генерал-майор

³⁴ Suomen sota. Osa 6. S.180-181.

³⁵ Цит. по: Куприянов Г.Н. За линией Карельского фронта. Петрозаводск, 1975. С.120.

Э.Ю.Раапана, начальником штаба с 11 апреля 1943 г. являлся подполковник Суло Вилхо Суси — бывший офицер 2-й егерской бригады. В состав дивизии, общая численность которой достигала 17 тыс.чел., входили 10 и 52-й пехотные полки, 18-й полк полевой артиллерии, 29-й тяжелый артиллерийский дивизион, 7 и 24-й отдельные батальоны, 6-й пограничный егерский батальон, 24-й саперный батальон, 30-й батальон связи и 12-й запасной батальон³⁶. На правом фланге дивизии действовал 10-й пехотный полк под командованием подполковника (с 6 июля — полковника) Лаури Сотисаари. Этот офицер летом 1941 г. в должности командира 47-го пехотного полка 12-й дивизии сражался на Карельском перешейке, а в марте 1942 г. принимал участие в операции по захвату о.Гогланд (Суурсаари). 52-й пехотный полк оборонялся на левом фланге. С февраля 1944г. им командовал полковник Кай Савонйоуси, бывший начальник штаба Масельской группы. 12 июня 1944 г. он был переведен на должность своего погибшего предшественника на посту командира полка полковника Ханнула командиром 3-й бригады, а еще через несколько дней его назначили командиром 10-й пехотной дивизии. 18 июня в командованием 52-м полком вступил подполковник (с 23 июня — полковник) Лаури Сакари Кёнёнен. Артиллерия дивизии была по-прежнему представлена 18-м полком полевой артиллерии под командованием подполковника (с 6 июля — полковника) В.Ю. Идянпяян-Хейккиля, и 29-м тяжелым артдивизионом под командованием майора Л.Кайе. Теперь ее вооружение было заметно усилено — в I-ом и II-ом дивизионах полка вместо 120-мм систем на вооружение поступили советские трофейные 122-мм гаубицы обр.1910/30 гг., а III-ий дивизион был оснащен восемью советскими 152-мм гаубицами обр.1909/30 гг. и четырьмя 107-мм пушками. В 29-ом тяжелом дивизионе все двенадцать орудий были 155-мм гаубицами, хорошие результаты стрельбы которых отмечали даже советские артиллеристы. Усилена была противотанковая оборона — теперь ее обеспечивали 22-я и 42-я (бывшая 31-го полка) противотанковые артиллерийские роты (восемь 75-мм пушек) и две полковые роты (16-я рота 31 мая убыла в группу «Олонец»). Кроме того, в подчинении штаба дивизии имелась 24-я (также бывшая 31-го полка) минометная рота (шесть 120-мм минометов). 6-й пограничный егерский батальон (командир — майор Хеймо Матти Муроле) прикрывал левый фланг дивизии по рубежу р.Чирко-Кемь, а 7-й отдельный батальон подполковника В.Ю.Никоскелайнена оборонялся на правом фланге. В Реболах дислоцировалась рота 12-го запасного батальона, которым командовал капитан Э.Какко (в июне 1944 г. его сменил майор Э.Я.Каски). 24-м саперным батальоном командовал капитан Б.Р.Ярнола, 30-м батальоном связи — майор К.Х.Хелокоски. От нападения с воздуха дивизию прикрывал 17-й легкий зенитный артдивизион майора Я.Ю.Симойоки, а также ба-

³⁶ Suomen sota. Osa 8. S.352-354

зировавшиеся на Тикшозеро самолеты 14-й разведывательной авиаэскадрильи. Главные силы 14-й дивизии занимали укрепленные позиции на восточном берегу р.Онда, а фланги прикрывались расположенными за контрольной линией полевого охранения полевыми охранными гарнизонами. Всего на созданных здесь укреплениях к январю 1944г. имелось 2 железобетонных дота и 22 дзота (строилось еще 30), 25 пулеметных бронеколпаков, 6 716 м. траншей и 3 950 м. колючей проволоки³⁷, прочность этих фортификационных сооружений показали последующие бои.

Боевые действия летом 1944 г. на этом направлении развивались следующим образом. В связи общей обстановкой на фронте к июлю 1944 г. положение 14-й пехотной дивизии значительно осложнилось. По мере того, как войска II-го армейского корпуса под ударами советских войск отступали все дальше на запад, все больше обнажался ее правый фланг. Чтобы прикрыть это направление, командование дивизии было вынуждено снимать новые подразделения с других участков. После отхода 5-го пограничного егерского батальона с рубежа Сегозеро — Ондозеро 24 июня в дивизии был создан отряд «Луккари» в составе двух взводов с частями обеспечения, который затем был направлен для действий в глухой лесной местности в район деревни Гогнаволоок. А 7 июля, в связи с приближением советских войск к Кудом-Губе, пришлось отправить под Ключину Гору сначала 7-й отдельный батальон с полевой батареей и минометной ротой, а затем развернуть здесь отряд «П» под командованием подполковника В.Партинена в составе I-го батальона 52-г пехотного полка, 7-го и 24-го отдельных батальонов и II-го дивизиона 18-го полка полевой артиллерии. 9 июля в Кудом-Губу отступили подразделения IV-го батальона отходящей из Поросозера 21-й пехотной бригады, а 17 июля деревня была взята подразделениями 176-й советской стрелковой дивизии при поддержке танков и самоходных орудий. В тот же день части 21-й бригады передали этот участок фронта отряду «П», который занял оборону в дефиле между озерами Мятрат и Ройк-Наволоокское.

Тем временем 176-я и 289-я стрелковые дивизии 32-й армии, продолжая наступление, вышли в район государственной границы у Куолисмаа. Чтобы воспрепятствовать прорыву советских войск в глубь Финляндии, финское командование 27 июля создало в районе Иломантси группу «Р» в подчинении штаба II-го армейского корпуса, командиром которой был назначен генерал-майор Э.Ю.Раапана³⁸. Однако он не сдал командование 14-й дивизией, а продолжал руководить ею с командного пункта группы «Р». Начальником штаба группы стал бывший начальник снабжения дивизии подполковник Вилхо Ааро Тууленсуу, сам штаб также был образован из ее офицеров. В группу «Р» вошли кавалерийская бригада

³⁷ Jatkosodan historia. Osa 6.

³⁸ Suomen sota. Osa 8. S.310

(Уусимааский драгунский и Хямеский кавалерийский полки, 1-й и 6-й егерские батальоны и 12-й легкий артдивизион), 21-я пехотная бригада и 3-й пограничный егерский батальон. Кроме того, в ее состав был передан и отряд «П».

Между тем советское командование решило предпринять наступательную операцию и на ругозерском направлении. Целью ее было сковать войска 14-й дивизии и не допустить их переброски на другие направления, а затем, путем глубокого обхода левого фланга, перерезать дорогу на Реболы у Андроновой Горы и, таким образом, окружить дивизию. Для выполнения этого замысла привлекалась оборонявшаяся здесь 27-я стрелковая дивизия под командованием полковника Е.В.Коршунова, которая в связи с этим была передана из 26-й в 32-ю армию. В состав дивизии входили 132-й, 239-й и 345-й стрелковые полки и 53-й артиллерийский полк, а в августе она была дополнительно усилена 905-м гаубичным артполком³⁹. Чтобы произвести выход в район Андроновой Горы, была построена обходная дорога через леса и болота к р.Чирко-Кемь, форсировав которую войска дивизии должны были продвинуться на юг по кимасозерской дороге. Построенная дорога проходила частично по имевшимся просекам, а частично по проложенным гатям и переправам, при этом весь путь занимал около 50 километров.

К исходу 27 июля части 27-й стрелковой дивизии заняли исходные позиции и начали марш по дороге. Скорость их продвижения из-за условий местности составляла только 7 — 8 км в сутки, и поэтому передовые подразделения 132-го стрелкового полка вышли к р.Чирко-Кемь только к исходу 31 июля. В ночь на 1 августа они без боя захватили плацдарм на левом берегу у Тахкопорога, а в течение 1 — 2 августа на подручных средствах переправились и главные силы 132-го полка и 345-й стрелковый полк. Артиллерия дивизии развернулась на правом берегу к северу от переправы. Одновременно велось строительство моста через реку. Находящийся в районе плацдарма финский полевой укрепленный гарнизон «Аско» был атакован подразделениями 132-го полка, однако, хотя он и оказался отрезан от своих, овладеть им не удалось.

Тем временем финское командование, получив сведения о продвижении советских войск, стало спешно перебрасывать в район Андроновой Горы новые части. 2 августа был отдан приказ об усилении оборонявшегося здесь III-го батальона 52-го пехотного полка III-м батальоном 10-го пехотного полка, 29-м тяжелым артдивизионом и 22-й противотанковой и 24-й минометной ротами. На выручку гарнизону «Аско» была направлена 3-я рота 6-го пограничного егерского батальона, которая дислоцировалась на территории Финляндии в районе Келловаара. 3 августа в распоряжение штаба 52-го полка прибыли из Кимасозера главные силы этого батальона.

---

³⁹ На ребольском направлении. С.54-57.

Его командиру майору Х.Муроле были подчинены III-й батальон и рота тяжелых минометов 10-го пехотного полка, две роты и минометный взвод 52-го полка, две батареи 29-го тяжелого артдивизиона и разведывательный отряд 14-й дивизии, которые образовали боевой отряд «Муроле»⁴⁰. Перед отрядом была поставлена задача выбить советские войска с захваченного ими плацдарма у Тахкопорога. В 16.00 3 августа после артподготовки отряд перешел в наступление, однако все атаки были отбиты. Правда, и частям 132-го стрелкового полка не удалось расширить плацдарм. Тогда советское командование решило глубоким маневром выйти в район Андроновой Горы с запада и, таким образом, перерезать дорогу на Реболы. Утром 4 августа 1-й батальон 345-го стрелкового полка, скрытно выйдя в указанный район, внезапной атакой захватил Андронову Гору. Получив сведения об этом, штаб 14-й пехотной дивизии спешно собрал все имевшиеся под рукою тыловые подразделения и передал их командиру III-го батальона 52-го пехотного полка, который при поддержке орудий 29-го артдивизиона и самолетов 14-й эскадрильи к исходу дня выбил советские войска обратно.

Одновременно войска 27-й стрелковой дивизии атаквали и на главном направлении, где теперь оборонялись всего три батальона противника — I-й и II-й 10-го пехотного полка и II-й 52-го пехотного полка при поддержке двух дивизионов 18-го полка полевой артиллерии. 3 августа два батальона 239-го стрелкового полка и 2-й батальон 345-го стрелкового полка перешли в наступление вдоль дороги и сумели несколько потеснить финнов на участке к северо-востоку от Ругозера, однако дальше продвигаться им не удалось.

Тем временем 3-я рота 6-го пограничного егерского батальона, продвигавшаяся с севера вдоль левого берега р.Чирко-Кемь, сумела после упорных боев освободить из окружения гарнизон «Аско» и выйти в тыл советским войскам. Теперь, в сложившейся обстановке, им пришлось перейти к обороне. Финские войска продолжали непрерывно атаквать плацдарм, но их атаки вновь были отбиты. Несли большие потери и части 27-й стрелковой дивизии, погибли командиры 345-го стрелкового и 53-го артиллерийского полков. 8 августа отряд «Муроле» установил связь с 3-й ротой 6-го пограничного батальона и советские части на плацдарме оказались в окружении. 10 августа после бомбардировки и артиллерийской подготовки финские войска дважды атаквали советские позиции, и снова неудачно. После этого на фронте наступило некоторое затишье.

В то же время на правом фланге 14-й дивизии, где у Ключиной Горы оборонялся отряд «П», разворачивались исключительно важные события. Как уже говорилось выше, этот отряд еще в конце июля вошел в состав группы «Р» и теперь ему предстояло сыграть большую роль в осу-

---

⁴⁰ Suomen sota. Osa 8. S.372.

шествлении замысла командования группы. Дело в том, что после овладения Кудом-Губой части 176-й советской стрелковой дивизии устремились дальше на запад и ее фланг и тыл оказались под угрозой нависших с севера подразделений этого отряда. Этим и воспользовалось финское командование. Согласно его плану, отряд «П», наступая навстречу подразделениям кавалерийской бригады, должен был перерезать дорогу Веллинваара — Куолисмаа, а затем атаковать Веллинваара. В ночь на 31 июля, одновременно с началом наступления других частей группы «Р», отряд «П» двинулся на юг и на следующий вечер достиг р.Койтайоки. Днем 1 августа 24-й отдельный батальон, в командование которым после ранения майора Р.Каркама вступил капитан Т.Паронен, соединился с наступавшим навстречу ему 1-м егерским батальоном и, таким образом, замкнул кольцо окружения вокруг 176-й советской дивизии. I-й батальон 52-го пехотного полка в тот же день был передан в подчинение штаба Хямеского кавалерийского полка и отведен в резерв у Миеронахо.

Однако вскоре обстановка значительно осложнилась. Окруженные подразделения 176-й дивизии предприняли попытку прорваться на восток, и в ночь на 2 августа им удалось разорвать кольцо на направлении Лехмаваара. 24-й отдельный батальон оказался в тяжелом положении. Командир Хямеского полка полковник Г.Эрнроот приказал I-му батальону 52-го полка атаковать советские войска у Веллинваара с востока, но ему не удалось продвинуться вперед. 2 августа отряд «П», усиленный частью сил Хямеского кавалерийского полка и 1-м егерским батальоном, был подчинен командиру кавалерийской бригады полковнику У.Тяхтинену, бывшему командиру 10-го пехотного полка 14-й дивизии. Отряду была поставлена задача окружить советские войска у Лехмаваара. В 18.00 3 августа отряд перешел в наступление и вскоре ему удалось перерезать дорогу с юго-востока, а I-й батальон 52-го полка в ночь на 4 августа перехватил дорогу между Лехмаваара и Веллинваара. Войска 176-й стрелковой дивизии снова оказались в окружении. 5 августа 1-й егерский и 24-й отдельный батальоны атаковали дивизию с юга, а батальон 52-го полка — с востока, но их атаки были отбиты. На следующий день батальон егерей был выведен из состава отряда «П», командиром которого теперь стал майор А.А.Сейтамо. Задачей отряда по-прежнему оставалось уничтожение советских войск у Лехмаваара, но он так и не смог выполнить ее. Советское командование, подтянув с внешнего фронта дополнительные силы, организовало наступление с целью деблокировать окруженных, и 10 августа внешнее кольцо было прорвано. Части 176-й дивизии сумели прорваться к своим, хотя им и пришлось оставить на поле боя значительное количество боевой техники и оборудования, в т.ч. 34 орудия, 25 минометов, 13 артиллерийских тягачей, 1 трактор, 20 автомашин, около 200 повозок и другое имущество⁴¹. Вскоре

---

⁴¹ Ibid. S.333

бои здесь стихли, и 12 августа отряд Сейтамо был возвращен в 14-ю пехотную дивизию. Под Ключиной Горой остался только 7-й отдельный батальон и 4-я батарея 18-го артполка. 14 — 15 августа подразделения отряда прибыли под Андронову Гору, а 15 августа в Ругозеро вернулся и сам Э.Ю.Раапана. На следующий день финские войска после мощного артиллерийского и минометного обстрела вновь попытались сломить сопротивление частей 27-й стрелковой дивизии, атаковав их позиции на участке между озерами Валгилампи и Люлинлампи, однако снова были отброшены обратно. После этого бои на ругозерском направлении постепенно затихли. Таким образом, несмотря на большие потери, ни одна из сторон не добила своих целей — 27-й советской стрелковой дивизии не удалось окружить финские войска, которые, в свою очередь, не сумели выбить советские подразделения с плацдарма у Тахкопорога. Впрочем, потери 14-ой дивизии за лето — осень 1944г. оказались одними из наименьших в финской армии — всего 1296 чел. убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести, а за всю войну дивизия потеряла 7237 чел.⁴².

Необходимо сказать несколько слов и о действиях финской авиации на ругозерском направлении. В начале боевых действий 14-я пехотная дивизия не имела собственного авиационного подразделения — ее поддерживали в основном самолеты 16-й авиаэскадрильи Карельской армии, осуществлявшие разведку, снабжение войск, эвакуацию раненых, разбрасывание листовок и др. Иногда в интересах дивизии производили налеты и бомбардировщики 42-й авиаэскадрильи. 1 августа 1941 г. на ребольское направление были переданы три поплавковых гидросамолета «Райпон» из 15-й эскадрильи, которые базировались первоначально на Реболы, а затем — на оз.Муй. А 12 августа 14-я пехотная дивизия получила собственную авиационную часть — 10-ю авиаэскадрилью под командованием капитана К.А.Куримо, на вооружении которой имелось шесть истребителей Хаукер «Харрикейн», два разведчика Фоккер С.V.E и два оставшихся «Райпона»⁴³. Эскадрилья базировалась на аэродром Тикшозеро, с которого совершала разведывательные и бомбардировочные полеты. После окончания активных боевых действий 20 октября 1941 г. она была расформирована, а вместо нее дивизии была подчинена 14-я авиаэскадрилья. Первоначально ею командовал майор Л.Ларьо, 17 декабря 1941 г. его сменил майор О.Совио, а с 21 февраля 1942 г. до конца войны командиром части был капитан Р.Магнуссон. (С 14 февраля 1944 г. она именовалась 14-й разведывательной авиаэскадрильей). Парк вооружения был весьма разнообразным — от современных истребителей «Моран» Солнье и Брюстер В-239 до устаревших «Фоккеров» D-XXI, С.V.E и С.X и Вестланд “Лизандер”. 14-я эскадрилья также базировалась на Тикшозеро. Ее самолеты совершали разведывательные полеты, осуществляли корректировку артиллерийского огня,

⁴² Jatkosodan historia. Osa 6. S.494.

⁴³ Suomen sota. Osa 9.

вели поиск советских партизан, а летом 1944г. выполняли штурмовые задачи во время боев у Андроновой Горы.

4-го (с советской стороны — 5-го) сентября 1944 г., согласно заключенному соглашению о прекращении огня, боевые действия на советско-финском фронте прекратились. Выполняя подписанные 19 сентября условия перемирия, части 14-й пехотной дивизии к 30 сентября были отведены за государственную границу в район Нурмеса, а в последующей затем Лапландской кампании против немцев не участвовали. Впрочем, вопрос об этом возник в связи с тем, что, в случае перехода немецкими войсками разграничительной линии к северу от Минозера, дивизии, возможно, все же пришлось бы вступить с ними в бой. Но, так как этого не произошло, в рамках общего перехода на организацию мирного времени ее личный состав вскоре был демобилизован, а отдельные части обращены на формирование новых подразделений. На базе 10-го пехотного полка был образован 3-й пехотный полк 1-й пехотной дивизии мирного времени с дислокацией в Нурмесе, а на базе I-го дивизиона 18-го артиллерийского полка — II-й дивизион 2-го полка полевой артиллерии 2-й пехотной дивизии⁴⁴. Так боевой путь 14-й дивизии завершился там же, где и начался в июне 1941 г. А 5 сентября 1991 г., спустя 47 лет после окончания войны между СССР и Финляндией, 18 ветеранов этой дивизии по приглашению советской стороны посетили места прежних боев и встретились со своими бывшими противниками — ветеранами 27-й советской стрелковой дивизии. Возле братской могилы у Андроновой Горы состоялся митинг, на котором советскому ветерану Н.Н.Макарьеву была вручена пробитая пулей каска финского солдата, а финскому ветерану О.Ойнанену — каска советского бойца, пробитая осколком снаряда⁴⁵. Участники митинга приняли обращение к подрастающему поколению, в котором призвали наши народы никогда более не поднимать оружие друг против друга. Таким образом, память о прошедшей кровавой войне послужила теперь не взаимному ожесточению, а для призыва к сохранению мира на этой земле.

Грибакин Андрей Станиславович — заведующий сектором Центрального музея Великой Отечественной войны 1941-1945гг.

⁴⁴ Ibid. Osa 10. S.50

⁴⁵ На ребольском направлении. С.192-193.

И.Б. ДЕВИШЕВ

ПРОБЛЕМЫ ВВЕДЕНИЯ ЕДИНОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ВАЛЮТЫ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В середине первого десятилетия XXI века Европейский Союз (ЕС) является крупнейшим интеграционным объединением в мире. Население 25 государств ЕС составляет 460 млн. человек, производящих 25% мирового ВВП. Достигнув за последние полвека впечатляющих успехов в области экономической интеграции, Евросоюз стал одним из влиятельных игроков в сфере международной торговли, единая европейская валюта «евро» теснит американский доллар на мировых финансовых рынках.

Отношение Великобритании к вступлению в Европейскую валютную систему (ЕВС) на протяжении уже многих лет занимает умы британских экономистов и политологов, т. к. по мнению аналитиков, ЕВС будет иметь далеко идущие последствия, как для Европы, так и для всего мира. Идея создания единой европейской валюты появилась еще в середине сороковых годов XX века. Она принадлежит поколению европейцев, достигших совершеннолетия после окончания Второй мировой войны. Идея проста: если между странами Европы будут созданы крепкие коммерческие, политические и социальные взаимосвязи, новый военный конфликт на континенте будет невозможен.

Самым первым шагом к единой валюте стала так называемая «валютная змея» - система согласованных валютных курсов между европейскими государствами, она была введена в 1972 году.

В 1979 году роль «змеи» заменила коллективная расчетная денежная единица экю - ECU¹.

Единый Европейский Акт (1986) и Договор о создании Европейского Союза развил это направление, введя Экономический валютный союз (ЭВС) заложив, таким образом, фундамент для единой евровалюты. В декабре 1995 года в столице Испании - Мадриде - Европейский Совет принял название «евро». Третий этап создания ЭВС начался 1 января 1999 года, когда евро был введен в качестве законной валюты в 11 странах ЕС и начал использоваться для безналичных расчетов.

1 января 2002 года считается новой вехой интеграции стран Европейского Союза: новая валюта вошла в повседневный оборот².

Принципиальное решение о приверженности Великобритании идее вступления страны в перспективе в европейский Экономический и валют-

---

¹ Экю – (ECU – European Currency Unit) – средство обращения и счетная единица, созданная в 1979 г. и служащая резервным активом и расчетной единицей Европейской валютной системы. Стоимость экю рассчитывалась как средневзвешенная величина корзины валют стран-членов ЕЭС

² Межрегиональный бизнес-журнал «Удачный выбор» (Украина), № 34 от 01.05.2005 г.

ный союз (ЭВС) было принято правительством страны в 1997 г. Оно неоднократно подтверждалось в последующие годы. Практическая реализация данного решения связана с необходимостью глубокого и всестороннего изучения проблемы и анализа потенциальных преимуществ и издержек присоединения страны к зоне евро.

Большинство экспертов признает значимость комплексного изучения проблем возможного присоединения Великобритании к ЭВС. Она обусловлена тем, что, с одной стороны, этот шаг способен оказать в целом благоприятное воздействие на развитие британской экономики, а с другой стороны, будет содействовать упрочению позиций евро на международной арене и повышению устойчивости всей мировой валютной системы путем ее трансформации в биполярную валютную систему, основанную на американской и единой европейской валютах.

В валютно-курсовом механизме европейской валютной системы (ЕВС), вступившем в действие в 1979 году, Великобритания занимала особую позицию, выступив с концепцией, согласно которой вначале должен быть создан экономический союз и лишь затем валютный. Поэтому Лондон отказался присоединиться к ЕВС (хотя и стал членом валютного фонда). В британских правящих кругах опасались, что в ЕВС курс фунта будет завышен, а это снизит конкурентоспособность британского экспорта, при этом правительство будет лишено возможности производить корректировку курса фунта. Вместе с тем снижение курса приведет к усилению инфляции. Появилось также соображение, что британская валюта относится к числу нефтевалют и поэтому в своем движении подчиняется иным законам, нежели валюты континентальных стран – импортеров нефти.

В дебатах о целесообразности полного присоединения к европейской валютной системе премьер-министр Великобритании 1979-1990 гг. Маргарет Тэтчер всегда приводила такой аргумент: это произойдет, «когда придет время». При «железной леди» это время так и не наступило, хотя уровень инфляции и учетные ставки, необходимые, чтобы с ними справиться, в Великобритании не соответствовали европейским, курс фунта снижался до уровней, при которых членство могло быть выгодным для Лондона. Личный подход британского премьер-министра к вопросам развития ЕВС вызвал разногласия и внутри ее кабинета. Ряд министров, среди которых был министр финансов Н. Лоусон, придерживались единого мнения, что время присоединения к ЕВС уже наступило. Несовпадение взглядов в вопросах, связанных с отношением Великобритании к процессу западноевропейской интеграции между Лоусоном и Тэтчер, заставило этих министров уйти в отставку, что привело к серьезному кризису.

Во время сессии Европейского Совета, состоявшейся в конце июня 1989 года в Мадриде, Великобритании пришлось пойти на определенные уступки, согласившись на более тесное сотрудничество в валютных вопросах, хотя она по-прежнему была против создания центрального банка и

учреждения единой валюты. Лондон уклонился от участия в ЕВС, подорвав тем самым способность ЕЭС проводить единую валютно-финансовую политику. Лишь незадолго до ухода М. Тэтчер в отставку Лондон присоединился в октябре 1990 г. к процессу валютной интеграции в Европе.

Пришедшее к власти правительство Джона Мейджера при обсуждении перспективы создания Экономического и Валютного Союза первоначально пыталось убедить своих партнеров придерживаться принципов постепенности и создания не единой, а параллельной валюты, «твердого экю». Эта идея была решительно отклонена другими государствами. Британское правительство не решилось применить право вето, понимая, что в этом случае ее партнеры продолжат путь к созданию ЭВС без Великобритании, которая утратит какой бы то ни было контроль над валютной интеграцией. После подписания в феврале 1992 г. Маастрихтского договора о создании экономического, валютного и политического союза ЕС вокруг его ратификации в Палате общин развернулись многомесечные дебаты. В мае 1993 г. они завершились победой сторонников Маастрихта. Мейджеру удалось одержать верх благодаря угрозе распустить парламент и объявить досрочные выборы, исход которых мог вывести в лидеры оппозицию. В июле 1994 г. премьер - министру пришлось произвести перестановки в своем правительстве с целью укрепления ее, а также консервативной партии в целом.

Поставив свою подпись под Маастрихтским договором, правительство настояло на принятии протокола, который разрешал Великобритании не участвовать в третьей стадии формирования ЭВС, если британское правительство и парламент не примут специального решения на этот счет. Великобритания также не присоединилась к соглашению по социальной политике.

В мае 1997 г. К власти в Великобритании пришло лейбористское правительство во главе с Энтони Блэром. По своей сущности его политический курс в отношении ЕС не отличался от курса консерваторов. Новое британское правительство по-прежнему подчеркивало ключевую роль государств-наций в современной Европе и категорически отметало федералистские идеалы интеграции. Во всех сферах политики ЕС оно ставило во главу угла принцип субсидиарности и поддерживало принцип четкого разграничения трех опор Европейского Союза. Признавая необходимость большей гибкости в рамках ЕС, оно выступало за сохранение принципа единогласия при утверждении совместных акций в рамках продвинутого сотрудничества.

Великобритания сразу же заявила о том, что она не будет входить в первую волну стран, вступающих в евро. Однако правительству пришлось смириться с тем, что большинство стран-участниц ЕС заявили о своем

намерении ввести на своих территориях евро, как и было намечено, с 1 января 1999 года³.

Лейбористы пришли к власти с программным заявлением о том, что любое решение, касающееся перехода Британии на единую европейскую валюту, должно будет определяться твердым убеждением в его соответствии британским экономическим интересам. Для успеха ЭВС важна подлинная конвергенция экономики стран-участниц без наспех состряпанных правил. Тем не менее, полный отказ Британии от членства в ЭВС мог бы привести к уменьшению ее влияния на процесс валютной интеграции в Европе. Существовали три предварительных условия, которые должны быть решены в ходе деятельности парламента следующего созыва, перед тем как Британия могла бы присоединиться к ЭВС: во-первых, с этим должен быть согласен кабинет, во-вторых, парламент, и, наконец, народ, путем голосования на референдуме.

Правительством были приняты необходимые меры для возможного обеспечения постепенного присоединения к ЭВС, и Банку Англии была предоставлена возможность в случае необходимости действовать в соответствии с Маастрихтским договором. В октябре 1997 года были сформулированы пять условий Гордона Брауна, министра финансов Великобритании, которые явились основой для последующего обсуждения. События, сопутствовавшие выработке пяти условий, были отмечены острыми конфликтами между Блэром, Брауном и их советниками. Стало ясно, что референдум не состоится до ближайших парламентских выборов. В итоге, обсуждение проблемы ЭВС было отправлено «за боковую линию поля»⁴, где и находится в течение уже многих лет, прошедших после всеобщих выборов.

В ноябре 1998 года, перед непосредственным стартом евро, Браун объявил решение правительства о том, что Великобритания не будет присоединяться к еврозоне в течение как минимум последующих пяти лет, т. е. до новых всеобщих выборов. Но это не означает ее полный отказ от участия в новом коллективном европейском деле - Европейском валютном союзе.

13 декабря 1998 года в Люксембурге завершилась двухнедельная сессия Европейского совета, на которой был достигнут важный компромисс по будущей координации экономической и финансовой политики. Руководители 15 стран ЕС договорились о создании «Совета евро», в котором 11 из них (кроме Великобритании, Швеции, Дании и Греции) в неформальном порядке обсуждают вопросы, связанные с введением единой европейской валюты, а также определяют политику регулирования обменного курса евро. При этом они консультируются с теми четырьмя странами, кото-

---

³ Дипломатический вестник, 1994 №5. С.17.

⁴ Термин, популярный в Великобритании как страны-родоначальницы футбола. Здесь: отложено.

рые останутся вне зоны евро. Это полностью устраивало британскую сторону, которая считала, что в Союзе, где действует общий рынок, не может существовать закрытого «клуба евро»⁵.

Причины «неприсоединения», как уже упоминалось, имеют как политический, так и экономический характер. «Особые отношения» с США, главным стратегическим партнером Великобритании, оказали значительное влияние на решение этого вопроса. Европейский союз создавался как своего рода политический противовес американскому влиянию в мире. Даже перестав быть единственной мировой валютой, британский фунт стерлингов, наряду с американским долларом отличался особой стабильностью. Затем он перешел в разряд просто сильных валют, что обеспечивало постоянный приток иностранного капитала в страну. Поэтому англичанам не хотелось расставаться с определенно устойчивым положением среди валютных курсов и финансовых лидеров мира. К тому же Великобритания явно не желала и не желает делить свое лидерство как минимум еще с двумя ведущими странами Германией и Францией, которое неминуемо вызвало бы присоединение Соединенного Королевства к ЕВС. Вне ЕВС оно может самостоятельно строить свою монетарную политику, устанавливать процентные ставки, тогда как страны ЕВС в целях сближения интересов вынуждены будут соглашаться с такими процентными ставками, которые зачастую противоречат нуждам национальных экономик.

Однако растет число ведущих английских специалистов в области экономики, выступающих за присоединение к Европейской валютной системе.

Соединенное Королевство в значительной степени открыто международной торговле: экспорт и импорт вкуче составляют 2/3 от британского ВВП. Примерно половина этой торговли ведется со странами ЕС. Очевидно, что валютные союзы ассоциируются с гораздо более эффективной торговлей, которая, соответственно, дает более высокие экономические показатели. По оценкам ведущих британских экономистов, торговля Великобритании с ЕС способна увеличиться в три раза, при условии, что она вступит в ЕВС.

Это, несомненно, повлияет на потребительский спрос. С исчезновением разных валют, влекущих огромные потери, конкуренция между странами возрастет, цены снизятся, и в конечном итоге выиграет потребитель. Так, по оценке английских экономистов увеличение доли торговли в ВВП Соединенного Королевства на 1% повысит доход каждого жителя Великобритании от 1/5 до 2%⁶.

Даже евроскептики соглашаются с тем, что замена нескольких национальных валют единой, позволит сократить операционные издержки в тор-

---

⁵ Financial Times, Nov 17, 1997

⁶ См. www.russiancourier.com Апрель, 1999

говле между этими странами. Это стало главной мотивацией при создании ЭВС.

Существуют, однако, и другие точки зрения. Вполне очевидно, что дешевле торговать странам, которые пользуются единой валютой, чем странам с разными денежными системами. Вопрос в том – насколько. Скептики полагают, что введение евро лишь незначительно увеличит торговлю. Еврофилы же наоборот считают, что приобщение к единой валюте приведет к укреплению традиционных торговых связей.

Значительно более категоричную позицию в отношении вступления Великобритании в зону евро занимают американские экономисты. Например, М. Фридман, лауреат Нобелевской премии в области экономики за 1976 г., и М. Фелдстайн, бывший президент ФРС США, предсказывают неминуемый провал единой европейской валюты евро и рекомендуют руководству Великобритании воздержаться от вступления в ЭВС.

По мнению экспертов Европейского центрального банка, истинной причиной таких почти единодушных рекомендаций американских экономистов руководству Великобритании является их опасение за будущее статуса доллара как мировой резервной валюты. Присоединение Великобритании, крупнейшего мирового финансового центра, к зоне евро будет означать «начало конца мирового господства доллара»⁷.

Окончательное решение вопроса о присоединении страны к зоне евро зависит от многих факторов, среди которых важная роль отводится складывающемуся в стране общественному мнению. Как считает Д. Блум, руководитель отдела по разработке валютной стратегии крупнейшего английского банка HSBC, принятие положительного решения большинством британского электората, в случае проведения референдума, может произойти лишь при условии твердой убежденности граждан в том, что издержки пребывания страны вне зоны евро окажутся выше издержек ее участия в валютном союзе. Согласно опросам общественного мнения в мае 2003 г., 60% британцев выступали против присоединения страны к зоне евро и лишь 31% - за. Эти результаты стали основным козырем в руках «евроскептиков», которые обвиняют британское правительство и его сторонников в полном игнорировании огромных преимуществ национального государства. По-видимому, референдум по этому вопросу, который планируется провести не раньше 2007 года, станет еще одной лакмусовой бумажкой «европейского призвания» Великобритании.

Основные положения и выводы по результатам проведенного в 2003 г. исследования о воздействии возможного вступления страны в ЭВС на ее экономику на основе методологии тестирования по пяти параметрам можно систематизировать следующим образом:

---

⁷ Пищик В. Я.. Перспективы вступления Великобритании в зону евро.// Банковское дело.- 21.09.2004. - №009. С.29-35

- Очевидно, общий методологический подход правительства Великобритании по данному вопросу состоит в том, что внешние шоковые воздействия, или шоки переходного периода, связанные с несвоевременностью принятия положительного решения или ошибочностью путей его реализации, будут оказывать долгосрочное, а возможно, и постоянно негативное воздействие на экономику.
- Членство в ЭВС предъявляет особые требования к экономике и методам макроэкономического регулирования в стране. До тех пор, пока Великобритания находится вне зоны евро, основными инструментами выравнивания структурных диспропорций, связанных, в частности, с особенностями британского рынка недвижимости и его влиянием на динамику процентных ставок, остаются независимая денежно-кредитная политика Банка Англии и плавающий номинальный валютный курс английского фунта стерлингов к евро. В случае вступления страны в ЭВС и отказа от самостоятельной денежно-кредитной и валютной политики акцент будет неизбежно перенесен на регулируемую роль инфляции и повышение конкурентоспособности британской экономики. При этом методологию и инструментарий макроэкономического регулирования необходимо отработать заранее, чтобы нейтрализовать неблагоприятное воздействие шоков на экономический рост и занятость и создать условия для реального роста производства ВВП на перспективу. В конечном счете, это одна из основных целей успешного членства страны в ЭВС.
- Чем выше степень рыночной гибкости адаптационных возможностей экономики, тем быстрее перераспределяются ресурсы внутри экономической системы, снижая тем самым издержки выравнивания структурных диспропорций. Особенно важны гибкость изменения размера заработной платы и уровня цен, функциональная и географическая гибкость, достигаемая через повышение профессиональных навыков и высокую мобильность трудовых ресурсов, а также более равномерное распределение рисков за счет увеличения масштабов и диверсификации финансовых инструментов рынков капиталов. Принципиальный подход британского министерства финансов состоит в том, что без достижения высокой степени рыночной гибкости участие Великобритании в ЭВС не может быть успешным.
- За период с момента проведения аналогичного исследования в 1997 г. достигнут значительный прогресс в обеспечении соответствия британской экономики пяти экономическим тестам. Однако в целом, несмотря на очевидность потенциальных преимуществ стимулирующего воздействия присоединения Великобритании к ЭВС на увеличение объема инвестиций, торговли, расширение рынка финансовых услуг, рост производства ВВП и занятости, британское министерство финансов пришло к выводу, что пока экономика страны не соответствует требованиям устойчивой и долгосрочной конвергенции и достаточной гибкости адаптационных

возможностей. Если бы Великобритания присоединилась к ЭВС в 1999 г., то английские экспортеры несомненно получили бы выигрыш в краткосрочном плане от использования необратимо фиксированного на согласованном уровне курса фунта стерлингов к евро. Однако в среднесрочной перспективе те же самые участники внешнеэкономической деятельности, наряду с владельцами недвижимости, инвесторами, лицами, накопившими сбережения, неизбежно пострадали бы от усиления финансово-экономической нестабильности в стране. Это означает, что британская экономика в случае вступления страны в ЭВС в ближайшей перспективе окажется не способной безболезненно преодолевать потенциальные шоковые воздействия внутри зоны евро.

Общий однозначный вывод исследования 2003 г. сводится к следующему: несмотря на риски и издержки, связанные с отсрочкой реализации преимуществ участия в валютном союзе, Великобритании не следует в ближайшее время принимать положительное решение о вступлении в ЭВС, поскольку оно не отвечает национальным экономическим интересам.

В целом потенциальные риски переходного периода, связанные с возможным вступлением страны в зону евро, оцениваются как весьма высокие для стабильного развития британской экономики и определяют необходимость предварительного достижения устойчивой и долгосрочной конвергенции и расширения возможностей гибкой адаптации экономики к изменяющимся условиям, в том числе путем проведения структурных реформ.

Девяшев Илья Бадреевич — аспирант кафедры истории Московского гуманитарного университета.

А.Б. ГУЛАРЯН ПРИБЛИЖЕНИЕ К РУССКОЙ ИДЕЕ.

ВВЕДЕНИЕ.

В наше время проблемы выбора пути развития России, проблемы самоотождествления русских как нации и устойчивости системы ценностей Российской цивилизации обретают особую актуальность и особое значение. Профессор Гарвардского университета Семюэль Хантингтон¹ предложил свою модель конфликтов XXI века. Он утверждает, что экономические и идеологические противоречия уходят в историческое прошлое, а основным источником войн и конфликтов станет борьба между цивилизациями.

Подобное утверждение западного профессора не бесспорно, ибо где еще цивилизациям конфликтовать, как не в области идеологии, экономики или культуры. Но цивилизационный конфликт, безусловно, имеет свои особенности: это будет война на ассимиляцию. Уже сейчас можно признать пророчество Хантингтона сбывается: Россия оказывается окруженной кольцом конфликтных зон по линиям разлома с другими цивилизациями – Западноевропейской, Исламской, Дальневосточной. Это войны на Балканах, война в Чечне и напряженность на таджикско-афганской границе, неурегулированный спор вокруг Курильских островов.

Вышеизложенное не означает, что цивилизационный конфликт дело новое, для человечества необычное. Ведь и полувековое противостояние между СССР и США можно трактовать как цивилизационный конфликт. Изучение “холодной войны” в подобном качестве может подвести к серьезному выводу: конфликт между цивилизациями носит тем более антагонистический характер, чем большее количество параметров у них совпадает. Здесь уместно вспомнить теорию стадий экономического роста Ростоу и теорию постиндустриального общества Белла. Они объединяли капитализм и социализм в единую стадию индустриального общества. Там, где марксисты видели непримиримые общественно-экономические формации, западным ученым представлялись два варианта одного и того же общества, различающиеся идеологией и способом организации производства. Исходя

---

¹ Родился 18 апреля 1927 года в г. Нью-Йорке (США). Учился в Йельском и Чикагском университетах. В 1951 году защитил диссертацию в Гарварде, там же преподавал в 1950-1958 гг. С 1959 по 1962 годы занимал пост директора в Институте изучения войны и мира при Колумбийском университете. Затем вновь работал в Гарварде, занимал различные административные и научные посты. В 1977-78 гг. С.Хантингтон был координатором отдела планирования Совета Национальной Безопасности при президенте США. В 1978-89 годах был директором Центра международных отношений. В 1989 году стал главой Института стратегических исследований. Книга Хантингтона “Война цивилизаций” (“The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order”, 1996) была переведена на 22 языка, приобрела огромную известность и вызвала большой резонанс

из этого, можно утверждать, что наиболее острый конфликт между цивилизациями возникает при расщеплении по единственному признаку. Конкуренция между капиталистической и социалистической цивилизациями протекала в крайне острой форме, но одновременно она дала человечеству необычайный технический взлет. А примирение США с Россией привело к замедлению прогресса. Следует предположить, что скоро противостояние между Западной, Исламской и Российской цивилизациями вспыхнет с новой силой.

В подобных условиях важно не только подготовиться к ведению боевых действий: создать новые виды оружия, стратегию и тактику, но и быть готовым к информационно-психологической войне на ассимиляцию. Это невозможно без правильного отождествления себя с собственной цивилизацией и осознания отличий системы ценностей своего народа от западной системы ценностей, которая в последнее время претендует на роль общечеловеческой.

Предлагаемая читателю статья ставит своей задачей разобраться в специфических чертах Российской цивилизации, которая исторически формировалась как отдельный культурно-религиозный мир. Цивилизационный подход к историческим процессам известен еще с XIX века. И первым в этой области был русский публицист и социолог Н.Я.Данилевский, опубликовавший в 1869 году работу “Россия и Европа”. В этом труде он дал определение “культурно-исторических типов” общества, то есть, цивилизаций. Но, не смотря на подобный приоритет, и здесь Россия оказалась в положении “Золушки”: ее цивилизационная самобытность либо отрицается, либо рассматривается как явление отрицательное, нуждающееся в преодолении. Например, Арнольд Тойнби в известном труде “Постижение истории” не выделил Россию как самостоятельную цивилизацию, а поделил русскую историю на два периода вассалитета у других цивилизаций – Византийской и Западной. Профессор А.С.Ахиезер в своей работе определяет Россию как расколотую цивилизацию, не имеющую внутреннего духовного единства. Однако подобные утверждения не выдерживают критики, если вспомнить, сколько пришельцев-чужаков ассимилировала русская культура, подобно тому, как это делали Китайская, Индийская и Исламская цивилизации. Поэтому Россия не только может, но и обязана выдвинуть свою собственную цивилизационную модель, то есть систему построения экономики, науки и техники, культуры и быта на определенной территории с ее ресурсами и климатом. Первое приближение к подобной модели предлагается вниманию читателей.

§ 1. ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ МЫШЛЕНИЯ И СПЕЦИФИКА РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.

Осмысление человеком современного ему состояния страны и общества, понимание их несовершенства, а так же обращение к истории подво-

дят ученого к проблеме истоков и становления глубинных основ русского культурно-исторического типа. “Особость” Российской цивилизации, если можно выразиться, ее “выделенность” проявляется уже в самой постановке вопроса – является ли Россия частью Европы, или не является? На этот вопрос были сформулированы два противоположных ответа. Старец Елизарова монастыря Филофей объявил Москву “Третьим Римом”. Петр I строил в России “регулярное” государство европейского образца с европеизированным бытом. Западники и славянофилы, марксисты и народники, норманисты и антинорманисты, равно как и современные нам сторонники вестернизации и сторонники особого пути развития только продолжают этот старый спор.

Но не смотря на многолетнюю дискуссию, первоначальный вопрос не прояснился. Наоборот, появились рассуждения о “загадочной” русской душе, не поддающейся анализу. Подобную точку зрения излагает, используя известное четверостишие Ф.И.Тютчева, в своей книге “Судьба России” Николай Бердяев: “Для нас самих Россия остается неразгаданной тайной. Россия противоречива и антиномична. Душа России не покрывается никакими доктринами. Тютчев сказал про свою Россию:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать -
В Россию можно только верить.

И поистине можно сказать, что Россия непостижима для ума и неизмерима никакими аршинами доктрин и учений. А верит в Россию каждый по своему, и каждый находит в полном противоречии бытию России факты для подтверждения своей веры. Подойти к разгадке тайны, сокрытой в душе России, можно, сразу же признав антиномичность России, жуткую ее противоречивость”.²

К этому следует добавить, что историческое научное сообщество не может пока договориться об эпистемологических основах исторического знания. Процесс секуляризации исторической науки, развернувшийся в XVIII – XIX веках дал две пары антагонистических концепций исторического процесса. Это, соответственно, теории циклического и линейного развития с одной стороны и модели всемирной истории и локальной истории с другой. Первая пара теорий с полным основанием может быть проиллюстрирована противоборством идей Ж-Б. Вико и Ж-А. Кондорсе. Модели всемирной истории разрабатывали в своих трудах И.Кант, Г.Гегель, К.Маркс, Дж.Белл, модели локальной истории можно найти у Ф.Шлегеля, О.Шпенглера, А.Тойнби, Г.В.Вернадского, Л.Н.Гумилева.

После отказа от марксистской формационной парадигмы, линейной и всемирно-исторической по своему характеру, многие российские историки

---

² Бердяев Н. Судьба России. М., 1990. С. 9.

отдают предпочтение цивилизационной, циклической и локально-исторической концепции. Согласно этой теории Россия является особой цивилизацией, а цивилизация — это социальная организация, общественный организм, имеющий свою анатомию. В структуре этого организма профессор Е.Н.Черных выделил несколько подсистем, необходимых для ее существования: 1) материальное производство, 2) общественное сознание, 3) общественная психология, 4) функциональная дифференциация, 5) социальная организация, 6) коммуникация, 7) нормативная система.³ Эти системы согласованы друг с другом и взаимообусловлены. Это единая “архитектурная конструкция” связанная единой логикой.⁴ Нужно только найти этому явлению подходящее определение.

В мысли, как и в обществе, прослеживается структура, которую можно изучать. Мысль — это тоже “архитектурная конструкция”, состоящая из взаимосвязанных и взаимозависимых понятий. Отдаленно эта структура напоминает кристалл. И здесь мы сталкиваемся с одним феноменом: из одних и тех же кирпичиков понятий можно сложить кристаллы с совершенно разной формой и топологией – если использовать до конца терминологию кристаллографии. Здесь мы видим внутреннюю логику процесса, самым подходящим определением которой является “культура мышления”.

Культура мышления — это способ связывать слова в мысль. Но это также костяк общественной психологии и идеологии, которые являются важной частью “архитектурной конструкции” любой цивилизации, Это понятие было выделено чисто интуитивно в начале XX века Освальдом Шпенглером в книге “Закат Европы”: “Кому известно, что существует глубокая общность форм между дифференциальным исчислением и династическим государственным принципом эпохи Людовика XIV, между государственным устройством античного полиса и евклидовой геометрией, между пространственной перспективой западной масляной живописи и преодолением пространства при помощи железных дорог, телефонов и дальнобойных орудий, между контрапунктурной инструментальной музыкой и экономической системой кредита?”⁵ Известный российский философ-почвенник Константин Леонтьев также вплотную подошел к определению культуры мышления, когда формулировал понятие “византизма”.⁶

---

³ См.: Черных Е.Н. Символы древних культур. // Знание-сила. 1989. № 9.

⁴ См.: История России. Россия в мировой цивилизации. Под ред. А.А.Радугина. М., 1997. С. 25.

⁵ Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск, 1993. С. 38.

⁶ “Византизм есть прежде всего особого рода образованность, или культура, имеющая свои отличительные признаки, свои общие, ясные, резкие, понятные начала и свои определенные в истории последствия... Основы нашего как государственного, так и домашнего быта, остаются тесно связанными с византизмом.” (Россия глазами русского. Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. С. 171, 175).

Культура мышления — фундамент, на которой складывается определенной тип человеческой личности и определенная цивилизация. Она заставляет человека и общество в определенных исторических условиях действовать определенным образом. Она же дает определенную свободу сознанию и гибкость психике. Человеческое сознание не представляет собой единый монолит, а скорее иерархическую систему с различными уровнями — от великой литературы до площадной брани. Культура мышления организует сознание в определенном порядке, ограничивает или расширяет его объем, заставляет мысль двигаться и строить себя определенным образом.

Арнольд Тойнби создал теорию “Вызова — Ответа”. Согласно этой теории, преуспевание общества зависит от адекватности реакции на изменяющиеся исторические условия. Но ответ формулируется культурой мышления данной цивилизации. Восток выработал устойчивый к историческим потрясениям тип цивилизации, Европа, наоборот, чутко реагирует на все общественные изменения. Индейцы майя создали календарь, превосходящий по точности современный, но в материальной культуре не смогли перешагнуть границ каменного века. Культура мышления также определяет собой особое описание мира, то есть систему взглядов на мир и на положение человека в мире. Отсюда разница между готикой и русскими храмами.

Культура мышления и описание мира диалектически связаны между собой. Определенное мышление предполагает определенное видение мира. Но верно и обратное. Это естественно, ибо человек мыслит в рамках родной ему исторической культуры, традиций и быта. В истории часто ломке привычной культуры мышления предшествует крушение привычного быта и материальных условий жизни. Смутное время началось задолго до того, как войска самозванца перешли русскую границу. Оно началось с пресечением династии Ивана Калиты, возросло на социальных и климатических бедствиях конца правления Бориса Годунова. Точно также мир династии Романовых устарел и развалился в глазах подданных во время Первой Мировой войны, задолго до 1917 года.

П.Я.Чаадаев в своих знаменитых “Философических письмах” отмечал особый культурный атопизм России, то есть отсутствие устойчивости, постоянства, прочности, привязанности. Согласно Чаадаеву, Россия находится вне магистрального пути человечества, вне осевого времени, вне культурного пространства.⁷ Что же заставляет русского человека с завидной регулярностью устраивать себе “конец света”, крушить до основания собственную страну и культуру, чтобы потом отстраивать здание, сильно напоминающее старое? Почему развитие России происходит по меткой фразе В.О.Ключевского: “Любуясь, как реформа преображала русскую

---

⁷ См.: Россия глазами русского. Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. С-Пб.: Наука, 1991. С. 22-23.

старину, недоглядели, как русская старина преображала реформу”⁸ Что, в конце концов, мешает нам обустроить Россию?

Россия — страна величайшей духовной жажды, что можно иллюстрировать множеством примеров, самый разительный из которых — случай, произошедший с В.Г.Белинским и Н.А.Добролюбовым. Смертельно больной уже В.Г.Белинский спорил с Н.А.Добролюбовым о религии. Вошла квартирная хозяйка и пригласила их обедать. Добролюбов поднялся. “Как, вы хотите идти к столу? — воскликнул Белинский, — Ведь мы еще не закончили спор о Боге!”

Русская интеллигенция всегда стремится “Здесь и Сейчас” разрешить все глобальные проблемы — при этом дать окончательный ответ. Это предопределило необычайный взлет русской культуры.⁹ Именно здесь проявляет себя специфика русской культуры мышления. Выше было сказано, что мышление организовано иерархически. В отличие от европейца, всю жизнь осваивающего один какой-нибудь уровень сознания, русский человек мыслит сразу в нескольких таких уровнях. Его культуру мышления можно назвать объемной. Но этот объем он пытается освоить одним усилием, сразу. Но подобное — невозможно. Это рождает внутренний разрыв, неудовлетворенность и постоянные поиски истины, чтобы этот конфликт преодолеть.

Но на этом не исчерпываются противоречия русского сознания. Если одни русские вдумчиво и кропотливо работали над созданием великой культуры, другие зло и упорно ее разрушали. Многие поколения писателей и публицистов XIX и XX века говорили о бескультурье русского мужика, об отсталости и разгильдяйстве русской жизни, о враждебности ко всему прекрасному. Явления бытового хамства и культурного варварства давно было ими схвачено на уровне констатации. Но предлагаемые объяснения не идут дальше политических схем и спекуляций. Революционные демократы искали причины бытового хамства в забитости и темноте простого народа. Советские публицисты свалили ответственность на “проклятое историческое прошлое”. Демократическая пресса взяла на вооружение эту же схему: у них во всем виноваты коммунисты, которые загадили природу, разорили страну и истребили народ, хотя любому непредубежденному наблюдателю ясно, что коммунисты здесь не причем.

Причины культурного варварства и бытового хамства нужно искать в культуре мышления. Они являются обратной стороной духовной жажды русской интеллигенции. Просто все дело в том, что русская культура мышления предполагает наличие в сознании непереработанных пластов архаического материала. Русский человек привык следовать эмоциям, идет

---

⁸ Ключевский В.О. Собр. Соч. Т.7. С.385.

⁹ См.: Миронов В.Б. Пир мудрецов. М., 1994. С. 151.

на поводу у низменных инстинктов, следует стихии.¹⁰ Поэтому русская цивилизация несет в себе большие внутренние напряжения, склонна к саморазрушению и тяготеет к жестким политическим структурам.

За подтверждением можно обратиться к работе профессора А.С.Ахиезера “Самобытность России как научная проблема” Он определил в качестве предмета российской истории конфликт двух уровней сознания — массового, догосударственного, локалистического и государственного, имперского, культурного мышления. Равновесие этих двух составляющих консервирует непереработанные культурой пласты архаического материала.¹¹

При этом необходимо заметить, что если некое общество не может переработать и поставить себе на службу захваченный им объем сознания, то все целепологание в таком обществе будет переноситься из настоящего в будущее. Это рождает эсхатологические ожидания в идеологии и религии. Действительно, русское православие помещает сферу религиозного идеала за пределы земного мира (мироотречная традиция). Земная жизнь рассматривается как скорбная юдоль, а идеалом считается человек, отказавшийся от мира: монах, странник, юродивый. Но и коммунистическая идеология также эсхатологична: “Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а за тем...”. Но раз в идеологии и религии зафиксировано отрицательное отношение к окружающему миру и собственному быту, то нет ничего удивительного, что социальное пространство человеческих поселений не убирается должным образом и подвергается набегам бытовых вандалов. Более того, большие силы социум тратит на поддержание существующего порядка вещей: громятся новые телефонные будки, уродуются ларьки, разрисовываются заборы.¹²

Таким образом, можно сделать вывод, что объем сознания немца или француза, в сравнении с русским, уравновешен и статичен. Образно говоря, европеец чинно поднимается со ступеньки на ступеньку, в то время как русский успевает взлететь через пролет и кубарем скатиться вниз. Различие в динамике: русский человек не держится постоянно на одном уровне, но скользит между ними, пытаясь охватить сразу все. Но эта попытка часто так и остается попыткой. Поэтому наша культура мышления для европейцев непонятна, что породило миф о “непостижимой русской душе”. И ча-

---

¹⁰ “Русского человека слишком легко “заедает среда”. Он привык возлагаться не на себя, не на свою активность, не на внутреннюю дисциплину личности, а на органический коллектив, на что-то внешнее, что должно его поднимать и спасать...Принцип “все или ничего” обычно в России оставляет победу за “ничем”.” (Бердяев Н. Указ. соч. С.72).

¹¹ См.: Ахиезер А.С. Самобытность России как научная проблема.// Отечественная история. 1994. № 4-5, С. 3-24

¹² См.: Навлер Л. Культура хамства./Декоративное искусство в СССР. 1987. № 9.; Его же. Правила для исключений./Знание-сила. 1988. № 9.

сто представители русской и западной культуры формируют диаметрально противоположные точки зрения на одни и те же события мировой истории.

Обратимся к двум художественно-публицистическим сочинениям — Робера Амберлена “Драмы и секреты истории” и С.С.Оболенского “Жанна, Божья дева”. В обеих книгах описана история Жанны д’Арк. Но у Амберлена Жанна – незаконнорожденная дочь французского короля с унаследованной от своих венценосных предков предрасположенностью к помешательству. Отсюда видения и потусторонние голоса. В замке Шеннон Жанна открывает Дофину и доказывает свое с ним родство. Ее дальнейший жизненный путь автор описывает как авантюрно-приключенческий роман.¹³ У С.С.Оболенского Жанна – религиозная святая со всей присущей святости атрибутикой: видениями ангелов и святых, потусторонних голосов, экстазами, проявлениями особой духовной силы. И, разумеется, главной тайной встречи в замке Шенон была демонстрация Жанной д’Арк потрясенному Дофину фаворского света.¹⁴

Перед нами два разных понимания роли одного и того же исторического лица. Каждый автор видит свое, и из одних и тех же фактов лепятся совершенно разные образы. Но если отбросить внешнюю сторону спора — останутся две разные культуры мышления.

Наиболее рельефно установленный феномен культуры мышления прослеживается в другой важной черте русской культуры – сакрализации службы государству.

§ 2. ИДЕАЛ СЛУЖБЫ И СЛУЖЕНИЯ В СТРУКТУРЕ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.

В журнале “Вопросы истории” за 1993 год опубликована статья Т.П.Коржихиной и Ю.Ю.Фигатнер “Советская номенклатура: становление и механизмы действия”. В этой статье авторы противопоставляют номенклатурный принцип комплектования штата госслужащих институту частной собственности и имущественного ценза. Под номенклатурой авторы статьи имеют в виду, с одной стороны — профессиональную управленческую группу, выделяемую правящей элитой страны, с другой — документ, определяющий должности в государственном аппарате.¹⁵ Вхождение в номенклатуру определяется многими условиями: лояльностью, наличием образования и специальной подготовки, деловыми качествами. При этом авторы статьи пользуются теорией югославского социолога Милована Джи-

¹³ См.: Амберлен Р. Драмы и секреты истории. М., 1993. С. 97-188.

¹⁴ См.: Оболенский С.С. Жанна, Божья дева. // Наука и религия. 1992, № 3, 6, 11, 12.

¹⁵ Более строгое определение номенклатуры такое: 1) это перечень руководящих должностей, замещение которых производит не начальник данного ведомства, а вышестоящий орган; 2) это перечень лиц, которые такие должности замещают или же находятся в резерве для их замещения. См.: Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия. 1991. С.83.

ласа, описавшего превращение аппарата компартии в новый правящий класс.¹⁶ Но М.Джилас проделал свой анализ на материале социалистической Югославии. В эту страну, как и в другие страны Восточной Европы и Балканского полуострова номенклатурная система пришла из Советского Союза в готовом виде. Т.П.Коржихина и Ю.Ю.Фигатнер также начинают рассматривать процесс развития советской номенклатуры с момента октябрьского большевистского переворота, не замечая, что делают большую ошибку, уподобляя царскую Россию Западной Европе, где управленцев действительно готовит институт частной собственности и имущественного ценза.¹⁷ Следовательно, по мысли авторов, Россия до революции не имела отличительных признаков общественного развития, породивших феномен номенклатуры.

Однако это не соответствует истине: в основе номенклатурного принципа лежит более глубокая идея службы Государству, а служба играла немаловажную роль в жизни России. Если в Европе сакрализировалась частная собственность и свобода личной инициативы индивидуума, то в России всегда сакрализировалась служба Богу, Царю и Отечеству. Чтобы понять, насколько глубоко укоренилось это представление в сознании русского народа, достаточно вспомнить пословицу: “За Богом молитва, за Царем служба не пропадает”.

“Государева служба” была формой организации жизни на Руси, то есть выступает в качестве системообразующего фактора. Каждый русский человек служил, хотя содержание этой службы у солдат и крестьян, дворян и казаков, купцов и церковнослужителей была разной. Иностранцы, приезжавшие в Россию при Иване III, Алексее Михайловиче или Петре I также поступали на службу русскому государю, хотя являлись носителями идей европейского индивидуализма.

Служба является диалектическим явлением: и одной стороны, она требует сознательного подчинения человека интересам социального целого, и даже жертвенности; с другой стороны, служба предполагает вознаграждение, то есть означает допуск к материальным благам. Поэтому с течением времени принятый в русском обществе идеал службы деформируется и требует обновления. Это сопровождается скрытым или явным кризисом социально-политической системы. И, главное, служба во все времена оформлялась институтом номенклатуры. Разрядные книги выполняли роль номенклатуры Московского государства, петровская Табель о рангах являлась номенклатурой Российской империи, и, наконец, собственно “Номенклатура № 1, № 2, № 3 ЦК ВКП(б)”.¹⁸

Итак, в Московском государстве статус и положение служилого человека в иерархии закрепляли разрядные книги. По ним определяли обя-

¹⁶ См.: Джилас М. Новый класс. Анализ коммунистической системы. Нью-Йорк, 1957.

¹⁷ Вопросы истории. 1993, № 7.

¹⁸ См.: Вопросы истории. 1993. № 7.

занности дворян в случае объявления войны. Вознаграждение дворян и “детей боярских” выражалось универсальным словом “корм”. В качестве “корма” могло выступать земля с крестьянами — “поместье”; и “дача” — денежное пожалование; и то, что называют “кормом” школьные учебники — поборы с населения определенной волости. Кризис этой системы выразился в местнических спорах и стрелецких бунтах. Служилые люди “по отечеству” — дворяне, и служилые люди “по прибору” — стрельцы — одинаково хотели меньше служить и больше получать. Это вынудило царя Алексея Михайловича превратить стрельцов в полицейскую силу, а его сына Федора — сжечь разрядные книги и запретить местничество.

Но служба как идеал общественного устройства продолжала господствовать. Обращаясь к народу в “подметных” письмах, Степан Разин писал: “А кто Богу, Государю, да Великому войску Донскому, да и атаману Степану Тимофеевичу послужить хочет...”¹⁹ Интересно отметить, что здесь понятие службы расширяется, это служба уже не только государству, а всей стране, персонифицируемой в Боге, Царе и атамане. Казаки бунтовали, потому что хотели служить русскому царю “хоть с росы и травы, но вольно, без кабалы”.

Поэтому Петру I сравнительно легко удалось восстановить равновесие общественной системы. Для этого он интенсифицировал службу дворян, превратив ее в обязанность, и сократил все остальные категории “служилых людей”, создав вместо них армию европейского образца. Универсальным вознаграждением служилого сословия стало поместье. Статус дворянина в обществе определялся чином по Табели о рангах.

Однако успех Петра Великого оказался временным: созданная им система быстро эволюционировала. Уже в конце жизни Петра поместье по положению сравнялось с вотчиной, а при его наследниках служба для дворян перестала быть обязательной. Сложились предпосылки для перехода к модели западной, активистской политической культуре. Но второй шаг не был сделан: частная собственность продолжала обслуживать интересы службы. Подчиненный характер частной собственности выражался в следующих характерных явлениях: 1) обогащались прежде всего те дворянские фамилии, представители которых находились на гребне служебной карьеры (Нарышкины и Морозов при Алексее Михайловиче, Меншиков при Петре I, Орловы, Потемкин, Зубовы при Екатерине II.); 2) богатство не задерживалось в руках одного рода дольше трех поколений (история родов графов Шереметьевых, графов Коменских, купцов Морозовых); 3) сохранился непроемчивый характер вложения капитала (бриллиантовые пряжки графа Потемкина, крепостной театр графа Коменского). Таким образом, и в это время идеал службы оставался очень устойчивым, и не да-

---

¹⁹ Соловьев В.М. Степан Разин и его время. М.: Просвещение, 1990. С.67.

ром старик Гринев из “Капитанской дочки” А.С.Пушкина говорит о сыне: “Потянет лямку, да понюхает пороху, да будет солдат, а не шаматон!”

Но совмещение внутри российской цивилизации традиционного и либерального начала породило внутренний конфликт, который привел, с одной стороны — к необычайно мощному взлету культуры XIX века, а с другой — к глубочайшему социально-политическому кризису. Воспринявшее европейскую культуру, и, вместе с ней, европейский индивидуализм, “благородное сословие” хотело служить меньше и получать больше. Это заставляло государство увеличивать пресс обязанностей на другие сословия.²⁰ Чтобы частично заменить дворянство на государственном поприще, русское общество выделило из себя новый социальный слой — различную интеллигенцию. Именно интеллигенция снова пытается переосмыслить понятие Служения, расширяя его на весь русский народ. Но именно интеллигенция противопоставила Государство и Народ, выдвинула претензии правящему сословию и начала борьбу с существующим политическим порядком.

Революция 1917 года до основания потрясла российское общество. Старая дворянская элита была полностью устранена и уничтожена, общество было полностью модернизировано. Была создана новая элита — носительница коммунистических социальных ценностей. Она сформировала новую советскую номенклатуру — профессиональную управленческую группу. Новое государство, перестроив страну и общество, воспроизвело старый общественный идеал и старую систему управления. Служба в советском государстве абсолютизировалась: делу Ленина-Сталина должны были служить все граждане с раннего детства до глубокой старости. Через подчиненные себе организации Коммунистическая партия охватывала все слои и категории населения. Служба делу коммунизма была очень интенсивной. Не удивительно, что на путь к катастрофе советское государство потратило не две сотни лет, а всего семьдесят.

Принуждая служить всех остальных граждан, советская бюрократия сама беззастенчиво “кормилась”, особенно после того, как 8 февраля 1932 года был отменен партмаксимум. Вознаграждением выступали и крупные денежные оклады, и социальный престиж, и система привилегий.²¹ При этом привилегии были столь колоссальными, что никто не хотел расставаться с ними добровольно, что породило явление геронтократии и замедлило естественную смену поколений в верхах государства.

Перестройка явилась очередной попыткой либерализации общества. Возмущение народа было направлено против коммунистической государственной идеологии, которой сама правящая элита уже начала тяготиться. Номенклатура, советские чиновники и управленцы, была освобождена от обязательной государственной службы за счет приватизации государ-

²⁰ Ключевский В.О. Исторические портреты. М., 1991. С.232.

²¹ См.: Восленский М.С. Указ. соч. С. 273-314.

ственной собственности. Более всего это напоминает подписанный Петром III “Манифест о вольности дворянской”. Аналогичный манифесту проект императрица Елизавета Петровна отказывалась подписать до последних дней своей жизни.²² Однако, если в “золотые” екатерининские времена “благородное сословие” продолжало следовать дворянскому кодексу чести и сохранило патриотические идеалы, то проведение перестройки спровоцировало наступление нового “смутного времени”. Оказалось, что советская бюрократия не имеет за душой ни кодекса чести, ни идеалов. Единственным сдерживающим фактором для нее являлась тоталитарная система. После ее развала российское общество, фактически, осталось без идеологии и без квалифицированного управления.

Почему же в России эпохи нестабильности сменяются периодами казарменного порядка? Почему Н.А.Бердяев писал, что Россия — самая бюрократическая и самая анархичная страна в мире?²³ По-видимому, эгоизм российской государственной власти монополизировал идеал служения, на котором строится вся российская цивилизация. Это сократило, во-первых, саму опору цивилизации, и втиснуло, во-вторых, общественную жизнь в узкие рамки заданной формы. Русский уклад жизни потерял устойчивость, и служение, то есть сознательное подчинение себя интересам общества, сменяется анархией — освобождением от всех запретов.

§ 3. “СМЕНА ПОКОЛЕНИЙ” КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА И ЦИВИЛИЗАЦИИ.

В предыдущем параграфе был сделан вывод, что правящая элита пытается “приватизировать” службу через отчуждение вознаграждения в виде причитающихся за службу материальных благ и привилегий. Это замедляет процесс естественной смены поколений в политической элите России. Под поколением обычно понимают страту людей, близких между собой по возрасту. Но в истории поколение — это люди, не только близкие по возрасту, но и по духу. Они имеют одинаковое образование и воспитание, одинаковый взгляд на мир. Но самое главное, они сами определяют себя, конституируют как поколение, со своими целями и задачами в жизни. Для развития общества мало, чтобы появилась новая идея. Должно уйти старое поколение, руководствующееся старыми идеями. Это наиболее безболезненный путь обновления общества.

Примером может служить “смена поколений” в русском искусстве XIX века. Господствовавшая долгое время классическая школа Академии художеств дала нам и романтизм О.А.Кипренского, и классицизм К.П.Брюллова и А.А.Иванова, но подчиняла работу художника определенным требованиям. Вместе с тем отец русского жанра А.Г.Венецианов Ака-

²² См.: Ключевский В.О. Указ. соч. С.241.

²³ См.: Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Мысль, 1990. С.10-12.

демии художеств не заканчивал, как и реалист П.А.Федотов.²⁴ Когда рамки классической школы стали слишком тесны, в 1863 году произошел “бунт четырнадцати” и образовалась Товарищество передвижных художественных выставок, провозгласившее своим основным принципом реализм.²⁵ Но поколение бунтарей, со скандалом вышедшее из Академии, само утвердило новые ограничительные рамки в искусстве. И в 1891 году художники В.А.Серов, К.Коровин, А.Архипов подали письмо совету Товарищества “передвижников” с требованием освободить их от опеки и уравнивать в правах со старыми мастерами, а в 1898 году создали собственное художественное объединение “Мир искусства”. Критический реализм уступает место модерну, символизму и авангарду.²⁶

В литературе новое поколение пробивалось с меньшим трудом, так как в Российской империи не было официального учреждения, готовящего писателей. Здесь нашлось место и сентиментализму Н.М.Карамзина, и революционному романтизму К.Ф.Рыльева, и гению А.С.Пушкина. Н.В.Гоголь начинает как романтик, а заканчивает творчество критическим реалистом. Реалистами были И.В.Тургенев, Л.Н.Толстой, Ф.М.Достоевский. А заканчивается литературный XIX век России декадентством, символизмом и акмеизмом.²⁷

Точно также в XIX веке сменились четыре поколения российской дипломатии. Дипломатия Александра I вела длительную борьбу с Наполеоном и привела к строительству Европы времен “Священного союза”. Дипломатия К.Ниссельроде стремилась сохранить сложившееся положение и привела Российскую империю в тупик Парижского трактата 1856 года. Канцлер А.Горчаков вывел Россию из этого тупика, но уже на Берлинском конгрессе не сумел отстоять ее интересы. Наступило время новой дипломатии – дипломатии тайных договоров и империалистических блоков.

Время активной жизни поколения определяется социологами в 25-30 лет. Примерно в 20 лет человек становится полностью самостоятельным, а в 50 у него обычно уже взрослые дети, к которым переходит креативная активность. Таким образом, всего за столетие сменяется четыре поколения. Можно возразить, что в XX веке смена общественных парадигм происходила раз в десятилетие. Мы говорим о поколении сороковых годов, пятидесятых, шестидесятых, семидесятых, подразумевая под этим исторические этапы, отличающиеся друг от друга мировосприятием, то есть “пере-

---

²⁴ См.: Дмитриева Н.А. Краткая история искусств. М., 1993. С.189-219.

²⁵ См.: С веком наравне. М., 1966. С.111-112.

²⁶ См.: Дмитриева Н.А. Указ соч. С.310-341.

²⁷ См.: Русские писатели. Словарь-справочник под редакцией П.А.Николаева. М., 1990. Т.1. С.52-54, 102-108, 119-123, 188-198, 212-216, 267-279. Т.2. С.173-182, 201-204, 314-316.

оценкой ценностей”. Но это доказывает только, что смена поколений — процесс далеко не однозначный, и определяется общественной ситуацией.

XX век был во многом уникален в истории человечества и нашей страны. Изменения, потрясавшие основы общества, происходили здесь с завидной регулярностью раз в десять лет. Через девять лет после окончания русско-японской войны Россия вступает в Первую Мировую, через двенадцать лет после первой русской революции происходит свержение самодержавия и октябрьский переворот, еще через десять лет начинается “великий сталинский перелом” в народном хозяйстве, еще через девять — пришла пора “великой чистки”. Пиком социального прогресса можно назвать “великое десятилетие” Н.С.Хрущева, когда Советская держава стоит на передовых рубежах науки и техники, осваивает Космос, а общественная жизнь переживает подъем. После этого политика, экономика и культура переживают спад, завершившийся кризисом.

Катастрофический характер перемен в нашей стране говорит о том, что смена поколений происходила здесь искусственно. Люди не уступали своего места новым силам, а физически устранялись. Законы саморегуляции проявляются в любом сколько-нибудь организованном обществе. Можно ждать, когда поколения поменяются естественным путем, а можно “вырубить” поколение, которое ты считаешь “отработавшим”, чтобы общество тут же автоматически заполнило образовавшийся вакуум. Так поступали В.Ленин и большевики в годы революции и гражданской войны, так поступал И.В.Сталин, тридцать лет руководивший нашим государством. При нем были достигнуты невиданные темпы общественного прогресса, но эти высокие темпы достались очень дорогой ценой, и сейчас мы расплачиваемся за потерянный в социальных экспериментах генофонд.

Итак, феноменом принудительного “обновления” общества мы обязаны основателям советского государства, большевикам, которые унаследовали его от своих предшественников, революционеров-народников XIX века. Если во всем остальном обществе прошлого века смена поколений осуществлялось естественным путем, то в революционной среде за тридцать лет сменилось три “поколения”, три страты: поколение Чернышевского, поколение “хождения в народ” и поколение террористов. Жандармские репрессии приводили к полному обновлению рядового состава участников движения, преемственность сохраняло только руководящее ядро.

Постоянная смена рядовых членов при сохранении руководящего ядра народнических организаций, породила “инструментальный” подход к человеческой жизни. Писатель Феликс Лурье, характеризуя народовольцев, отмечал: “...их лидеры слишком трезво и необоснованно расчетливо относились к человеческим жизням рядовых членов партии и бывших соратников по Исполнительному комитету, сидевших в тюрьме”.²⁸ Если

---

²⁸ Лурье Ф. Полицейские и провокаторы. М., Терра, 1998. С.179.

убийство студента Иванова по приказу С.Г.Нечаева вызвало возмущение у всех народников, то оправдательный приговор провокатору Дагаеву со стороны последнего лидера Народной воли Л.Н.Тихомирова за помощь в организации убийства жандарма Г.П.Судейкина не вызвал никакого резонанса.

В.И.Ленин унаследовал это “трезвое и расчетливое” отношение к соратникам по борьбе, то есть возвел нечаевщину в принцип. Вся история большевистской фракции РСДРП до революции — это борьба В.И.Ленина со своими бывшими соратниками при опоре на новых единомышленников. После захвата власти принцип ротации кадров стал основой внутренней политики советского правительства. Человек был превращен в винтик бюрократического механизма, а для решения конкретной исторической задачи подбирались конкретные исполнители. Изменение политической ситуации в стране, смена политических и исторических ориентиров приводило к устранению одних исполнителей и привлечению других.

Таким образом, результатом кадровой политики коммунистического руководства стало разрушение механизма естественной смены поколений во всех областях общественной жизни. Попытка Н.С.Хрущева и Ф.Р.Козлова ввести принцип систематического обновления партийного аппарата демократическим путем не принесла успеха.²⁹ Освободившись от страха террора, бюрократия не захотела обновляться добровольно. Это в свою очередь привело к явлению геронтократии, когда смена поколений в правящей элите вообще перестала происходить. После свержения мы вернулись в “медленный” и даже “сверхмедленный” мир, и в какой-то момент перестали успевать за происходящими в стране и на планете изменениями. Наступил системный кризис, то есть в обществе накапливались нерешенные проблемы, потому что не нашлось людей, способных их разрешить. Люди, прорывающиеся к власти, проходили негативный отбор, и занимались защитой своих эгоистических интересов и эгоистических интересов бюрократической системы.

§ 4. ПРОБЛЕМА МНОГОУКЛАДНОСТИ ХОЗЯЙСТВА В СТРУКТУРЕ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.

Цивилизации различаются между собой не только материальной и духовной культурой, нормативной системы, типом личности, но и производственными отношениями, орудиями труда, особенностями экономического развития. Зависимость между материальным и духовным развитием исторически сложившегося общества пытались определить многие ученые. Например, Карл Маркс в “Критике политической экономии” определял соответствие уровня развития производительных сил системе производственных отношений как способ производства. Он выделил четыре таких

---

²⁹ См.: Материалы XXII съезда КПСС. М., Политиздат. 1962. С.276-277, 436.

способа: азиатский, античный, феодальный и буржуазный.³⁰ Способ производства является базисом общественно-экономической формации, а государство, идеология и культура являются надстройкой.

Огюст Конт и Макс Вебер не соглашались с подобным утверждением, и пришли к мысли о равноправии материальной и духовной компоненты в жизни общества. Следовательно, в материальном производстве будет господствовать та же логика, та же культура мышления, что и в духовной жизни общества. В первом параграфе главы был сделан вывод о многомерности культуры мышления, присущей русской цивилизации. Многомерной культуре мышления соответствует исторически сложившаяся многоукладность российской экономики, а непереработанные архаичные слои русского сознания коррелируют с неповоротливостью и слабой управляемостью этой экономики. Как в культуре мышления динамичная русская мысль перемешивает различные уровни сознания, так в экономике переплетены элементы различных общественно-экономических укладов.

В.И.Ленин в работе “О продовольственном налоге” перечислял элементы пяти различных общественно-экономических укладов: патриархального, мелкотоварного, частнохозяйственного, государственного капитализма и социализма. Это позволило Ленину сделать вывод о переходном характере экономики России.³¹ Однако многоукладность можно трактовать не только как переходное состояние между различными укладами, но и как основную характеристику экономики России. Действительно, в упомянутой выше работе говорится о *элементах* пяти экономических укладов, и эта оговорка В.И.Ленина очень важна: они смешиваются, переплетаются, составляют цельный общественный организм.

Но если на Западе многоукладность экономики явилась основой либерального капиталистического общества, в России она является следствием иных причин и выполняет иные задачи. Одной из таких задач можно назвать функцию своеобразной социальной защиты. Ни для кого не является секретом, что даже в условиях строительства в стране информационной технотронной цивилизации, включающей компьютерные сети, сотовые компании и “электронные” деньги, большая часть населения страны вынуждена держать огороды, чтобы обеспечить свое существование. Эти остатки натурального хозяйства позволяют народу выжить при очередном кризисе, спровоцированном правительством.

Многоукладность экономики как общественное явление прослеживается на всех этапах истории Российского государства. Так, пестрота экономических отношений породила дискуссию о характере хозяйства Древней Руси. В.О.Ключевский и Н.А.Рожков выдвинули идею об отсутствии феодальных отношений и товарном характере экономики Киевского государства. При этом они опирались на отсутствие в летописях письменных

³⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд.2. Т.13. С.7.

³¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.43., С.206.

упоминаний о феодальных хозяйствах и существования на Руси “очередного” порядка владения уделами.³² М.Н.Покровский и Б.Н.Греков убедительно доказали существование у восточных славян развитого сельского хозяйства и складывание, в силу этого, феодального землевладения.³³

В Московском государстве многоукладность экономики также нашла свое выражение: одновременно существовали великокняжеский домен, система условного дворянского держания, боярские вотчины и крестьянские “миры”. При Петре I эта система была надстроена государственной промышленностью (посессионные мануфактуры), работавшей на оборону страны.

Таким образом, можно сделать вывод, что многоукладность в России бытовала всегда. Но констатировать это означает не сказать ничего, ибо любая устойчивая экономика должна быть многоукладной. Спецификой российской многоукладности являлось то, что наша страна остается как бы “привязанной” к исходной точке своего исторического развития. Вместо динамичного развития путем смены укладов мы видим неторопливое наращивание одного экономического уклада на другой. Более всего это напоминает прирост слоев древесины. Аккумулировалось большое количество социальной энергии и культурной информации. Но экономическая система при этом становилась все более неповоротливой и неуправляемой.

Однако все попытки покончить с подобным положением дел привели Россию к кризису. Опричнину и Смутное время можно рассматривать как борьбу различных феодальных укладов, вотчинного и условного держания, они зеркально отражают попытки государства уничтожить боярский сепаратизм и попытки боярства ограничить государственную власть. Таким образом, многоукладность является одним из условий стабильности российской цивилизации, победа одного из укладов приводит или к застою или к потере социальной стабильности.

Но с другой стороны необходимо отметить, что во время очередного социально-политического кризиса происходит отрыв российской социально-экономической системы от старой исходной точки развития, а окончание кризиса знаменует появление новой исходной точки. Именно так, через рывок, совершается развитие. В период Смутного времени фактически была установлена частная собственность на личность человека – крепостное право. Это был первый шаг к сближению поместья с вотчиной, к “регулярному” государству эпохи Петра I и блестящей империи Екатерины II. Через два столетия наступила екатерининская эпоха, названная “золотым веком” русского дворянства. На самом деле, правильнее было бы столетие с 1762 по 1861 годы периодом стагнации. Два века Россия строила “регулярное” государство, нашедшее высшее свое воплощение в империи времен Николая I. Но сосредоточение всех политических и экономических

³² См.: Ключевский В.О. Курс лекций по русской истории. Ч.1. С.187-190, 211-217.

³³ См.: Греков Б.Д. Киевская Русь. М. 1953. С.15, 31-32, 125-129.

прав в руках одного сословия привел к потере темпа развития, что привело к проигрышу Крымской войны и необходимости отмены крепостного права.

Срочно была предпринята попытка перейти к либеральной модели развития – и заново построить многоукладную экономику. Путь к либеральной модели лежал через отмену крепостного права, промышленный переворот и железнодорожный бум. Последний импульс либерального реформаторства последовал в 1906 году, при проведении столыпинской аграрной реформы. И снова Первая Мировая война выявила отставание России и необходимость прорыва в новое качество.

Большевики перепахали страну до основания. Глава советского правительства В.И. Ленин объявил войну мелкотоварному производству в пользу социализма и госкапитализма. Это привело страну к целому ряду экономических кризисов, из которых самый сильный — хлебозаготовительный кризис 1928 года — был использован И.В. Сталиным для начала сплошной коллективизации и уничтожения крестьянства как класса. Целые пласты накопленной “избыточной” социальной и культурной энергии были разрушены и преобразованы в энергию развития. За счет уничтожения многоукладности получила импульс сверхбыстрого развития промышленность.

Большевикам удалось оторвать Россию от последней изначальной точки исторического развития (1861 год) и превратить ее из аграрно-сырьевой державы в индустриально-сырьевую. Современное развитие страны совершается на этой основе. На нее пытаются в срочном порядке “нарастить” новые слои – капиталистические отношения и высокие технологии. Но базис-то остается большевистским, и примет только те нововведения, которые не противоречат его внутренней логике.

Таким образом, история России может быть представлена в качестве ряда опережающих прорывов, которые достигались на основе концентрации энергии для решения немногих приоритетных задач. Такая концентрация достигается за счет социального и экономического резерва цивилизации, то есть за счет сокращения числа общественно-экономических укладов. Социальный перегрев достигался за счет уничтожения целых классов и социальных групп и использования накопленного ими экономического потенциала. Россия “сжимается” во время модернизационных скачков, а в остальное время “наращивает” избыточность социально-экономической системы, так как все избыточные системы чрезвычайно устойчивы.

§ 5. ОТ МОДЕРНИЗМА К ПОСТМОДЕРНИЗМУ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА И РОССИЯ.

В 90 годах XX века стали популярными теории Р. Дарендорфа, Дж. Белла, Э. Тоффлера о появлении на планете цивилизации нового, глобального типа. Чаще всего ее называют постиндустриальной или инфор-

мационной, так как структурообразующие компоненты действительно переходят из непосредственного производства в область связи и информатики. Но с большим основанием мы могли бы говорить о постмодернистской цивилизации, ибо это определение шире и точнее, и охватывает не только системообразующую сферу, но и всю жизнь современного человека.

Модернизм и постмодернизм – прежде всего стили в искусстве, во многом являющиеся антиподами. Стил “модерн” — это последний синтетический стиль, объединявший архитектуру, живопись, скульптуру в единое целое. Первоначально он возник в архитектуре, потом шагнул в искусство и литературу. Зародился модерн в ряде стран Европы на рубеже веков, но наиболее стройную и законченную форму обрел в России.³⁴ Искусствоведы ограничивают существование этого художественного стиля двадцатыми-тридцатыми годами XX века.

Но модернизм — не только художественный стиль, но и культура мышления, проявлявшаяся не только в искусстве, но и в социальной жизни человека. Первоначально модернизм в прямом смысле этого слова “вывернул наизнанку” архитектурное мышление. Если раньше архитектор сначала чертил общий план здания, рисовал фасады и только потом намечал расположение покоев, то в модерне самым главным стал интерьер зал и комнат. Архитектор размечал, где какое помещение должно находиться, в зависимости от его назначения намечал размер, форму помещения, и только построив внутренний план дома, обносил его стенами.³⁵ В искусстве этот стиль проявился в желании художника отгородиться от действительности, уйти в свой собственный, искусственно созданный мир, углубиться в разработку совершенной формы своих произведений, воспеть внутренний духовный мир ушедшего от общества одиночки.

Но мало кто задумывается, что модернистский стиль мышления проявлялся и в политике XX века, прежде всего, в выдвижении и реализации различных политических проектов общественного устройства. И у архитектора, и у политика эпохи модернизма проявляется одна и та же культура мышления. И Ленин, и Гитлер, и Рузвельт разрабатывали социальные проекты, построенные по единому принципу. Сначала берется абстрактный человек, и решается, как, в соответствии с какими принципами он должен жить. Потом политические “архитекторы” решают, сколько социальных этажей необходимо обществу, какие классы и группы населения необходимы, а без каких можно обойтись. Потом проект реализуется на практике, хорошо или плохо. Американские проекты “массового общества” и “новые рубежи” Джона Кеннеди тоже были модернистскими проектами.

Таким образом, политический модернизм — это тип мышления, характеризующийся стремлением преобразовать действительность согласно

³⁴ См.: Всеобщая история архитектуры в 12 томах. Т.10. М., 1972. С.38.

³⁵ См.: Овсянников Ю.М. Рассказы об архитектуре. М., 1984. С.173-174.

тем или иным проектам, претендующим на безусловную, непреходящую ценностную значимость. Все эти проекты рано или поздно, но потерпели полный крах. Последний такой проект — объединенная Европа — терпит провал сейчас, во время войны на Балканах.

Провал модернистских проектов преобразования действительности привел к появлению постмодернизма — художественного стиля, культуры мышления и политических принципов. Постмодернизм возник и вырос в искусстве из архитектурного стиля эклектики, утверждавшего эстетическую возможность конструкций, созданных на основе совмещения разных стилей.³⁶ На основе этих принципов была разработана идеология, принятая на вооружение искусствоведами, литературоведами и культурологами постструктуралистской ориентации. И, наконец, появилась философия постмодернизма: Делез, Лиотар, Бодрийяр и Деррида.

Постмодернизм в философии — утверждение конечности всех представлений человека об окружающем мире. Например, Жан Деррида говорит о гибели всех “богов” западной интеллигенции — Техники, Науки, Культуры, Прогресса вообще.³⁷ Ж.-Ф.Лиотар говорит о крушении главных идей человечества: просветительской идеи прогресса, гегелевской идеи диалектического развития духа, западноевропейской идеи эмансипации личности и т.д.³⁸ Поэтому история для постмодернистской философии — бесконечное возведение “вавилонских башен” и превращение их в руины.³⁹ Бытие — “вечное повторение одного и того же”.

Постмодернизм в искусстве — отрицание целостности художественного произведения. Целостность в глазах постмодернистов отождествляется с “тоталитаризмом”. Постмодернистская литература и искусство тяготеет ко всему фрагментарному, внутренне надломленному и неустойчивому, и, наоборот, отрицает законченное и завершенное. В качестве творческой неудачи расценивается сама попытка двинуться в этом направлении.

Постмодернизм в социальной сфере — ликвидация вертикального измерения. Это диффузное, ценностно нейтральное состояние социума, общество без какой-либо идеальной, духовной надстройки. Этим постмодернизм обязан совместным усилиям последователей Зигмунда Фрейда, идеологов “общества потребления” и теоретиков всемирной “сексуальной революции”. В 1970-80-х годах в западном обществе произошел качественный скачок, значения которого никто не оценил. Имеется в виду создание современной медициной мощнейшей индустрии контрацепции. Эта индустрия позволила остановить социальное время, уничтожила такое неприят-

---

³⁶ Сам термин “постмодернизм” появился в архитектуре после того, как стало ясно, что невозможно все прирастающие инновации отнести к модернизму.

³⁷ См.: Архитектура и философия. Интервью с Жаком Дерридой. || Беседа. Ленинград-Париж. 1986.

³⁸ См.: Давыдов Ю. Современность под знаком пост. || Континент. 1996. № 3.

³⁹ См.: Беседа. Ленинград-Париж. 1986.

ное для массового человека понятие “потом”. Отмена социальной ответственности позволило провозгласить основой общества “принцип удовольствия” (фрейдовское либидо).

Таким образом, постмодернизм — это социально-психологическая реакция на отсутствие положительного результата поступательного общественного развития. Это болезнь роста, и проявляется она в отказе от поиска смысла человеческой жизни. По образному утверждению П.К.Гречко: “Постмодернизм призывает заменить модели реальности на реальность как модель”.⁴⁰ Он ситуативен до мига, не знает вечности.

Но может ли мировоззрение, провозгласившее отказ от смысла человеческой жизни, построить свою собственную политику, а значит, цивилизацию? К сожалению, следует утвердительно ответить на этот вопрос. Прежде всего, потому, что принципы постмодернизма находят выражение в идеологии “сексуальных меньшинств”, что не раз подчеркивал в своих статьях И.Хассан.⁴¹ Действительно, в последнее время сексуальные меньшинства озабочены не сколько своим самосохранением и легитимацией в глазах общества, сколько завоеванием политической власти. Что же касается власти идеологической, то они давно уже ее завоевали. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, сколько артистов, писателей и художников и в России, и на Западе открыто признают свою принадлежность к этим группам.

Но если постмодернизм — болезнь роста, при этом болезнь роста Западной цивилизации, то, может быть, России ничего не угрожает? Западные постмодернисты покритикуют свою систему ценностей, сделают ее более гуманной и пластичной, и на этом все закончится. Однако в истории уже есть ни мало примеров того, как болезнь роста одного культурно-религиозного мира становилась страшным ядом для других культурных миров.

Л.Н.Гумилев убедительно показал, как манихейство, появившееся среди зороастрийцев как болезнь роста их культуры, проникнув в Европу, обернулось богомильской и катарской ересями, с которыми долго и упорно пришлось бороться католической церкви.⁴² То же манихейство фактически привело к падению Уйгурского каганата, ибо властная элита уйгуров, приняв эту веру, проповедовавшую сознательный отказ от продолжения рода, просто выродилась.⁴³

Россия не прошла школу Нового времени, школу эмансипации человеческой личности. Она заменила модернизм экономической модернизацией и культурным модерном, то есть внешними заимствованиями. Заим-

---

⁴⁰ ОНС. 2000. № 2.

⁴¹ См.: Давыдов Ю. Современность под знаком пост. \ \ Континент. 1996. № 3.

⁴² См.: История Европы с древнейших времен до наших дней. Т. 2, М., 1992. С. 280.; Парнов Е.И. Трон Люцифера. М., 1990. С. 48-54.

⁴³ См.: Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период М., 1984.

ствования накладываются на традиционную социальную основу, и потому всегда сочетаются с массой исторических пережитков. Поэтому искушение постмодернизма для нас особенно опасно. Достаточно вспомнить, что мы сейчас претендуем на такой уровень открытости в обществе, который не может себе позволить “передовой” Запад.

Интересно в этой связи отметить связь постмодернизма с проблемой СПИДа. Распространение этой болезни и превращение ее в пандемию может служить наглядным системным индикатором. СПИД — болезнь постмодернистского общества, и не случайно распространение этого заболевания в нашей стране долгое время сдерживалось невидимым барьером, что вызывало удивление на Западе. Но не меры профилактики сдерживали болезнь, а барьер в общественном сознании. Как только общество изменилось, и стало более открытым и более социально безответственным, произошел самый настоящий обвал СПИДа в России.

Постмодернизм выдвигает лозунг “общечеловеческих ценностей”, имеющих универсальное значение для всего человечества. Здесь происходит подмена понятий. Социолог Чарльз Кули, исследователь первичной группы, доказал, что любая культура закладывает в человеческую личность примерно одни и те же ценности. Этот механизм является первичным условием существования общества как такового. Но ведь отдельные культуры различаются сравнительной значимостью этих ценностей, заключенных в определенную иерархию.⁴⁴ Клод Леви-Стросс заметил по этому поводу: “Оригинальность каждой из культур заключается прежде всего в ее собственном способе решения проблем, перспективном размещении ценностей, которые общи всем людям. Только значимость их никогда не бывает одинаковой в разных культурах...” Можно процитировать также Н.Б.Мечковскую: “Одни черты объединяют белорусов со всеми славянами; другие – с литовцами и поляками; третьи – с народами, исповедующими христианство; четвертые – с жителями Европы; пятые – с жителями СНГ. Народный менталитет складывается из взаимодействия всех «слагаемых», причем этническая индивидуальность определяется не только глубоко индивидуальными особенностями народа, но и уникальностью самого соединения индивидуальных и групповых черт – соединения именно «этих ингредиентов» и именно в такой неповторимой «пропорции»”.⁴⁵

Например, Великая Французская революция выдвинула систему ценностей: “Свобода, Равенство и Братство”. Безусловно, они являются общечеловеческими ценностями. Но их последовательность, иерархия, являются национальными. В результате революции и последующей социальной борьбы французы реализовали полнее всего идею свободы, в меньшей степени идею равенства (в институте юридического равенства), а вот идея

⁴⁴ См.: Касьянова К. Представляем ли мы, русские, собой нацию?//Знание-сила. 1992. № 11.

⁴⁵ Мечковская Н.Б. Язык и религия. М., 1998. С. 37.

братства осталась декларацией. В России была выдвинута другая идеология: “Православие, Самодержавие, Народность”. Полнее всего был реализован принцип самодержавия — даже его ниспровергатели революционеры выдвинули, в конце концов, из своей среды нового самодержца. Православие реализовалось в соборности, коллективности русской жизни. Что же касается народности, то если бы этот принцип был практически реализован, а не только декларирован, никакой бы революции в России не произошло.

Постмодернизм для своего утверждения пользуется той же схемой: старается довести до логического предела определенную иерархию ценностей, основанную на индивидуализме, моральном релятивизме, неограниченности удовольствия, и отодвигает на задний план общественные интересы. Универсальной и общечеловеческой эту систему можно назвать только по недоразумению.

Столь же неубедительны претензии либеральной демократии на мировое лидерство. Весь XX век она строила свою политику на противопоставлении себя коммунизму. Утратив врага, вернее, свою противоположность, либеральная демократия проявляет несостоятельность в определении устойчивой исторической перспективы для всего человечества. Лидеры либеральной демократии пытаются найти себе нового врага в лице Норвегии, Хусейна, Милошевича, Бен-Ладена, не замечая, что столь простое решение, как поиск врага, вовлекает их на самом деле в “дурную бесконечность” “простых” решений.

Что же представляет собой постмодернистское общество в концептуальном плане? В грубом приближении это слияние концепций “массового” и “информационного” общества. Социальную базу постмодернизма составляет зрелый этап “массового общества” с выходом на поверхность культуры “неквалифицированного индивида” по терминологии Хосе Ортеги-и-Гассета. Неквалифицированность этого индивида заключается в том, что он не умеет себя развлекать, но потребляет услуги и развлечения в большом количестве.⁴⁶ Поэтому специально для этого индивида создается индустрия услуг и развлечений, в которой личность подвергается нивелировке. Нивелировка общества — один из принципов постмодернизма. Создается бесструктурный, хаотичный мир, в котором торжествуют низшие: толпа управляется самым зычным окриком и самым грубым жестом.

Эти культурные изменения сопровождаются подвижками в производственной сфере. Наметились два предела роста современной Западной цивилизации — экологический и энергетический. Но дальше констатации этого совершенно простого факта человечество за двадцать лет так и не пошло. Значение промышленности падает, и начали бурно развиваться системы связи и средства обработки информации. Телевизор, персональные

---

⁴⁶ Это опять заставляет вспомнить эпоху Рима и ставший крылатым лозунг: “Хлеба и зрелищ”.

компьютеры и система Интернет стали неотъемлемой частью нашей жизни. При этом процесс их совершенствования нарастает лавинообразно. Однако сейчас можно констатировать, что поставленная задача не достигнута. Сайты музеев, научных сообществ, библиотек составляют малую часть системы Интернет. Остальное – это система услуг и развлечений. Цели повышения управляемости информационными потоками не достигнуты. Между тем, растущее производство превратилось в техногенную стихию, угрожающую постоянными катастрофами.

Таким образом, можно сделать вывод, что России не по пути с современной Западной цивилизации, уверенно двигающейся от одного кризиса к другому. Можно ли обособиться от рокового процесса? Можно ли укрыться от истории? В прошлом такие примеры были. Византия, а за ней Тибет создали культуры, духовно замкнувшиеся от мира. Но обособившиеся культуры не умеют учиться у соседей, не умеют извлекать опыт из своих поражений, и соседи их сминают. На сегодняшний день обособление имеет только относительный смысл, давая местной культуре время “переварить проглоченное” и перевести глобальные термины на свой язык. Но для этого нужно иметь этот свой язык, свою собственную систему ценностей, свою собственную культуру мышления.

Гуларян Артем Борисович — старший преподаватель кафедры философии и социологии Орловского государственного аграрного университета.